

Владимир Карпович Железников

Жизнь и приключения чудака

В книгу известного детского писателя, лауреата Государственной премии СССР, входят повести "Жизнь и приключения чудака", "Последний парад", "Чучело" и другие. То, что происходит с героями повестей, может быть с любым современным школьником. И все-таки они могут поучить своих сверстников вниманию к людям, к окружающему. Автор изображает подростков в таких жизненных ситуациях, когда надо принимать решение, делать выбор, распознавать зло и равнодушие, то есть показывает, как ребята закаляются нравственно, учатся служить добру и справедливости.

Издается в связи с 60-летием писателя.

Для среднего возраста.

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь с фотографиями

Женитьба дяди Шуры

Вандал, варвар, гунн! Но в отличие от них на тебе

лежит печать цивилизации нескольких столетий! Может

быть, ты считаешь, это не имеет значения? Посмотрим,

посмотрим...

Из высказывания тети Оли в мой адрес

ТЕТРАДЬ С ФОТОГРАФИЯМИ

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

- Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: "Неисправим дух хвастуна!"

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Подучается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что?

В общем, она умоталась, и слаба богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни - не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все, плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вlepили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова "индивидуальность" понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля услышала словечко "умоталась"! Вот бы подняла шум: "Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!"

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

- Ты куда?

- спросил Сашка.

- Никуда, - ответил я.

- А ты?

- И я никуда, - сказал Сашка.

- А у меня, - сказал я, - есть десять рублей, - вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

- Подумаешь!

- сказал Сашка.

- Да это же мои собственные!

- возмутился я.

- Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

- Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

- А куда?

- дотошно спросил он.

Я ответил:

- Естественно, в магазин.

- А в какой?

- "Все для женщин".

- Что-то я такого магазина не знаю, - сказал недоверчиво отец.

- А ты, часом, не врешь?

- Я? Ты что?!

А мне понравилось название "Все для женщин". По-моему, прекрасное. А он так грубо: "Ты не врешь?" Недаром тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

- А где он находится?

- продолжал он допрос.

- На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

- Там всю жизнь была керосиновая лавка!

- завопил папа.

- Ее снесли, - храбро ответил я.

- И выстроили новый магазин.

Ну, а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, - куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина "Все для женщин".

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое любопытство.

На всякий случай я зашел в магазин и почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придраться к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

- Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец!

- кричала мама.

- Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! "Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор".

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

- Ну чего ты?

- сказал я.

- Из-за кровати...

- Да нет, - ответила она, - из-за тебя. Растешь балбесом.

- Я обязательно исправлюсь, - сказал я.

- Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суэта!

...Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

- Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что соврем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки; букву - я, букву - Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки.

И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

- А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе?

- спросила Настя.

- Он у нас знаменитый флейтист, - ответил я за Сашку.

- Молодец, - сказала Настя.

- А ты, Боря, чем увлекаешься?

- Я? Исключительно ничем.

- Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

- Еще один воспитатель на мою бедную голову!

- сказал я.

- Извини, - тихо ответила она.

- Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.

Она нас просто околдовала. "Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила", - подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс "А". Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ "ик". Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова "ик". А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила: "А я по твою душу, Збандуто", - у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

- Что это вдруг?

- удивился я.

- Вроде еще ничего не случилось.

- Случилось.

- Нина загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

- Интересно, - тут же стремительно вступил в игру Сашка.

- Ребята, минуту внимания!

- сказала Нина.

- Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

- Уря-а-а!

- закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

- А во-вторых...

- сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тью-тью! Сидел себе и похихикивал.

- А где Збандуто?

- спросила Нина.

- Не знаю, - ответил Сашка.

- Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

- Что с тобой, Збандуто?

- участливо спросила Нина.

- Он сомлел, - сказал Сашка.

- Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

- Воды, - приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. По-моему, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

- Ну, как ты себя чувствуешь?

- спросила Нина участливо.

- Получше?

- Ничего, - сказал я.

- Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

- Хорошо, - сказала Нина, - в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

- А теперь, ребята, я вам сообщу новость, - снова торжественно начала Нина.

- Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс "А". Она повернулась ко мне и объявила: - Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех - мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

- Донато! Ха-ха-ха!

- закричал Сашка.

- Он научит их получать двойки.

- Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

- Надувато! Научи их лупить девчонок!

- Бить окна!..

- Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

- Ну, хватит. Посмеялись - и хватит!

- серьезно сказала Нина. Согласен, Збандуто?

- Нет, - ответил я.

- У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

- То ты икаешь, - сказала Нина, - то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори, согласен или нет?

- А что я буду с ними делать?

- спросил я.

- Подготовишь в октябрюта, - ответила Нина.

- Будешь их сажать на горшки и вытирать носы!

- выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

- Что здесь смешного?

- сказала она.

- Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнес:

- Я согласен.

- Несчастный Надувато, мне тебя жаль! Сашка корчился от смеха.

- Может, помолчишь?

- спросил я.

- А?

- Ну, вот и хорошо, Збандуто, сказала Нина. Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

- Можете на меня положиться, - громко ответил я и победно оглядел притихший класс.

- Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна. А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н.Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке это поважнее, чем пищать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая "находка", о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: "Дорогие ребята, пионерская организация..." Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

- "Дорогие ребята!

- крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину.

- Пионерская организация, известная своим благородством..."

- Что-нибудь случилось?

- спросила Полина Харитоньевна, отступая.

- Случилось, - ответил я.

- Что?

- Полина Харитоньевна всего боялась.

- Меня назначили вожатым!

- крикнул я и пролетел мимо нос в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

- Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

- В первый класс "А", - ответил я.

- Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

- Не называйте меня больше Бокой, - попросил я, - я уже не маленький.

- Хорошо, - согласилась Полина Харитоньевна.

- Может быть, пообедаешь?

- Нет, - твердо ответил я, - я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

- Мама!

- закричал я.

- У меня хорошая новость!

- Тише, тише, не кричи так, - попросила она.

- Меня назначили вожатым в первый класс, - с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

- Только не называй меня больше Бокой, - предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

- "Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам..."

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

- Неужели исправится?

- долетел до меня голос мамы.

- Неужели возьмется за ум?

- А что вы думаете, - ответила Полина Харитоньевна.

- Обещал развивать силу воли.

- Боже мой!

- вздохнула мама.

- Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

- "Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену..." - На слове "смена" у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

- А, Бока, - сказала мама.

- Может быть, все же пообедаешь?

- Опять "Бока"!

- возмутился я.

- Это, наконец, надоело.

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался.

После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово "мужество".

- Борька!

- крикнул кто-то за окном.

- Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

"А-а-а, притащился!

- подумал я.

- Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты".

- "Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным..." продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет.

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну - мы живем на первом этаже - и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

- Ну, скоро ты?

- спросил он.

- Не мешай, - ответил я.

- Я занят.

- А как же я?

- удивился Сашка.

- Что же мне делать в полном одиночестве?

- Действительно, - я посмотрел на его постную физиономию, - а как же ты?

- и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати широко распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

- Ты куда?

- закричала мама.

- А как же твоя речь?

- Ничего, - ответил я, - даже министры читают свои речи по бумаге, - и прыгнул вниз.

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас устали на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят - хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

- Чего вам надобно, крошки?

- спросил Сашка.

- Нам нужен Боря З...

- Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

- Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девчонки из первого "А", вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

- Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, переврал я свою фамилию.

- Извините, сказали девчонки в два голоса. Мы из первого "А". Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

- Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк!

- Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

- Перестаньте, - сказала она.

- Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

- Послушай, Красная Шапочка...

- многозначительно произнес я.

- Мы же разговариваем, - отстранил Сашку рукой и сказал: - Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косит глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

- Привет!

- крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

- Ты что, - взревел он, вскакивая, - обалдел?

- и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

- Чего это вы деретесь?

- спросила Настя.

- А еще друзья!

- У нас дружеская драка, - сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

- Разминка после уроков, - поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то, малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

- Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немым восхищением, как на бегемота в зоопарке. Через секунду Настя и Сашка оказались отесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

- Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

- Пошли в свою тарелку!

- крикнул какой-то находчивый малыш.

- Пошли! Пошли!

- загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли.

На доске большими печатными буквами было выведено: "БОРЕ УРА!"

- Ну, это уж слишком, - сказал я и стер надпись.

Откашлялся, дрожащим" руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

- "Дорогие ребята!

- Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор: - Пионерская... организация... всем известная..."

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за нею тупым взглядом, но поднять не решился.

- "Пионерская организация, всем известная..." - начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

- "Пионерская организация, всем известная..."

- На секунду поднял голову, криво усмехнулся: "Повторенье - мать ученья", и продолжал: ...своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную, мужественную смену..." - Я умолк окончательно.

- Ура-а-а!

- закричал мальчишка с последней парты.

- Не надо, - сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

- Ну, давайте познакомимся, - упавшим голосом сказал я.

На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

- Тебя как зовут?

- спросил я одну из них.

- Стрельцова, - ответила она, вставая.

- Фамилий не надо, - предложил я.

- По фамилиям скучно. Давайте только имена.

- Зина, - сказала Стрельцова и села.

- А меня Наташа, - сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

- У нас две Наташи! И обе дуры!

- выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа захлопала своими пятаками. Видно собираясь разреветься.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

- Тебя как зовут?

- спросил я.

- Генка, - ответил он.

- А сколько у вас Генок?

- Трое.

- Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и остро слов Генка тоже. А Наташа уставила на меня свои пятаки и сказала:

- Нет, только этот... Костиков.

- Значит, ты Генка Костиков?

- Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: - А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

- Громче, - попросил я.

- Толя!

- вместо него выкрикнул Генка.

- Он у нас трус. Как девчонка.

- Тихо, тихо, - сказал я.

- Храбрость дело наживное. Садись, Толя.

- И повернулся к классу: - Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

- Лена!

- Лена!

- Гена!

- Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

- Сима!

- Коля!

- Леша!

- Шура!

Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки - с косичками. Мальчишки - с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

- Довольно!

- решительно прервал я этот поток имен.

- На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием.

Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

- Вот что, ребята, - сказал я, - мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы фотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Малыши завывали от восторга. Ужас, до чего они были восторженные!

- А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побежим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

- Приготовились!

- скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым.

- За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к дверям все одновременно. Ну, конечно, застряли, и получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного не по себе. Неинтересно их обманывать, они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свожу их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

...Мы играли в футбол. Шестой "В" на шестой "А". Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была принципиальная игра, но дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу чей-то писклявенький зовущий голосок:

- Бо-ря!

Скосил глаза. О боже, возле меня появилось милое видение: та самая первоклашка, у которой глаза как пятаки!

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для задушевной беседы!

Она снова окликнула меня:

- Бо-ря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно вижу впервые:

- Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

- Я Наташа Морозова из первого "А".

- Ну и что?

- спросил я.

- Там собака, - ответила она.

- Я боюсь, а мне надо домой.

- Ты же видишь, я занят, - возмутился я.

- А я думала, - сказала девчонка, - ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство - лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет, нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле поспевая, бежала Наташка.

Ну, уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

- Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

- У меня папа в Африку уехал, - ответила Наташка.

- Куда? Куда?

- В Африку.

- А ты хоть знаешь, где находится Африка?

- спросил я.

- Конечно!

- Она рассмеялась: - Я даже стихи про Африку знаю. "В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы..."

- И все? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну, и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

- Я никогда не вру.

- Совсем?

- выскочило у меня.

- Совсем, - ответила Наташка.

- Я не умею.

- Не горюй!

- Я похлопал ее по спине.

- Этому я тебя научу.

- Зачем?

- спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

- Я пошутил. Я сам никогда не вру, - сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

- И ты ее испугалась?

- возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она неожиданно ошетибилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

- Вот видишь!

- сказала Наташка.

- Она кусается.

- Взяла меня за руку и крепко прижалась.

- Ну ладно, африканка, - сказал я, - до свиданья.

- Спасибо!

- крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги - как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

- Между прочим, - сказал я громко, - здесь ходят маленькие дети.

- Учтем, - ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус, Наташка села в него. Водитель поторопился закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар.

Я подхватил портфель, впрыгнул в троллейбус и позвал:

- Наташка, ты где?

- Я здесь, - ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

- Все из-за тебя!

- угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

- А ты чего?

- удивился я.

- Здесь мой дом, - сказала она.

- И ты пешком не можешь пройти одну остановку?

- На троллейбусе интересней.

- "Интересней"!

- передразнил я ее.

Я здорово обозлился.

Я стал стягивать наколенники, а то на меня все оглядывались: они были натянuty по верх брyк.

- А твой дом где?

- не унималась Наташка.

- Там...

- Я неопределенно махнул рукой и пошел.

- Можно, теперь я тебя провожу?

- Она догнала меня.

- Нельзя, - ответил я.

- Я возвращаюсь на футбол.

Конечно, когда я прибежал в школу, никакого футбола не было и все разошлись. Я уже собирался уходить, как вдруг вижу, ко мне подбегает Наташка.

- Ты чего вернулась?

- спросил я.

- Я хотела узнать, чем кончилась игра, - сказала она.

- Кто победил?

- Тоже мне болельщица!

- возмутился я.

- Боря, а теперь можно, я тебя провожу?

- Провожай, провожай!

- От нее нельзя было отделаться.

Домой мы возвращались вместе. Она оказалась смешной и симпатичной. С ней легко было разговаривать. Ее отец действительно уехал работать в Африку. Он врач. А матери у Наташки нет. Она умерла, когда Наташка была маленькой. И теперь они живут вдвоем с бабушкой, пенсионеркой:

Ну, тут я, чтобы поддержать разговор, сказал, что у меня тоже есть знакомая пенсионерка
- тетя Оля.

- Пенсионерка!

- повторила радостно Наташка и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

- Все пенсионерки смешные, объяснила она.

- В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Правда она веселая. Она мне так поправилась, что я разменял еще один рубль из папиной десятки и угостил ее мороженым. Она его лизала медленно, чтобы растянуть удовольствие.

- Боря, - спросила Наташка (она все время поддерживала разговор), - а твой отец куда уехал в командировку?

- Улыбнулась и добавила: - Тоже в Африку?

Шутница!

- Нет. В Сибирь. Он живет среди тофаларов.

- А кто такие тофалары?

- спросила Наташка.

- Это маленькая народность в Сибири.

- Так это люди, - догадалась Наташка.

- А я про них ничего не слышала. А что он там делает?

- Ищет метеорит в тайге.

- Мне нравилась эта игра.

Она была неиссякаема на вопросы.

- А что такое метеорит?

- спросила Наташка.

- Это небесное тело. Может быть, осколок далекой звезды.

- Осколок звезды!

- восхищенно прошептала Наташка.

- Он летит к Земле со сверхзвуковой скоростью и так разогревается, что превращается в огненный шар.

- В огненный шар, - повторила она.

Все-таки я ее потряс.

Наташка подняла глаза к небу, надеясь увидеть в нем этот огненный шар, но увидела только солнце. Сощурилась, глаза у нее превратились в щелки, и она спросила:

- Как солнце?

- Нет, - ответил я.

- Он маленький. Я вижу, вас надо учить еще да учить.

- Конечно, - согласилась Наташка.

- Боря, а ты не знаешь, как спят африканские жирафы?

Ну и девица, что придумала! Я бы мог соврать ей или отшутиться, сказать: "Они спят, задрав кверху копыта", или: "Они спят на земле". Но я честно признался, что не знаю. И самое удивительное - мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное. Уж не заболел ли я?

В это время я заметил Сашку, стоящего возле нашего дома. В руках у него был мяч, он небрежно постукивал им об асфальт. Рядом, около стены, лежали наши портфели.

Я остановился и стал перевязывать шнурки в ботинках, а сам соображал, как отделаться от Наташки. Не хотелось бы, чтобы они сталкивались.

- Иди, - прошипел я, - тебе пора домой.

- Ничего, - успокоила меня Наташка, - я не спешу.

Тогда, все еще завязывая шнурки, я медленно повернулся к Сашке спиной, чтобы уйти.

Я даже прополз несколько шагов на четвереньках, и так, может быть, я бы полз через весь двор, но неожиданно передо мной выросла стена в виде Сашки.

- Ну что?

- спросил я беззаботным тоном, делая вид, что Наташка вроде бы не со мной.

- Зайдем ко мне?

Собственно, если бы он ответил мне сразу, ничего и не произошло бы, но он так долго обсасывал свой леденец, как будто это было самое важное занятие в мире.

Он сосал леденец и презирал меня. Щеки у него были пунцово-малиновые, и поэтому особенно контрастно выделялся синяк под глазом, который кто-то ему поставил во время игры.

И вот тут-то нетерпеливая Наташка вполне дружески ворвалась в нашу беседу.

- Какой у вас синяк!

- сказала она и заботливо добавила: - Вам надо к врачу.

Сашка ей ничего не ответил и стал кричать, что они продули игру из-за меня, потому что я поставил в ворота размазню, что я совсем в последнее время ошалел, что ему противно со мной разговаривать, что я предатель.

- Так вы проиграли, - разочарованно сказала Наташка.

Сашка секунду помолчал и, не поворачиваясь к ней, не вытаскивая изо рта леденца, едва разжимая губы, процедил:

- А ну валяй отсюда, шмокодавка!

Наташка посмотрела на меня, ждала, видно, что я за нее заступлюсь.

А я сказал:

- Иди, иди! Тебе пора.

Она повернулась и пошла, медленно так пошла, - может, думала, что я все же ее окликну.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что этот проигрыш для Сашки большое несчастье. И чтобы как-то его успокоить, кивнул в спину удаляющейся Наташки и сказал: "Вот привязалась!" - но не рассчитал и произнес эти слова слишком громко.

Наташка услышала и, не веря своим ушам, оглянулась. Глаза у нее снова из пятаков превратились в воздушные шары. Два голубых воздушных шара.

Может быть, она с таким предательством никогда не сталкивалась. Только что были верными друзьями, рассказывали друг другу биографии, ели мороженое, смеялись, и на тебе!

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол! Я догнал ее и сказал:

- Спокойно. Я здесь.

Она радостно схватила меня за руку, прижалась и ответила:

- А я с тобой, Боря, даже собак не боюсь.

Вот здорово! Значит, она не обиделась. Действительно, чего на меня обижаться? Подумаешь, что-то не так сказал. Важно, что сделал.

- Портфель забыл!

- крикнул Сашка.

Я вернулся и побежал за портфелем. Когда я подбежал, он расшнуровывал мяч. Я ждал, что он мне еще скажет, а он нахально выпустил воздух из камеры мне в лицо и сказал:

- Воспитатель!

- взял портфель и удалился.

- Да ты не волнуйся, - жалким голосом крикнул я ему вслед, - мы их обыграем!

Он не откликнулся.

- Спасибо за портфель, - не сдавался я.

Вот что меня губит, так это жалость, и то, что я эмоциональный человек: не раздумывая совершаю разные поступки. Мне бы сейчас надо было перетерпеть, не бросаться Наташке на помощь, а я не выдержал.

А ведь мне Сашка дороже, чем она. У нас одна жизнь, одни идеалы. Нам вместе жить да жить. А эта пигалица уже стояла опять около меня. Треснуть ее, что ли, по макушке, чтобы отделаться раз и навсегда? Я поднял руку для щелчка, но снова натолкнулся на ее доверчивые, прямодушные глаза и, вместо того чтобы ударить, обнял за плечи.

В этот день я прибежал в школу раньше обычного. В портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу в отставку с высокого поста вожакого, поскольку это мешает моей личной жизни.

И действительно, эти первоклассники одолели меня окончательно. Они мне не дают ни вздохнуть, ни охнуть. Вчера, например, притащился Толя. Лицо серьезное, глаза жалостные. А мы в классе были вдвоем с Сашкой. Сидели на парте и тихо обсуждали проблему Насти.

Дело в том, что накануне Настя и я совершили незабываемую прогулку. Мы бродили по улицам, сидели на скамейке на бульваре, плевали с Крымского моста в воду, за что были обруганы прохожим "верблюдами", выпили две бутылки лимонада и съели по три эскимо.

Правда, мне это дорого обошлось, я истратил еще один папин рубль, но зато было весело.

Теперь придется купить маме подарок поскромнее. В конце концов, дело не в дорогом подарке, а во внимании.

А Сашка, когда узнал о нашей прогулке, покрылся страшной бледностью мертвеца. Эта бледность так долго держалась у него на лице, что я испугался за его здоровье. Вот ревнивец!

Но я открытый человек и не стал скрывать от Сашки свои истинные намерения, а предложил ему начать генеральную битву за Настю. Мы решили оба за ней ухаживать под покровом полнейшей тайны - это было непременно Сашкино условие, - пока она не полюбит кого-нибудь из нас. Победенный гордо удалится.

Ну вот, сидим мы, значит, и шепчемся о Насте, и вдруг входит Толя. А Сашка как раз расспрашивал меня во всех подробностях о нашей прогулке, ему интересно. И поэтому он когда увидел Толю, то закричал на него. А я вскочил на подоконник и стал открывать форточку, будто бы чтобы проветрить класс.

Я подумал: может быть, Сашка его выгонит, но уже через секунду почувствовал, как кто-то тянет мою штанину. Ах, так? Ну пожалуйста! Я спрыгнул с подоконника, вытащил заявление и поднес к Толиному носу. Он мне ответил, что такие буквы читать не умеет.

Тогда я ему объяснил, что не буду больше у них вожатым, потому что это мешает моей личной жизни.

Он это выслушал, но не ушел. Стоял, как-то странно сжавшись, засунув руки глубоко в карманы.

- Ну, что тебе?

- спросил я.

- По секрету, тихо ответил Толя.

Я нагнулся к нему, меня опять подвела жалость, и он прижав губы к моему уху, прошептал свой секрет. Оказалось, он не умеет сам застегивать брюки. Я же говорю, с ума сойти можно от этих младенцев! Хотел ему тут же застегнуть брюки, но он кивнул на Сашку.

- Сашка, - попросил я, - выйди на минуту.

Сашка долго кривлялся и не хотел выходить, а потом вышел и, видно, рассказал нашим ребятам, потому что именно в тот момент, когда я застегивал Толе брюки, появилась Настя.

- Боже, - пропела она, - какая трогательная картина! Збандуто, ты просто создан для работы в яслях.

Я вскочил и стал подталкивать Толю к выходу, а он, наивная душа, решил мне помочь и сказал Насте:

- Там петельки маленькие. У меня ничего не получается.

Вот тут уж начался хохот.

Между прочим, во время нашей прогулки с Настей выяснилось, что она, как и Сашка, считает, что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с первоклассниками. Мне это показалось странным: ведь когда меня назначали вожатым, она говорила противоположное. Оказалось, тогда она шутила! А я на эту шутку клюнул и теперь жестоко расплачивался.

В общем, только я отделался от Толи и показал Насте свое заявление и она меня похвалила и сказала, что я решительный человек, как прибежала Зина Стрельцова, тоже, естественно, первоклассница, с криком, что Гена Костиков убивает Гогу Бунятова и вот-вот выбросит его в окно.

Ну, конечно, я понимал, что ничего страшного в этом нет, когда мальчишки дерутся, и даже если какой-то Генка выбросит какого-то Гогу из окна, тоже ничего не случится они ведь учатся на первом этаже.

Но потом я почему-то не вытерпел и незаметно выскользнул из класса, чтобы Сашка и Настя не догадались.

И представьте, не зря. Когда я прибежал в первый "А", то Генка Костиков на виду у всех продолжал дубасить неуклюжего толстяка Гогу Бунятова. Тот, видите ли, обозвал Генку "дворником", потому что он помогал матери подметать улицу.

По-моему, Генка лупил его за дело, и поэтому я растащил их не сразу, а когда Гога стал уж очень вопить.

- Что же ты?

- сказал я Гоге.

- Разве не знаешь, что все люди равны?

- Знаю, ответил Гога.

- Он первый начал дразниться "толстяком" и хлопнул меня по животу. А я крикнул на него без злобы, а он стал меня дубасить.

Тут мои воспоминания были прерваны, потому что в пионерскую комнату, в которой я сидел и ждал Нину, чтобы вручить ей заявление об отставке, вошла Наташка.

Я подскочил на стуле и сказал себе: "Осторожно, преследование продолжается". Тем более, что за Наташкой бочком протиснулись Толя и Гога.

- Привет!

- изображая радость, сказал я.

Они недружно ответили. Конечно, они пришли из-за меня к Нине, а тут я, собственной персоной.

- Ты Нину ждешь?

- спросила находчивая Наташка.

- Нину, - ответил я.

- А что?

- Ничего, - ответила Наташка. А у самой голос задрожал, но она все же нашла в себе мужество сознаться: - И мы к Нине.

Они стояли рядком, напротив меня, и не знали, что делать.

- Садись, - сказал я.

- Будем ждать вместе.

- Конечно, - сказал Толя.

- Вместе всегда веселей.

- И взгромоздился на стул.

Наташка с Гогой тоже сели.

Помолчали.

Они за мной следили исподтишка, но я все прекрасно видел: как они переглядывались, как ободряли друг друга, как подталкивали для беседы.

- А у меня зуб больше не болит, - сказал Гога.

Дело в том, что я его вчера водил к зубному врачу. У них там дома все были заняты. Я хотел спросить у Гоги, отчего это он так вопил у врача, потом решил, что при всех не стоит.

- Боря, а как ты думаешь, Нина скоро придет?

- спросила Наташка.

- А то я сегодня дежурная.

- Не знаю, - ответил я.

Я стал их рассматривать, и под моим взглядом они перестали подталкивать друг друга - сидели не шевелясь. До чего же у них были смешные лица! Нет, правда. Вы когда-нибудь попробуйте, всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице.

- Боря, а может быть, ты передумал?

- спросила Наташка.

- Ничего я не передумал, - ответил я.

А сам действительно испугался, что могу передумать, и стал себя растравлять и вспоминать, как я из-за них был неоднократно унижен. Они из меня сделали няньку: и брюки я им застегивал, и к зубному врачу водил. А вчера еще в добавление ко всему пришлось зашивать Наташке платье: она его разодрала на одном месте, села на гвоздь.

Тут я почувствовал, что погибаю, ибо все эти воспоминания не вызывали во мне ни протеста, ни негодования. Я вскочил, чтобы обратиться в бегство, но Наташка, хитрая душа, все поняла и тоже вскочила.

- Ты куда?

- спросила она и загородила мне дорогу.

В это время, на мое счастье, в комнату вошла Нина, и я протянул ей заявление. Все произошло в одну секунду, никто не успел опомниться, а Нина уже держала заявление в руке и читала.

- Так, - сказала она.

- А вы чего, ребята?

Они промолчали.

- Ах, да, - сказала Нина, она их узнала.

- Идите, идите. Я сама разберусь.

- Проводила до дверей и вернулась ко мне: - Так. Значит, работа водителя мешает твоей личной жизни?

- Интересы у меня совсем другие, - ответил я.

- Знаю я твои интересы: в футбол гонять вместе со Смолиным.

- Неправда, - возразил я.

- Мы в кино ходим, и книги читаем, и всякое прочее.

- Они сюда пришли из-за тебя, - сказала она, - а ты "всякое прочее", "мешают личной жизни"! Ты вот за все это время ничего для них не придумал.

- Почему?

- возразил я.

- Я придумал. Надо отвести их в автоматическую фотографию.

- Зачем?

- Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

- Они там сфотографируются, а потом эти снимки можно будет наклеить в толстую тетрадь. Ты передай это новому водителю, - великодушно предложил я, - пусть он их отведет.

- А зачем?

- снова спросила Нина.

Кажется, произошла осечка. Она ничего не поняла.

- Фотография ведь автоматическая, работает без фотографа. Детям будет интересно: можно любые рожи корчить.

- Знаешь, Збандуто, хорошо, что ты подал заявление, - сказала Нина. Нет в тебе гармонии. И выдумка твои нелепые.

- Так ведь они люди двадцать первого века, - сказал я.

- Им технику и автоматику подавай.

Она не ответила, видно, забыла про меня. Склонилась над листом бумаги и чертила мужское лицо с бородкой.

- Так я пойду, - сказал я.

- А, это ты, - спохватилась она.

- Ну ладно, найдем тебе замену.

А после уроков, когда мы с Сашкой заскочили в раздевалку за куртками, произошло новое событие. К Насте, которая прихорашивалась около зеркала, подошла Наташка. Я первый ее заметил и остановил Сашку. Мы спрятались между пальто. И вот тут-то и услышали этот странный разговор.

- Ты чего, малышка?

- спросила Настя у Наташки.

До нас долетало каждое слово.

- Мне с вами поговорить надо, - ответила Наташка.

- О чем?

- спросила Настя.

- Пожалуйста.

- А сама продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

- Вы слышали, от нас Боря уходит?

- произнесла Наташка, как будто это какое-то космическое событие.

- Ну и что?

- спросила Настя.

- А вы скажите ему, чтобы он не уходил, - попросила Наташка.

- Ты думаешь, он меня послушает?

- Вы на него имеете влияние, сказала Наташка.

- Почему?

- удивилась Настя и посмотрела в мою сторону.

Она говорила все время громко и играла в такую наивную-наивную девочку.

- Вы красивая, сказала Наташка.

- А красивые на всех имеют влияние!

Последние слова Наташки, видно, понравились Насте, потому что она ответила:

- Хорошо... Я ему передам. Так что спи спокойно, малышка.

- Спасибо, - сказала Наташка и выбежала.

Мы вышли из раздевалки.

Настя уже сидела в вестибюле, нога на ногу, в нетерпеливом ожидании.

- Ну, пошли!

- сказала она, вставая.

- Есть предложение поехать на Ленинские горы!

- заорал Сашка.

А я вдруг, сам не знаю почему, бросил портфель на стул и крикнул:

- Подождите! Сейчас!

Стремительно взбежал я по лестнице, влетел в пустой первый "А", подошел к доске и написал:

ЗАВТРА ПОСЛЕ УРОКОВ

ИДЕМ ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ.

Борис

И повернулся, чтобы бежать вниз, к Насте и Сашке, но вместо этого прошелся между партами.

На полу валялась ленточка, какая-то девчонка обронила. Поднял эту ленточку. Постоял. Мне здесь было хорошо. И все нравилось: и маленькие парты, и неумелые рисунки на доске, и эта ленточка, которую я держал в руке.

- Ну вот я и вернулся, - тихо сказал я.

Подошел к парте, за которой "сидел" Голя.

- Как сидишь!

- закричал я на него.

- Опять сгорбился? Нехорошо.

- И "стукнул" его по спине.

Тишина пустого класса не смущала меня. Я снова шагал между партами, пристально "вглядываясь" в лица ребят.

- А ты чего плачешь?

- спросил я Зину Стрельцову.

- Кляксы посадила? Не страшно. Все мы с этого начинали.

Подскочил к Генке:

- Срам! Ты же будущий космонавт, а в носу ковыряешь!

Тут я заметил Гогу Бунятова:

- А ты! Не стыдно? Ты достоин презрения! Дразнить товарища за то, что он вместе с матерью подметает улицу! Ты что, не знаешь, что "мамы разные нужны, мамы всякие важны"? Да, по-моему, вы без меня пропадете. Сколько еще у вас недостатков! Решено, я остаюсь навсегда!..

Когда я спустился в вестибюль, Насти и Сашки не было. На стуле одиноко лежал мой портфель.

А на следующий день я снова прибежал в школу раньше всех, чтобы Нина не успела назначить к моим первоклассникам нового вожатого. Выхватил у нее обратно заявление и на радостях влетел в класс, размышляя о том, как поведу детей фотографироваться.

В классе в полном одиночестве сидела Настя. От неожиданности я замер. А она встала мне навстречу. Помню, я еще успел подумать: "Да, ревнивец Сашка, проспал ты свое счастье". И точно, она пригласила меня пойти после школы в кино. А я молчал и чувствовал, что бледнею, бледнею, как Сашка во время припадка ревности, потому что знал, что должен ей отказать.

- Чего же ты молчишь?

- спросила она.

- Я веду своих ребят фотографироваться.

- Подумаешь!

- сказала она.

- В другой раз сводишь. Обещанного три года ждут.

- Не могу, - твердо ответил я и еще больше побледнел.

- Ох, надоел ты мне со своим детским садом!

- сказала она.

...Когда я выводил ребят из школы, то увидел Сашку и Настю, шагающих впереди нас. И они увидели нас и остановились. А ребята галдели, как десять тысяч воробьев, и не замечали ни Сашки, ни Насти.

Я сделал вид, что не вижу их, но Настя помахала мне:

- Мы в кино.

- Попутного ветра Гулливеро в сопровождении Лилипуто!

- крикнул самодовольный Сашка и захохотал.

Конечно, со стороны мы представляли довольно смешную картину: я долговязый, рост сто шестьдесят, а детишки мне по пояс. Но представьте, Сашкины слова меня нисколько не задели. Я привык, что он не разбирается в средствах борьбы. То он мне вылил за шиворот полграфина воды, то на истории нарочно подсказал неправильную дату. А сегодня вообще где-то раздобыл старый ночной горшок и подставил мне. Я не заметил и сел. Все давились от смеха, а я обиделся на Сашку, чуть не заревел и, чтобы скрыть это, стал паясничать и напялил себе этот горшок на голову, за что был выгнан с урока.

Я благородный человек и не мстительный, я не обижаюсь на Сашку за то, что он все время пытается меня унижить. Я все равно люблю Сашку, он мой лучший друг. Может, и он когда-нибудь поймет это.

Зато малыши, когда увидели Сашку и Настю, поутихли и затаились. Догадливые. А Наташка спросила:

- Боря, может быть, ты пойдешь в кино? Мы можем сфотографироваться завтра.

Я ей ничего не ответил, только весело подмигнул. А ее глаза сначала превратились в пятаки, потом в воздушные шары, а потом... Нет, вы только представьте - она тоже подмигнула мне! Ну и девчонка, соль с перцем!

А потом началось настоящее веселье. Действительно, автоматическая фотография великолепная вещь!

Генка, отчаянная голова, снялся с оскаленными зубами. Толя прилепил к подбородку обрывок газеты. Зина Стрельцова высунула язык.

Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знаю: если смешно, тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

- Сейчас пойдем есть мороженое. Из стаканчиков.

- Ура! Ура!

- закричали все.

- А мне мороженого нельзя, - сказал Толя.

- Я болел ангиной.

- Жаль, - ответил я.

У Толи сразу испортилось настроение. Это было заметно.

- Ну что ж, полная солидарность: мороженое есть не будем. Купим пирожки с повидлом.

- А что такое "полная солидарность"?

- спросил Гога.

- Это когда один за всех и все за одного, - сказал я.

- Полная солидарность!

- обрадовался Толя.

И все малыши дружно закричали:

- Полная солидарность, полная солидарность!

А когда стали покупать пирожки, я увидел, что Генка и еще несколько ребят отошли в сторону и стали внимательно рассматривать на витрине тульские самовары. Точно их с самого рождения интересовали только самовары и всякие там узоры на них.

Ясно: у них не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежал остаток от известной десятки. И я принял единственно верное решение. Вытащил из кармана рубль, подошел к продавщице пирожков, купил десять штук и сказал ребятам, этим любителям самоваров:

- А ну, налетайте!

Они отвернулись, как будто не поняли, такие гордые оказались.

- Ребята!

- повторил я.

- Ну, чего же вы? Налетайте!

Сначала подошел Генка и вроде нехотя взял пирожок. За ним потянулись остальные. Каждому ведь хотелось съесть пирожок. Последний я взял себе.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь. Она стала как живая. Интересно было ее перелистывать...

Скандал получился неожиданный и грандиозный. Меня вдруг решили с треском снять с должности вожатого.

Как-то после уроков прибежала взволнованная Нина и сказала, чтобы я больше не смел ходить к первоклашкам. Она отошла к учительскому столу и крикнула мне оттуда:

- Ты слышал, я тебе это категорически запрещаю!

- А мы сегодня идем в цирк, - сказал я.

- Никаких цирков!

- сказала Нина и погрозила мне пальцем.

- Недолго ты царствовал, - сказал Сашка.

И действительно, недолго.

Все, конечно, заахали и заохали и стали ко мне приставать с расспросами, но, честное слово, я сам не знал ничего. Тогда они привязались к Нине, и она ответила, что сейчас они узнают и закачаются, такой я тип.

Нина рассказала про все мои дела, перечисляя их долго, подробно и противно. И добавила, что я влияю дурно на детей, сею между ними вражду и смуту.

Это потому, что я сказал одной девчонке, что нехорошо ябедничать, а она спросила меня, что это такое, а я ей объяснил, и теперь ее все дразнят ябедой.

Тут я не выдержал, прервал плавную речь Нины и крикнул:

- Зато она больше не ябедничает. Успех достигнут!

Но она не обратила на мои слова никакого внимания и заявила, что совет дружины отстранил меня от должности водителя...

В этот момент открылась классная дверь, и в проеме появилась секретарь директора, сама Розалия Семеновна, которую вся школа зовет "Чайная Роза", хотя, конечно, никто из наших ребят никогда не достаивался ее взгляда. Ну, когда она появилась в дверях, Нина сразу забыла, что еще там решил про меня совет дружины, и уставилась на Чайную Розу.

- Кто здесь Збандуто?

- Она даже не переврала мою фамилию.

- Я.

- К директору, - сказала Чайная Роза.

- И вы, Нина, тоже.

Она не ушла, а продолжала стоять в дверях, пока я собирался. Никто мне ничего не сказал вслед и никто не сострил, потому что все поняли: дела мои плохи.

На всякий случай я захватил с собой тетрадь с фотографиями - как ни плохи дела, а терять самообладание нельзя - и прошмыгнул мимо Чайной Розы летучей мышью; ни одна складка на ее платье не дрогнула.

Нина прошла к директору, а я остался ждать в секретарской вместе с Чайной Розой.

Странно, но у меня в жизни почему-то все получается наоборот. Когда я хотел уйти от первоклашек, когда они мне были безразличны, меня не отпускали, но как только мы по-настоящему подружились, - на тебе!

А дело было ерундовое.

Генка подсунул Гоге живую ящерицу. Гога перекинул ее Наташке, а Наташка подбросила в парту Стрельцовой. Та сунула руку в парту, натолкнулась на ящерицу и как завопит: "Спасите, спасите! У меня в парте мышь! Она меня укусила!"

Ну, учительница влезла в парту, достала ящерицу и отнесла в ботанический кабинет.

И ничего страшного не произошло бы, если бы не я!

Когда Наташка рассказала мне об этом случае, я возмутился и заявил, что мне надоела их трусость, что пора это преодолеть. А то одни боятся собак, другие - ящериц, третьи ни у кого ничего не могут спросить. Это не ребята, а какое-то сборище трусов! И я решил их перевоспитать. Пригласил к себе, когда мамы не было дома, и устроил тренировку по закаливанию нервной системы.

Они сидели в одной комнате, а в другой был погашен свет. Там было темным-темно. Я сказал, что буду магом, волшебником и великим врачом, который их спасет навсегда от трусости и дрожания.

Я ушел в темную комнату и стал их по очереди вызывать.

Каждый из них должен был войти в темную комнату и пробыть там несколько минут, а я в это время издавал ужасные стоны и вопли (я для этого специально прослушал пластинку Имы Сумак).

Значит, я так кричал, а сам подходил к жертве и прикладывал ей к руке или к лицу какой-нибудь предмет: ложку или щетку.

Это называется "психотерапия". Между прочим, вполне научный метод. Если жертва выдерживала все испытания, то я радостно объявлял ей, что она теперь никогда и ничего не будет бояться: ни собак, ни кошек, ни ящериц, ни темных улиц, и так далее, и так далее.

В общем, все шло хорошо, и вдруг Зина Стрельцова, войдя в темную комнату, не выдержала и завопила. Она пустилась наутек, грохнулась и разбила себе колено.

Ну, я, конечно, зажег свет, и мы стали дружно ее успокаивать и доуспокаивали до того, что она согласилась повторить опыт, точнее, не согласилась, а сама попросила и выдержала его достойно.

Но потом Зина пришла домой и рассказала все матери. А та еле дождалась утра, прилетела к нашему директору и стала кричать, что она забирает своего ребенка из класса, где появился какой-то ненормальный вожатый, который хочет из детей сделать инвалидов.

Ну, директор не заступился за меня, потому что мы с ним не были знакомы. А жаль, я бы ему объяснил, в чем дело. А он просто пригласил Нину, и Стрельцова-старшая при ней повторила всю историю и добавила нехоти еще две другие.

Эти истории случились в самом начале, когда я был еще неопытным вожатым и часто терял над собой контроль, увлекаясь чем-нибудь.

Я тогда ходил по домам первоклассников, чтобы поближе познакомиться с их жизнью. Мне нравилось так ходить: везде мне были рады, угощали обедами, советовались, как

лучше воспитывать детей, рассказывали про свою жизнь. И вот как-то я пришел к Толе. Он был один дома и угостил меня чаем.

Мы пили чай из красивых золотых чашек, только Толя пил из маленькой чашки, а я из большой.

Ну, я и разбил свою чашку - зацепил как-то неловко и уронил на пол. Я не придавал этому большого значения - кто из нас не бил чашек!

- и не понял, почему Толя так испугался. Я решил, что он просто пугливый. А на самом деле все оказалось не так просто.

Толя из большого уважения ко мне угощал меня чаем из папиных коллекционных чашек. А я-то ничего не знал и, когда уходил, осколки эти унес. Хотел выбросить, только на одном осколке был нарисован красивый замок, так что я все осколки выбросил, а замок оставил.

А Толя дома чашки так переставил, чтобы не видно было исчезновения одной из них. Но Толин папа все-таки заметил, схватил Толю и с криком: "Что ты наделал, негодник!" - стал его так трясти, что Толина мама испугалась, что он оттрясет у Толи голову, и вырвала сына из рук мужа. Тогда Толин папа упал на диван и перестал со всеми разговаривать, потом вскочил, схватил Толю и приволок ко мне.

Он совершенно обезумел и хотел узнать, куда я выбросил осколки его любимой чашки.

Я сначала не мог понять, как это из-за чашки так можно страдать.

"Я вам куплю сто таких чашек", - сказал я ему.

И что же вы думаете? После моих слов он сразу успокоился. Посмотрел на меня унылым взглядом, покачал растрепанной головой и произнес с жалостью:

"Невежда, глупец! Не обижайся на меня, я не хочу тебя оскорбить, я просто говорю тебе, кто ты есть на самом деле. Ты купишь сто таких чашек?! А знаешь ли ты, несчастный, что их всего было сделано в восемнадцатом веке пять штук. Пять штук! Одна хранится в музее в Ленинграде, вторая - у двоюродной праправнучки самого Ломоносова, - голос его звучал трагически тихо, - третья вывезена за границу беглым лакеем князя Юсупова и продана там банкиру Ротшильду, четвертая пропала без вести, а пятая была у меня. И об этом знает весь мир!"

Совершенно потрясенный, я достал осколок чашки с изображением дворца и протянул ему. Он взял, поблагодарил меня - какой благородный человек!

- и ушел.

Эта история очень взбудоражила Стрельцову-мамашу, потому что она вообще относилась ко мне подозрительно, с тех пор как я посетил их дом. А сначала она была мне рада.

Однажды трое взрослых Стрельцовых - бабушка и родители - собирались в кино и боялись оставлять Зину одну дома. А тут я пришел, и они спокойно ушли.

Зина тут же позвонила Наташке и Толе, и они прибежали.

Нам было весело, они мне всякие истории рассказывали, главным образом про маленьких детей, а это всегда смешно, и анекдоты. Про мальчишку, который захотел на улице по-маленькому и подошел к милиционеру, чтобы спросить, где найти уборную. А милиционер долго-долго ему рассказывал, и вдруг мальчишка прервал его и сказал: "Спасибо, уже не надо". Ох, и хохотали они! Я думал, они от хохота лопнут.

Потом Зина зачем-то напялила на себя мамину юбку, такую желтую-желтую, и красовалась перед Наташкой. А Толя в это время хлопал мячом об пол.

На беду, Зинина бабушка не признает современных шариковых ручек и пишет письма химическими чернилами, и ее пузатая старомодная чернильница стояла на столе. Ну, в общем, Толя хлопал об пол, пока не перевернул чернильницу.

Но самое главное не в этом, не в том, что он перевернул чернильницу и залил всю клеенку чернилами... Нет, самое главное началось потом, когда мы обнаружили на прекрасной юбке Зининой мамы чернильное пятно с горошину.

Вот тут-то и началась паника. Ну скажите, как на моем месте поступил бы каждый взрослый человек, когда видит неопытных детей, да еще своих воспитанников, в страхе и ужасе? Конечно, постарался бы им помочь. Точно так поступил и я.

По моему предложению мы решили перекрасить юбку в другой цвет, чтобы скрыть чернильное пятно, с одной стороны, и сделать Зининой маме сюрприз - с другой. Ведь у нее фактически должна была появиться новая юбка!

Ребята были в восторге от моего предложения. Они никогда в жизни ничего не красили. Наташка визжала, Толя прыгал, как гуттаперчевый мальчик.

Да, это был полный восторг, полное взаимопонимание и дружба. Правда, меньше всех восторгалась Зина, потому что юбка принадлежала ее маме.

Мы перекрасили юбку в вишневый цвет - пятно стало золотистым. Мы перекрасили ее в коричневый - пятно стало черным. Вот что значит пользоваться старыми чернилами: их даже краска не берет. Тогда я предложил для симметрии поставить на юбке несколько горошин, но Зина почему-то отказалась.

С той поры наши отношения со Стрельцовой-старшей осложнились. Она отчитала меня по телефону, нажаловалась моей маме. А теперь прибежала к директору.

Вот тут-то директор и вызвал Нину для разговора.

Нина попробовала меня защитить, но Стрельцова-старшая все твердила: "Он ненормальный, он ненормальный". Тут, правда, директор ее оборвал: "Может быть, он в вожатые не годится, но он совершенно нормальный" - и попросил Нину принести ему наш классный журнал, чтобы доказать Стрельцовой, насколько я нормальный: дескать, я вам сейчас покажу, как он учится.

А накануне я сразу в один день получил пять двоек. Я узнал, что Насте Монаховой поручено подтягивать отстающих. Вот я и решил превратиться в отстающего, чтобы она меня подтягивала. Если бы я получил одну двойку или две, это могло бы не произвести впечатления, поэтому я и получил сразу пять двоек.

Думаете, это легко? Целый день я был в страшном напряжении: во-первых, боялся, что меня не вызовут, а во-вторых, что вместо двойки какой-нибудь сердобольный учитель вlepит мне тройку. Никто, разумеется, не догадался, кроме Сашки, куда я клоню, но, когда наша классная заявила, что я теперь буду заниматься с Настей как самый отстающий, он вновь покрылся бледностью мертвеца.

При этом Сашка сказал, что, хотя у него двоек нет, он будет вместе со мной ходить на занятия к Насте, чтобы у нас были равные условия для борьбы.

Так вот, значит, когда директор увидел, что у меня пять двоек, он возмутился: "Где вы нашли такого шалопаю? (Шалопай - это я). Неужели нельзя было подобрать в вожатые хороших, смышленных ребят, у которых есть чувство ответственности?" И тут он, как рассказывала потом Нина, схватился за голову и простонал: "Постойте, постойте... Збандуто?! Мы же получили на него письмо из милиции!" Он вызвал Чайную Розу, и она принесла это письмо.

Дело в том, что меня вывели со скандалом из бассейна. Я там был на соревнованиях и засвистел в два пальца.

Рядом оказался милиционер - они всегда появляются рядом в неподходящее время, - тяп меня за плечо. Я возмутился, стал брыкаться и кричать. Он меня вывел и еще не поленился настроичить письмо в школу.

А почему я засвистел, он не попытался узнать. Вы заметили, во всей этой истории никто не посмотрел в корень. Я бы никогда, вы слышите, никогда не стал бы свистеть просто так. У меня для этого были веские основания.

На соревнованиях выступал один пловец, которого мне необходимо было освистать, чтобы выразить свое отношение к нему.

Все началось с того, что я решил сделать из своих первоклассников пловцов. Ну, во-первых, потому, что их надо было закалять физически, а то у них вечные ангины и гриппы, во-вторых, этим видом спорта можно заниматься с детства, а в-третьих, всем известно, что с плаванием у нас в стране не все в порядке.

Кто знает, думал я, может быть, из этих детей вырастут рекорсмены страны или мира!

Вот почему мы, попали в бассейн. Нас сначала туда не пускали, и я вынужден был долго кричать, что я вожатый и мы не позволим срывать общественное мероприятие. И тут появился этот впоследствии освистанный мною пловец и велел нас пропустить. Он привел нас в раздевалку и приказал раздеться и выстроиться по росту. Дети, конечно, запищали и захихикали. А он их так резко оборвал: "Быстро. У меня нет времени".

Как будто только у него нет времени! Сейчас у всех нет свободного времени. У меня его тоже нет ни секунды, но я ведь об этом не кричу и никого не пугаю голосом. Я вот пришел в бассейн, а в это время Сашка, может быть, прогуливается с Настей и тем самым губит мою личную жизнь.

Пришлось мне самому раздеться, чтобы показать пример, да еще им помочь, потому что эти дети, эти несчастные малыши, и раздеваться-то еще как следует не умеют. То они запутывались в собственных платьях, то, снимая чулки, грохались на пол. В общем, повозился я с ними.

Я так подробно обо всем рассказываю, чтобы вы поняли, что я действительно ни в чем не виноват, более того, - я просто боролся за справедливость. Если хотите, я обязан был это сделать в воспитательных целях, ради детей, которые сидели рядом со мной и знали, какой несправедливый человек этот пловец. И они меня дружно поддержали.

Они разделись, сбились стайкой около меня и дрожали. Холодно им и непривычно. Смешные они: худенькие, тоненькие, ноги длинные, спичками. Как они на них ходят, непонятно.

Я улыбнулся тренеру (еще тогда не знал, что он такой зверь) и подмигнул: смотрите, мол, какие смешные дети, настоящие страусята.

А он в ответ мрачно заорал: "Построиться по росту! Живо!" Вот тут контакт между нами окончательно был утерян. Не люблю я, когда кричат и когда не улыбаются в ответ на твою улыбку.

После того как мы выстроились, он сказал мне: "Выходи из строя. Староват для плавания. И грудная клетка узковата". Он больно щелкнул меня пальцем по ключице.

Я чуть не упал от неожиданности. Сказать такое при детях!

"Что вы!

- возмутилась Наташка.

- Боря у нас лучший вратарь в школе!"

А он продолжал осмотр: измерял малышам грудную клетку, ощупывал ноги и руки. Потом заявил, что из всей компании берет только одну девочку: Зину Стрельцову.

Тут я не выдержал и высказал ему все, что было на душе. Я ему сказал, что дело у них поставлено плохо. А когда он меня спросил: "Почему плохо?", я ему ответил: "На международных состязаниях проигрываете, а когда к вам приходит пополнение в самом расцвете, то выгоняете". После этого наступила тишина, и он сделал шаг в мою сторону. Но нас так легко не испугаешь. Малыши создали вокруг меня надежный заслон. Попробуй прорвись через них. Так он ничего мне и не ответил. А что ответишь, когда это чистейшая правда.

Вот после этого разговора мы и остались на показательное соревнование, и я прославился на них своим свистом, и меня схватил милиционер.

Кругом закричали: "Безобразие, хулиган! Еще школьник, а уже шпана... И такому детей доверили!"

Только одна женщина, между прочим красивая, сказала: "А что он такое сделал? Просто погорячился".

Но милиционер не стал ее слушать и уволок меня в отделение.

В этот момент мои славные воспоминания были прерваны неожиданным событием: дверь в канцелярию открылась, и на пороге появилась целая стая моих первоклашек.

Не успел я выставить их обратно, как Наташка, минуя меня, вырвалась вперед. Я схватил ее за шиворот, но она торопливо, задыхаясь, успела прохрипеть:

- Здравствуйте, Чайная Роза!

От такого неожиданного обращения я выпустил Наташку. Она, конечно, это наивное дитя двадцать первого века, не догадывалась, что Чайная Роза не имя, а прозвище.

- Сейчас же уходите!

- прошипел я, не разжимая губ и наступая на детей.

- В чем дело?

- строго спросила Чайная Роза.

- Что случилось?

- Нам нужно к товарищу директору, - сказала Наташка и шагнула через порог.

Все остальные тоже решительно шагнули за ней, молча, тихо, подталкивая друг друга.

Вы бы видели их лица! Это были настоящие герои, отчаянные люди с горящими глазами. Им ничего не было страшно, они не испугались даже Чайной Розы, хотя перед нею трепетала вся школа. Они спокойно выдержали ее взгляд. Нет, не зря я занимался с ними психотерапией.

И что же вы думаете? Эта строгая-престрогая Чайная Роза провела их к директору.

Она оставила открытой дверь, и я на всю жизнь запомнил начало этого великого, неповторимого разговора.

- Ну, в чем дело?

- услышал я скрипучий мужской голос.

Это был, конечно, директор, это был его голос, который любого храбреца в одну секунду превращал в кроткую овечку. Ну, конечно, и среди детей сразу произошла заминка, и я уже испугался, что их сейчас выставят обратно, но тут раздался громкий, заливисто-звонкий голос Наташки:

- Мы пришли из-за Бори Збандуто. Он наш вожатый. Мы пришли его защищать.

Правда, она молодец? Я еще никогда не встречал такой отчаянной девчонки.

- Это он вас прислал?

- спросил директор.

"Он" - это, значит, я.

- Нет, - ответила Наташка.

- А ты не врешь?

Вот этого ему не надо было говорить, это он сказал зря. Плохо он разбирался в своих учениках: Наташку обозвать вруньей!

- Я никогда не вру, - сказала Наташка.

Наступила длинная пауза, во время которой директор долго кашлял. Потом он наконец собрался с силами и спросил:

- А чем вы его собираетесь защищать, хотел бы я знать? Какими делами он себя еще прославил?

- У нас есть козырь, - ответила Наташка.

- Какой еще козырь?

- Он спас жизнь одному мальчику. На моих глазах. Вытащил его из реки.

В это время Чайная Роза вышла из кабинета, плотно прикрыла дверь, и голоса пропали. Точно она не хотела, чтобы я услышал, как меня будут хвалить.

Все-таки Наташка потрясающая девица. Она буквально во все верила. Подумать только - я спас мальчишку!

Это произошло во время нашей совместной прогулки, помните, в тот день, когда она ко мне пристала и увела с футбола.

Какой-то мальчишка в полном одиночестве стоял на берегу реки и бросал в воду камни. И меня это пронзило. С какой стати, думаю, он стоит один? Я пристроился к нему и тоже стал бросать камни. Я брошу. Он бросит. Мы стояли рядом, а наши камни летели параллельно.

А Наташка крикнула: "А мы дальше, а мы сильнее!"

Мальчишка был забавный. Он пренебрежительно фыркнул, выбрал камень потяжелее, отошел от кромки воды - а там набережная была высотой в метр, разбежался... и, не удержавшись, плюхнулся в воду.

Я помог ему выйти, там было неглубоко, мне по колено, а ему по пояс. Только промокли, и все. А Наташка начала кричать, что я храбрый, что она ни разу в жизни не встречала такого храбреца, и еще успела шепнуть мальчишке, что я их вожатый. Вот и все спасение утопающего.

Странно, до чего я люблю вспоминать про этих мальчишек и девчонок, я про них всегда все помню. Может быть, действительно права Стрельцова-старшая и я какой-нибудь ненормальный?

Как только первоклашки вышли от директора, тут же позвали меня. Мы встретились с ними в дверях. Они прошли мимо серьезные, сосредоточенные, и каждый из них дотронулся до моей руки. В общем, они знали толк в человеческой поддержке и подзарядили меня теплотой своих рук.

Я же говорю, что они необыкновенные дети, из двадцать первого века. В них есть какая-то новая сила.

В кабинете директора, кроме Нины, сидела моя мама!

Вот до чего дошло. Но им теперь уже было не свалить меня.

Я остановился у двери и посмотрел на директора. Он был похож на моржа. У него большая круглая лысая голова и седые усы.

- Ну-ка, подойди, подойди, - проскрипел он.

Я сделал несколько шагов вперед.

- Еще поближе. Я хочу понять, что ты за птица.

Он долго рассматривал меня, как какой-нибудь врач, изучающий больного. Даже взял за плечо и крепко его сдвинул.

- А что это у тебя в руке?

- спросил он и, не дожидаясь ответа, взял у меня тетрадь и стал ее перелистывать.

Видно, она ему понравилась, потому что он поджимал губы, чтобы незаметно было, что он смеется. Затем вернул мне тетрадь и сказал:

- Говорят, за тебя поручилась твоя родственница, Ольга Александровна Воскресенская. Она, конечно, восторженная особа, я ее давно знаю.

- Потом повернулся к Нине и добавил неожиданно: - Ладно, пусть остается, раз они пришли за ним сами.

Но на этом события дня не закончились. Мне пришлось встретиться со Стрельцовой-старшей еще раз.

Мы собрались возле школы, чтобы идти в цирк. А Генка и Зина почему-то не явились. Холодно было ждать. Шел первый мокрый снег.

- Зина не придет, - сказал кто-то.

- Ее мама не пустила. У нее тренировка в бассейне.

- А что же с Генкой случилось?

- спросил я.

- Может, он тоже не придет?

- Генка в цирке ни разу не был, - сказал Толя.

Мы постояли немного, подождали.

- Пошли, - сказал я, - а то опоздаем.

И мы пошли. Только я почувствовал, что у ребят испортилось настроение. Стали какие-то молчаливые.

- Вот что, зайдем за Генкой, - решил я.

Развернулись и пошли к Генке.

Еще издали я увидел его. Он сгребал снег лопатой, а его мать скребком чистила тротуар.

- Здравствуйте, - сказал я.

Ребята столпились вокруг меня. Генкина мать посмотрела на нас. Она была в короткой тужурке и в пуховом платке. От работы ей, видно, было жарко.

- Приветик, - сказал Генка; он приподнял шапку, и от головы у него повалил пар.

- Ну-ка, надень шапку, постреленок, - строго сказала ему мать, - а то застудишься!

Генка напялил шапку.

- Это ему вместо физкультуры, - сказала Генкина мать.

- И полезно, и матери подмога. Так что вы, ребяташки, идите по своим делам.

- Что вы!

- сказал я.

- Разве мы пришли Генку сманивать? Мы пришли вам помогать.

- Тетя Маруся, - крикнул Толя, - мы сейчас все переделаем! Это нам пустяк!

- Вот это уж ни к чему, - ответила тетя Маруся.

А Генка не стал возражать, он-то все отлично понял: отдал лопату Толе, а сам мгновенно куда-то сбегал и принес еще две лопаты и четыре скребка.

Что тут началось! Ребята выхватили у него эти скребки и лопаты и стали расчищать снег. А я взял у тети Маруси лом и колотил образовавшийся под снегом лед.

Тяжелый был этот лом до чертиков, но я не показывал виду. Колол себе, и все... Рядом со мной лихо колол лед Генка.

- Это в наше-то время, - ворчал я нарочно, - когда запускают спутники и космические корабли, приходится колоть лед ломом!

- Я ей не сказал про цирк, - оправдывался Генка, - а то бы она меня прогнала.

- И правильно сделал, - ответил я.

И вот когда мы все так отчаянно и самоотверженно работали, когда перед нами уже лежала широкая полоса очищенного тротуара, когда мы были "один за всех и все за одного", вдруг из подъезда выплыли Зина Стрельцова с мамой. Зина была в новом голубом пальто и берете... А Стрельцова-старшая напялила на голову высокую папаху и гордо несла спортивную сумку своей дочери будущей чемпионки по плаванию.

- А, это вы, молодой человек...

- Увидев меня, Стрельцова-старшая остановилась.

- Чудак!

Она назвала меня чудаком, словно дураком обругала. Но я-то доволен, что попал в отряд чудачков.

- Мы помогаем тете Марусе, - сказала Наташка.

- И Генке, - добавил Толя.

- Это эксплуатация детского труда. Я этого так не оставлю, - ответила Стрельцова-старшая, при этом она выразительно посмотрела на тетю Марусю. Идем, Зиночка.

И они торжественно удалились.

- Тетенька, - крикнул Генка им вдогонку, - осторожнее, там лед! Упадете, запачкаетесь!

Стрельцова-старшая остановилась, боясь сделать следующий шаг.

Генка засмеялся. А за ним все ребята. И я. И даже тетя Маруся.

...Когда мы ворвались в цирк, представление уже началось и на нас зашикали, чтобы мы не шумели. А попробуй тут не шуми, когда с арены доносятся музыка, крики клоуна и хохот зрителей.

- У нас билеты!

- закричал я и выхватил из кармана длинную ленту билетов.

- Тише, - сказала контролер, - тише! Все равно во время выступления входить нельзя.

- Вы поймите, - сказал я тихо, - они первый раз в своей жизни в цирке.

- Так уж и первый раз!

Нет, она была неумолима, а дети почти плакали, но потом она засмотрелась, а может быть, нарочно сделала вид, что засмотрелась, и мы шмыгнули в проход.

Выскочили, а куда идти, неизвестно, народу полно, свет... Столпились стайкой около прохода и стоим.

И вдруг клоун заметил нас и закричал на весь зал:

- Видели ли вы когда-нибудь, чтобы дети опаздывали в цирк?

- Нет, нет, нет!..

- понеслось со всех сторон.

- А теперь смотрите сюда!

- Он подбежал к нам: - Вот они!

И все стали смотреть на нас.

- Мы работали, - сказал я.

- Вы слышите?

- закричал он.

- Они работали!

Он начал хохотать, упал от хохота, перекувырнулся через голову, и все захохотали с ним вместе.

- Мы работали, - сказала Наташка прямо в его раскрашенное лицо. Чистили снег, товарищу помогали. Вот ему!

- и вытолкнула вперед Генку. Почему вы нам не верите?

Тогда клоун перестал хохотать, снял шапку и раскланялся перед нами.

- Причина уважительная, - сказал он.

И теперь никто уже не смеялся.

Клоун подал Наташе руку, крикнул:

- Музыка!..

- и повел ее, как настоящую сказочную принцессу.

А за ним пошли мы, и на нас светили разноцветные огни.

Клоун подвел нас к нашим местам и крикнул:

- Мороженщицу! В цирке дети должны есть мороженое.

И вот тут-то пошли в расход - между прочим, благородный - последние два рубля из папиной десятки.

А потом мы смотрели медвежий цирк, лизали мороженое и хохотали вместе со всеми.

Сегодня у мамы день рождения. А я притворился, что забыл: подарка-то у меня не было. Нехорошо, конечно.

Когда я утром вышел к маме, она встретила меня радостно. Мы сели за стол и стали завтракать.

- Ну, как тебе завтрак?

- Она сама подталкивала меня к тому, что сегодня необычный день.

- Понравился, - ответил я.

- А что тебе понравилось?

- спросила она.

- Все, - ответил я.

И вдруг она с подозрением спросила:

- А что ты ел?

А я как бухну:

- Действительно, мама, что я ел?

Оказалось, она специально в этот день приготовила праздничный завтрак омлет, поджаренный с помидорами и сыром, - а я съел все и не заметил!

Мама ничего мне не ответила и вышла из кухни, чтобы подойти к телефону. И тут разразился гром и молния, ибо я услышал, как мама разговаривала с тетей Олей, и понял - это было совсем не трудно, - что та поздравляла ее с днем рождения!

Я притаился, как самый жалкий мышонок. Я почти не занимал места, почти испарился, внимательно прислушиваясь к маминым шагам, придумывая лихорадочно, как бы выкрутиться из создавшегося положения.

Вот мама прошла в комнату. Может быть, она ждала, что я выйду к ней? Потом ее шаги снова раздались в передней, замерли и - спасение!

- хлопнула входная дверь. Значит, мама ушла.

Я выглянул в окно. Мама быстро пересекала наш двор.

Вот если бы я был правдивым человеком, как Наташка, то я бы все честно рассказал маме. А мне было чем ее удивить! Дело в том, что я окончательно запутался и как сын, и как воспитатель. Вы только послушайте, что я придумал.

Меня посадили караулить первоклашек на контрольной, потому что их учительница заболела.

Когда я вошел и спросил их: "Ну, как идут дела?" - они в ответ тяжело вздохнули. Не надо было быть психологом, чтобы сразу догадаться, что дела у них шли неважно.

Я посмотрел на доску: там были примеры.

- Нечего сказать - нагружают детей, - заметил я, чтобы приободрить их.

- Мы такие примеры решали в третьем классе.

На Зину Стрельцову жалко было смотреть: вот-вот заревет. Куда девалась ее спортивная находчивость! Я заглянул в ее тетрадь и увидел ошибку. Посмотрел в Наташкину - та же ошибка.

- Вы что, никогда не решали таких примеров?

- спросил я.

- Решали, - нестройно ответили дети.

Я прошелся по рядам. Боже мой! Почти у всех одинаковые ошибки. У меня голова закружилась от напряжения. Конечно, их запугали: "Контрольная, контрольная, будьте внимательны, первая контрольная в вашей жизни..." Ну, они и перепугались. Вот почему я вырвал из тетради листок - надо было как-то поднять их боевой дух, - переписал примеры с доски, приговаривая: "Подумаешь, ерунда. Это же совсем ерундовые примеры", - быстро их решил, с победным видом отбросил листок, отошел к окну и повернулся к классу спиной. Краем глаза я заметил, что мой листок исчез со стола. Помню, я улыбнулся: мне понравилась находчивость моих подопечных.

На следующий день Нина сказала, что контрольная прошла благополучно, что у всех пятерки и четверки, что во всем классе только одна двойка!

Тут я взметнулся, я был возмущен двойкой! Я вбежал в первый класс и еще от двери закричал:

- Какой размазня получил двойку?

- У меня пятерка!

- закричал радостно Костиков.

- И у меня, и у меня, - закричали все подряд.

- А у кого же двойка?

- спросил я.

- Сознавайтесь!

И тут раздался тихий голос Наташки, и она сказала, что двойка у нее. Все, конечно, были просто потрясены, а я возьми да скажи:

- Эх ты, всех подвела!

- Девчонка!

- закричал Костиков.

- Даже списать не сумела!

- Не хотела, - срезала его Наташка.

Она посмотрела на меня. Глаза ее превратились в "клокочущий океан". Вот это был взгляд: прямо пригвоздила меня к позорному столбу. Невольно я отступил назад: не каждый может выдержать такой взгляд.

Уничтожив меня, она оглядела притихший класс, встала из-за парты и ушла.

Все ждали, что я что-нибудь произнесу, но я как-то весь мелко и противно задрожал и тоже выскочил из класса.

В этот день я поймал ее после школы. Подлетел к ней, будто ничего не случилось, и пошел рядом, весело и беззаботно размахивая портфелем.

Мы шли домой как обычно. Так могло показаться со стороны, но на самом деле все было не так. Она шла рядом со мной сама по себе. Семенила ногами, опустив голову так, что банты от ее коротких кос торчали, как рожки козленка.

А я старался вовсю. Унижался, прыгал, хохотал. Просто ужас, до чего мне хотелось с нею помириться.

- Не забудь вовремя дать бабушке лекарство!

У нее бабушка заболела.

Наташка промолчала.

- А когда будешь разогревать еду, не включай газ на полную силу.

Никакого ответа.

- Эх, махнуть бы сейчас на Камчатку!

- сказал я и покосился на Наташку.

- В долину гейзеров.

Я ждал, что она обязательно спросит про гейзеры. Но нет, не спросила. Ну и девчонка - кремень!

- Ты знаешь, что за штука гейзер?

- не вытерпел я.

Нет, она определенно не желала иметь со мной дела. Тогда я нанес ей последний, решающий удар:

- Кстати, я узнал, как спят африканские жирафы. Они ложатся на землю, а шею обматывают вокруг туловища.

Я думал, на эти слова она отзовется. Она же любознательный человек и сама спрашивала у меня про этих жирафов, но сейчас ее ничего не интересовало.

- Слушай, - безнадежно сказал я, как будто сделал какое-то великое открытие, - а может быть, пойдём ко мне обедать? Мама будет рада.

Мои слова ударились в ее молчаливую спину. А мы уже поровнялись с ее домом. И тут ко мне пришло спасение: одинокая страшная собака. Все-таки мир не без добрых собак. Не зря, значит, говорят: "Собака - друг человека". Вовремя появилась. Я торжествующе улыбнулся и сказал:

- Не бойся. Я здесь, - и взял за руку, чтобы провести мимо страшной собаки.

Наташка на мгновение остановилась, потом вырвала у меня руку и прошла мимо собаки. Так вызывающе близко, что красный шершавый собачий язык почти коснулся ее плеча. И скрылась в подъезде.

А я остался один. Представляю, какое у меня было лицо.

Я вспомнил, как Наташка впервые пришла за мной. У нее от волнения дрожал голос, и она перепутала мою фамилию. А я, здоровый дурак с большим лбом, еще издевался над нею. "Да, да, говорю, моя фамилия не Занудо, а Скандуто". Она тогда была маленькой и робкой, стояла передо мной - цветок на тонком стебле.

А после Наташки я вновь подумал о маме. До чего же у нее был обиженный вид, когда она пересекала двор! Конечно, никто ее не поздравил: ни я, ни отец, как будто она жила не в семье, а на необитаемом острове. Интересно, какое было бы настроение у меня, если бы это был мой день рождения?

И тут, конечно, позвонил папа. Я еще никогда в жизни не встречал такого неудачника. Что бы ему позвонить на пять минут раньше. Он бы и маму поздравил, и я бы не так сильно его огорчил.

- Здравствуй, папа!

- сказал я и скорчил рожу для храбрости.

- Папа, здравствуй!

- И радостно добавил: - Мама уже ушла.

- Жаль, - сказал папа.

- А я всю ночь ехал, чтобы добраться до телефона.

Я же говорил вам, что он неудачник: всю ночь ехал, а на пять минут опоздал.

- Ничего, - утешил я.

- Я ей передам.

- Так то ты, а то я. Большая разница, - сказал папа.

- Ну, что ты ей подарил, дьяволенок?

Слышно было, как назло, очень хорошо. Но я все же притворился, что не расслышал вопроса.

- Что?

- крикнул я.

- Не слышу, повтори еще раз.

- Я спрашиваю, что ты подарил маме?

- крикнул папа.

- Что? Что?

- переспросил я.

- Ничего не слышу...

- И повесил трубку.

Вбежал в комнату и стал лихорадочно одеваться, чтобы убежать до повторного звонка. Но не успел. Телефон зазвонил снова. Все, конечно, из-за папиной настойчивости. Лучше бы он больше не звонил, а то сейчас я должен буду рассказать ему правду. Я же говорю, он неудачник.

- Не вешайте трубку, - сказала телефонистка.

- Разговор не окончен.

- Ничего не слышно, - ответил я.

- Все хорошо слышно, - сказала телефонистка.

- А если вы глуховаты, позовите кого-нибудь с нормальным слухом.

Тут снова ворвался папин голос.

- Ничего он не глухой, - кричал папа.

- Это ваш телефон работает плохо. Борис, ты слышишь меня, Боря...

- Папа, - обреченно сказал я, - теперь я тебя слышу хорошо.

- Ну, что же ты купил маме?

- Ничего.

- Ничего?

- удивился папа.

- А почему ты, собственно, ничего не купил?

- Я... я... я... забыл, - сказал я.

- То есть у меня нет денег.

- Как нет? Ты их потерял?

Я хотел ему все объяснить, но по телефону это трудно.

- Ну, понимаешь...

- Надо было как-то отделаться, и я сказал: - Проел на мороженое.

После этого наступила длинная пауза.

- Алло, алло!

- кричал я в трубку.

Папа молчал.

- Теперь, кажется, вы оглохли, - ворвался голос телефонистки.

- Он сказал, что проел деньги на мороженое.

- Я все слышал, - ответил папа.

- Силен мужик!

- и, не попрощавшись, повесил трубку.

После этого разговора у меня пропала всякая охота что-нибудь делать.

"Дьяволенок" снова был в действии. "Дьяволенок" - это я, это мое прозвище с детства, с первого класса. Я тогда надел папины темные очки и пошел в школу. Меня в них никто не узнавал, и мне это так понравилось, что я не пошел на урок, а гулял по коридорам. И догулялся. Ко мне подошла учительница из параллельного класса и спросила, почему я разгуливаю во время уроков. "Уж не заболел ли?" А я ей на чистом французском языке: "Же нэ спа", то есть не понимаю, прикинулся иностранцем. Ну, она отняла у меня очки, и я сразу все стал понимать. А папа прозвал меня дьяволенком, но, по-моему, я с тех пор здорово перезрел и стал настоящим дьяволом.

Хотя, если разобраться, я ни в чем не виноват. Но этого ведь никому не объяснишь. Вы же помните, я собирался купить маме подарок. Тому свидетельствует кровать, перекрашенная мною в синий цвет. С другой стороны, как выяснилось, не без помощи тети Оли меня назначили вожатым. А затем эти несчастные дети закружили меня, заморочили, отвадили от друзей, выманили деньги, которые отец оставил на подарок. Мало того, сначала разжалобили, прикинулись несчастными, вынудили меня подкинуть им решение контрольных примеров, а затем превратили в негодяя. А я ведь просто хотел их по-дружески выручить. Вот и "навыручил" на свою голову. И вдруг мне до ужаса стало жалко... не маму, нет! Не папу, не первоклашек, а себя самого! Никто меня не ценит, никто не понимает моих страданий.

А как легко и прекрасно я жил! Чтобы меня мучила бессонница, как вчера из-за этой контрольной? Чтобы я унижался перед какой-то пигалицей вроде Наташки?

Я был гордый человек. Я никому не позволял над собой издеваться. А теперь я чувствовал, что меня словно подменили. Вроде я тот самый, и нос на месте, и глаза те же, а внутри другой. Какой-то задумчивый, размышляю, казнию себя. Так не долго дойти до полного нервного истощения, и прощай, жизнь, прощай, небо, прощай, космос!

Нет, решил я, не сдамся! Я оделся и в прекрасном настроении направился в школу. Нет, пожалуй, не в прекрасном, а в хорошем, в таком хорошем умеренном настроении, когда все не так уж плохо.

В школе меня подстерегало очередное разочарование. Когда я шел по нашему коридору, то увидел Сашку и бросился к нему навстречу. Он проскочил мимо меня к Насте, стал извиваться перед ней и что-то там свистеть на своем флейтовом языке.

Они прошли в класс, не заметив меня. Кажется, настал час: мне пора было гордо удаляться. А жаль! Так хорошо было, когда был Сашка и была Настя.

В тот момент, когда я вошел в класс, Настя вытащила из парты цветы. Ясно, чья это была работа. Она полюбовалась ими немного более, чем надо, и все ребята заметили, хотя у нее в руке был совсем маленький жалкий букетик никому не известных цветов.

- Ребята, смотрите!

- крикнул кто-то.

- Насте преподнесли цветы!

А Настя встала, подошла к Сашке и сказала:

- Спасибо, Саша!

Она это сказала так выразительно и с такой душевной нежностью, что я чуть не упал на пол.

- Боже мой!

- крикнул кто-то.

- Никак, любовь!

- Кто жених, а кто невеста?

- спросил какой-то запоздалый остряк.

- Александр Смолин и Анастасия Монахова, - ответили ему.

Да, кажется, меня уже гордо удалили, пока я сам собирался. Я прошел к своему месту и водворился рядом с Сашкой, не подымая глаз. Я видел только Сашкины руки, которые упорно открывали и закрывали футляр, и Настину руку, в которой все еще были зажаты цветы.

Но теперь ко мне это не имело никакого отношения.

Кто-то глухо хихикнул над Настей. Неужели Сашка не собирался сознаваться в том, что это его цветы? Я шарахнул его изо всех сил в бок.

Он посмотрел на меня и вытащил наконец флейту. Ну и выдержка! Он и не думал пугаться и отказываться от букета. Сейчас он сыграет Насте какую-нибудь серенаду или свою знаменитую пастораль под названием "Пастух играет аисту". Я приготовился слушать.

А он стал продувать флейту, дунул раз, другой, третий. Нет, играть он не собирался.

- А я-то думала, - сказала Настя, - что Смолин не только музыкант, но и вежливый человек.

- Она разжала кулак, и цветы упали на нашу парту.

Я перехватил ее взгляд: глаза у нее были как у побитой собаки. Жалкие, горькие и униженные.

- Подарил, а теперь отказывается!

- выкрикнул девчоночий голос.

- Ну и тип!

- Ничего я не дарил!

- вдруг заорал Сашка, размахивая флейтой.

- Я все деньги на мороженое проедаю!

- А кто же, интересно, подарил?

- спросил кто-то.

- Откуда я знаю?

- ответил Сашка.

- Может быть, она сама себе подарила.

Все от Сашкиного неожиданного ответа даже язык прикусили. Такой находчивости и изобретательности я от него не ожидал. Вот так "молодец протухший огурец"!

А Настя, точно от удара в спину, втянула голову в плечи, и худенькие лопатки у нее торчали, как сложенные крылья.

У меня вдруг все заплясало перед глазами и гулко забилось сердце: в ушах, в горле, в голове. Я вскочил на парту и, не помня себя, закричал:

- Тихо, тихо, не возводите напраслину на благородного человека! Это не он подарил Насте цветы.

- Теперь все смотрели на меня.

- Это я!

Дальше я не совсем точно помню, что произошло, только я увидел, как Настя встала, подошла к нашей парте, собрала оброненные цветы и сказала:

- Спасибо, Збандуто.

Я хотел ответить что-то вроде "пожалуйста, всегда рад служить прекрасным дамам", но язык у меня присох к горлу, и вместо слов я издал какой-то победный клич и стал бешено и радостно прыгать на парте.

- Эй, ты что, сдурел?

- крикнул Сашка.

- Флейту раздавишь!

Он схватил меня за ногу и дернул, и я грохнулся вниз, больно ударив колено. Я бросился на Сашку, чтобы хорошенько отделать его, и двинул ему кулаком в помидорное лицо, но попал почему-то в воздух. Он громко и победно захохотал.

Правда, он хохотал один во всем классе. Сразу отпала всякая охота с ним драться. У меня твердое правило: лежачего не бить. А Сашка был лежачий, хотя он хохотал и корчил из себя героя.

А тут в дверях появились первоклассники Толя и Генка, и я забыл про Сашку.

- А, ребяташки, привет!

- сказал я.

Я обрадовался им, точно не видел их милые морды тысячу лет, точно они мне были самые близкие и родные, и незаметно для себя очутился вместе с ними в первом классе.

Я только тогда опомнился, когда увидел Наташку. Улыбнулся ей и подмигнул, а потом вспомнил про свои дела-проделки и скис, и нога заболела еще сильнее. Я с трудом оторвал взгляд от Наташки и спросил:

- Ну, как живете-поживаете?

- Хорошо поживаем!

- крикнул Толя.

- На пятерочках катаемся, - подхватил Генка.

- Хвастун ты, Костиков, - перебил я его.

- Вроде меня.

Видно, мое признание их поразило. Да что их - оно меня самого поразило. Теперь осталось преодолеть только бесконечное расстояние от учительского стола до дверей.

Около дверей я остановился, в последний раз посмотрел им в лица, не просто так скользнул взглядом, а заглянул каждому в глаза. Можете мне не верить, но в этот момент я был счастливым человеком. "Как это, - скажете вы, - говорил всем, что эти дети - твои лучшие друзья, и вдруг, расставаясь с ними, оказался счастливым человеком".

А вот так.

В коридоре я увидел Сашку, который явно поджидал меня. Ну что ж, раз так, то пожалуйста, и пошел к нему. Я приближался, и его лицо покрылось мраморной бледностью. В последний момент он не выдержал, повернулся и убежал.

В другой раз я бы его догнал - все-таки лучший друг, а друзья, как известно, в пыли на дороге не валяются, но сегодня я спешил к нашей новой старшей вожатой Вале Чижовой, чтобы рассказать ей все про себя, чтобы поставить последнюю точку. А там пусть со мной делают что хотят, пусть казнят или четвертуют, я все выдержу.

Она меня встретила весело. Она такая рыжая и хохотунья. Я ее давно знал: она из десятого "В". Но когда я закончил свою исповедь, она помрачнела и сказала:

- Что теперь делать с этим первым "А", не знаю. Ведь их через две недели должны принимать в октябрюта. А можно ли?

- Если их не примут, - возмутился я, - то кого же тогда принимать?

- Я думаю, тех, кто не списывал контрольные.

Я испугался, что из-за меня их не примут, и сказал:

- Они же маленькие.

- Разумеется.

- Они растерялись. Их запугали: "контрольная, контрольная".

- Может быть, - сказала она.

- А мне их стало жалко. Вот я и поддержал.

- Поддержал, говоришь.

- Она секунду помолчала, а потом сказала: - А я тебя помню, ты выступал в самодеятельности, играл собаку. Здорово лаял. У тебя фамилия еще такая смешная... Скандуто.

- Збандуто, - поправил я ее.

- Извини.

- Ничего, я привык.

- А потом ты потерял хвост, и мы долго смеялись. Я и теперь, когда вижу тебя, вспоминаю тот случай и смеюсь. Ты не обижайся.

- Я не обижаюсь.

- Слушай, а что, если я на свою ответственность тебя прощу?

Я промолчал, хотя мне ее предложение очень понравилось.

- Нет, пожалуй, так нельзя, - сказала она.

- Ты иди, а я подумаю.

А я снова почувствовал себя счастливым и еще отчаянно храбрым. Зашел в первую телефонную будку и позвонил маме.

- Мама, - сказал я, - поздравляю тебя с днем рождения.

- А, это ты, - протянула мама и замолчала.

Было слышно, как там кто-то играл в мяч - в волейбол или баскетбол. У них телефон прямо в спортивном зале.

Я не дождался маминого ответа и стал ей сам рассказывать новости.

- Папа звонил. Только ты ушла. Тоже поздравлял. Он всю ночь ехал к телефону, а опоздал всего на пять минут. Расстроился. Я ему говорю: "Я все маме передам", а он ответил: "Я хотел сам, лично. Хотел услышать ее голос".

Она ничего на это не ответила, и я вообще подумал, что мама меня не слушает, если бы не звонкие удары мяча об пол, которые долетали до меня оттуда. Но мне все равно не хотелось с нею расставаться, и я сказал:

- Мама, у меня новость - я больше не вожатый.

- Голос у меня был радостный, а в конце фразы я даже хихикнул.

Она совершенно не удивилась ни моему хихиканью, ни бодрости и не спросила почему - она никогда не задавала лишних вопросов, - а сказала:

- Да, да, Боря, я тебя слушаю.

- Понимаешь, я им подсказал на контрольной, решил за них примеры, и они почти все получили пятерки. А сегодня я во всем сознался. Правда, здорово?

- Да, да, Боря, - повторила она, - я тебя внимательно слушаю.

- Мама, а у тебя там во что играют?

- В ручной мяч, - ответила мама.

- А я думал, в баскет или в волейбол.

- Нет, в ручной мяч.

- Она подумала минутку и сказала: - Хочешь, приходи.

Я оглянулся и увидел унылую фигуру Сашки. Он подпирал дерево.

- Спасибо, - ответил я, - в другой раз. У меня важное дело.

- Ну ладно, - сказала мама.

- И тебе спасибо. Я думала, ты забыл про сегодняшний день. Ничего, конечно, страшного, но почему-то обидно.

- И повесила трубку.

Я вышел из будки. Настроение у меня ухудшилось. Стало непривычно грустно. Мне бы сейчас поехать к маме, а я должен возиться с Сашкой. Помахал этому дураку рукой - иди, мол, ко мне, а он опять, как загнанный заяц, бросился в сторону. Только пятки мелькнули.

Тогда я решил устроить Сашке ловушку. Зашел для этого в универмаг и спрятался недалеко от двери. Стою, жду. И вдруг кто-то меня спросил:

- Мальчик, тебе что надо?

- Мне?

- Я оглянулся и обалдел.

Представьте, на месте продавщицы в отделе женских шляп стояла наша бывшая старшая вожатая Нина.

- Здравствуй, Збандуто, - сказала она.

- Удивлен?

- Удивлен, - ответил я.

А я и правда был удивлен.

- Не хотите ли купить женскую шляпу?

- спросила она.

- Хочу, - принял я ее игру, - для мамы. Тем более, у нее сегодня день рождения.

- А какой у нее размер головы?

- Естественно, как у меня.

Нина смерила сантиметром голову, взяла какую-то шляпку и напялила на меня. Я посмотрел в зеркало: на моей голове возвышалась какая-то дурацкая шляпа, какой-то самовар с трубой.

Мы оба рассмеялись.

- Между прочим, - сказала она, снимая с меня шляпу, - это смех сквозь слезы. Представляешь, некоторые женщины покупают эти трубы и носят... Ну, рассказывай, как там у нас...

- она смешалась, - у вас.

- По-старому. Теперь вместо тебя Валька Чижова, из десятого.

- Знаю - Чижик. А твои малыши как?

- Ничего, растут. Зина Стрельцова заняла первое место в вольном стиле. А Лешка Шустов поступил в кружок по рисованию. Это новенький, ты его не знаешь. Не хотели его брать, говорят, мал, но я настоял... Только я ушел от них.

- Ушел?... У тебя же настоящее призвание. Это я тебе говорю.

- Ничего не поделаешь. Я и сам о них скучаю. Не хватает мне их. Но не имею права... Помнишь контрольную, когда я заменял у них учительницу? Так эти примеры я за них решил.

- Честное слово, ты неуправляемый снаряд! Совершенно неизвестно, в какой момент взорвешься, - сказала она своим прежним тоном.

- Ты извини, я по дружбе, теперь это меня не касается.

- Я сегодня решил начать новую жизнь, - сказал я.

- Никогда не буду врать.

- Все мы начинаем новую жизнь, - ответила она.

- Что там про меня судачат?

- Не знаю, - ответил я.

- А что должны про тебя "судачить"?

Нина внимательно посмотрела на меня:

- Неужели ты ничего не слышал?

Я ответил, что нет. Я действительно ничего не слышал, а если бы слышал, разве стал бы так притворяться?

- Да, ты всегда был чудаком, - сказала она.

- Это хорошо. Когда ты станешь управляемым, тебе цены не будет.

Я на всякий случай усмехнулся, потому что не разобрал, шутит она или говорит серьезно. Раньше она все говорила только серьезно и торжественно, а сейчас она мне понравилась. Оказалось, она умела шутить, и видно было, что она мне рада.

- Знаешь, почему я ушла из школы? Из-за любви без взаимности. К одному учителю, не скажу, к какому...

И не надо, подумал я, потому что вспомнил, как она рисовала мужчину с бородой. А у нас в школе бородатый всего один.

- Страшная штука любовь, - поддержал я ее.

- Чего только люди ради нее не делают! Даже Пушкин из-за любви стрелялся на пистолетах.

- Что ты несешь, Збандуто? При чем тут Пушкин?

- сказала Нина.

- Там были социальные причины.

- Я сам читал, - сказал я виновато, - не по программе.

- А он на меня никакого внимания. Ночи не спала. Стихи сочиняла. Однажды не выдержала, пришла к нему домой и во всем созналась. А он говорит: "Это пройдет", - и угостил меня пирожным. Все привыкли, будто для меня самое главное еда. Колобок да Колобок. Ну, я съела пирожное и ушла. А на следующий день встретила его с какой-то дамой. Я когда увидела их вместе, у меня голова кругом пошла.

- Это от ревности, - сказал я.

И поискал глазами Сашку. Его нигде не было.

От волнения Нина из шляпы, которую я примерял, сделала гармошку, вот-вот она должна была на ней заиграть что-нибудь печальное. Я вырвал шляпу у нее из рук, расправил и отдал обратно. Она поставила ее на место и успокоилась.

- Ну, до свиданья, Збандуто, - сказала Нина.

- Заходи. Не забывай. Ребятам привет. Я ведь, знаешь, в нашей школе провела всю свою жизнь. У меня мама еще работала старшей вожатой, и я к ней прибегала с четырех лет. Так что я там пробыла целых шестнадцать лет... А если хочешь купить своей маме хороший подарок, пойдешь в ювелирную и купи ей брошку. Женщины любят украшения.

- Спасибо за совет, - ответил я, - но у меня кончился капитал. Отец оставил десятку, а я истратил.

Она полезла в карман форменного платья - она была похожа в этом платье на стюардессу, - и тут я догадался, что с нею произошло. Из толстухи, из колобка, она превратилась в худенькую, стройную девчонку. Вот что значит любовь и страдания. А тем временем она вытащила из кармана два рубля и сказала:

- Купишь маме цветы.

- Да что ты!

- возмутился я.

- Не возьму.

- Брось дурака валять, Збандуто, - сказала она своим прежним тоном. Бери. А будут деньги, вернешь.

Когда я вышел из магазина, Сашки уже не было. Я его нашел дома. Он сидел в полном одиночестве и, не стесняясь, плакал.

Он пошел к Насте, чтобы помириться, а ему сказали, что она улетела на Дальний Восток. Неожиданно приехал ее отец и забрал ее с собой.

- Плачь не плачь, - сказал я, - а она уже на другом конце земли.

- Но у меня есть адрес, - сказал Сашка.

- Я могу ей написать письмо. Если она захочет, я расскажу правду всем ребятам.

- И с грустью добавил: - Я предатель. Вот что меня убивает.

- Это кого хочешь убьет.

Сашка помолчал-помолчал, а потом с обидой в голосе ответил:

- Тоже друг, не можешь даже успокоить!

- Не могу я тебя успокаивать, - сказал я.

- Я сам подлец и предатель.

И я рассказал Сашке про контрольную в первом классе, и про Наташку, и про то, как я размотал десять рублей, и про мамин забытый день рождения.

- Про первоклашек - это ерунда, - сказал Сашка.

- Плевать тебе на них.

- Это ты зря. Их обманывать нельзя. Они всему верят.

- Все равно они научатся врать, - упрямо сказал Сашка.

- Все люди врут, особенно в детстве.

- Нет, не научатся. Эти не будут врать. А если кое-кто из них соврет, то мне бы не хотелось к этому прикладывать руку.

- Ну, а как же нам теперь дальше жить?

- спросил Сашка.

- Придумай что-нибудь, ты же умеешь.

- Можно дать клятву, что мы больше никогда не будем предателями.

- Давай клятву или не давай, - сказал Сашка, - а старого не воротишь.

Мы вспомнили обо всех своих неприятностях, и нам расхотелось давать клятву.

За окнами темнело, а затем эта темнота проникла в комнату.

Зазвонил телефон. Это была моя мама. Вдвоем с тетей Олей они ждали меня на именинный пирог!

- Пошли, - сказал я, - у нас именинный пирог.

Мы вышли на улицу, и нам сразу стало лучше. Горели огни, сновали и толкались люди. Шел мелкий дождь: такая зима стояла.

Мы купили маме цветы на Нинины деньги и пошли есть именинный пирог.

Несколько дней прошло в полном затишье. К первоклассникам не ходил, но они прибегали ко мне чаще, чем раньше. Все, кроме Наташки. Каждую перемену по несколько человек.

Только теперь в нашем классе никто надо мной не смеялся. Я думаю, что некоторые из наших даже завидовали, что эти дети так ко мне привязались. А тут на одной из перемен ко мне пришел новичок, Леша Шустов, принес в подарок пирогу, слепленную из пластилина, и в ней сидело двадцать пять индейцев с перьями на голове и серьгами в ушах и носу. Двадцать четыре человека сидели на веслах, и один был рулевой. Крохотные такие фигурки, непонятно, как он их слепил.

Забавный он парень, сосредоточенный и молчаливый.

Я с ним познакомился недавно. Как-то зашел в первый класс, по привычке, и нарвался на него.

- А чего ты здесь сидишь?

- спросил я его.

- Леплю, - ответил он.

- Дома ругаются, что я все пачкаю.

Честно говоря, меня это возмутило. Что ж, они не понимают, что ему охота лепить?

- А кто ругается?

- спросил я.

- Бабушка, известно кто, - ответил он.

- Говорит, лучше делом займись. Читай или уроки делай.

- Складывай книги, - приказал я.

- Пойдем к твоей бабушке.

- Нет, - сказал он, - я лучше здесь. Не люблю я, когда она меня пилит.

- Потом внимательно посмотрел на меня и спросил: - А ты кто?.. Боря?

- Да, - признался я.

И тут он без слов быстро стал запихивать в портфель книги и тетради и уронил кусок пластилина на пол, раздавил его и виновато посмотрел на меня.

- Вот всегда у меня так, - сказал он.

- Ничего, - приободрил я Лешу.

- В большом деле у всех бывают накладки.

Хороший он паренек оказался, и бабушка тоже ничего. Только они друг друга не всегда понимали.

Все наши набросились и стали рассматривать эту пирогу и удивляться. А Лешка от смущения убежал. А тут, кстати, появилась старшая вожатая Валя Чижова, взяла пирогу в руки и сказала:

- Да он талантище! Збандуто, ты должен отвести его во Дворец пионеров. Его надо учить.

Потом, уже на ходу, так, между прочим, бросила:

- Да, с тобой все решили. Зайди ко мне, расскажу.

- И убежала.

Только я вскочил, чтобы бежать за Валею и узнать, что там со мной решили, как ворвались Толя и Генка и сказали, что Наташку увезли в больницу.

У меня прямо все похолодело внутри.

- У нее заболел живот, и ее увезли, - сказал Генка.

- "Скорая" приезжала.

Я побежал в учительскую. Я бежал так быстро, что Генка и Толя отстали от меня. Когда я вышел из учительской, весь первый "А" стоял около дверей.

- У нее аппендицит. Ей сейчас делают операцию. Через два часа я пойду в больницу, - сказал я.

- Кто хочет, может пойти со мной.

Потом я побежал вниз и из автомата позвонил Наташкиной бабушке и соврал ей, что Наташка задержалась в школе. Не мог же я сказать, что Наташке вот сейчас делают операцию.

Когда я вышел после занятий на улицу, то у школьного подъезда меня ждал весь класс. Даже Зина Стрельцова.

- У матерей отпросились?

- спросил я.

Они закивали головами.

- Мне мама велела, - ответил Генка, - чтобы я не приходил домой, пока все не закончится.

- А моя мама сказала, что сейчас аппендицит не опасная операция, сказал Гога.

- "Не опасная"!

- возмутился Толя.

- Живот разрезают. Думаешь, не больно?

Все сразу замолчали.

Ребята остались во дворе больницы, а я пошел в приемный покой.

Оказалось, мы пришли не в положенное время и узнать что-нибудь было не так просто. Какая-то женщина пообещала узнать, ушла и не вернулась.

Потом появился мужчина в белом халате и в белом колпаке. Вид у него был усталый. Может быть, это был хирург, который делал Наташке операцию.

- Здравствуйте, - сказал я, когда перехватил его взгляд.

- Здравствуй, - ответил он.

- А чего ты здесь, собственно, ждешь?

- Одной девочке делали операцию, а я пришел узнать.

- Ты ее брат?

- Нет, - сказал я, - вожатый.

- А, значит, служебная необходимость. Понятно.

- Нет, я так просто, - сказал я.

- Да я не один.

Я показал ему на окно. Там во дворе на скамейках сидели мои малыши.

Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на воробьев, усевшихся на проводах.

- Весь класс, что ли?

- удивился хирург.

Я кивнул.

- А как девочку зовут?

- Наташа, - ответил я.

- Маленькая такая, с косичками. Ее отец тоже хирург. Только он сейчас в Африке. Может, встречали. Морозов его фамилия.

- Морозов? Нет, не знаю. Впрочем, это неважно. Подожди...

- И пошел наверх.

А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуюсь, зеваю и не могу сидеть на месте: хожу и хожу. Зря я не запретил Наташке ездить на пузе по перилам лестницы. Ведь из-за этого все и получилось. Она съехала на пузе и не смогла разогнуться.

Я знал, что Наташка любит так ездить, и не ругал ее. Ругать ее было глупо, потому что я сам так катаюсь. А у меня железное правило: никогда не ругать детей за то, что сам не прочь сделать. Сначала сам избавься, а потом других грызи. А теперь я себя во всем винил.

Наконец появился хирург.

- Можете спокойно отправляться домой, - сказал он.

- Я только что видел вашу подружку. Она хорошо перенесла операцию. Завтра приходите и приносите ей апельсины и сок.

Он улыбнулся и подмигнул мне. "Чудак какой-то в белом колпаке, подумал я.

- Чудак. Распрекрасный чудак". В ответ я ему тоже подмигнул. Иногда такое подмигивание действует сильнее слов.

Хирург посмотрел на меня и захохотал.

- Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад с вами познакомиться, Борис...

- он замялся, - с какой-то невозможно сложной фамилией.

- Збандуто, - сказал я.

Ух, как я обрадовался! От радости я еле сдержался, чтобы не броситься ему на шею. До чего мне была дорога эта глазастая Наташка! Значит, она ему сказала про меня, значит, он с нею разговаривал.

Я выскочил во двор, чтобы обрадовать малышкой. Они повскакали со своих мест, как только увидели меня, и я им все рассказал.

- Она во время операции даже ни разу не крикнула, - сказал я.

Хирург мне этого не говорил, но я-то хорошо знал Наташку.

- Вот это да!

- сказал Генка.

- Вот это сила!

Остальные ничего не сказали. Не знаю, о чем они там думали, но только мне нравилось, что они такие сдержанные.

И еще мне нравилось, что они у меня "один за всех и все за одного". Именно так и надо будет жить в двадцать первом веке. А когда их спросят, откуда они такие появились, то, может быть, они ответят, что жил среди них некто Збандуто, который предчувствовал двадцать первый век и воспитал их.

Дети окружили меня плотным кольцом, и мы двинулись по улице.

И тут я увидел тетю Олю. Она вышла из магазина своей стремительной, будто летящей походкой. Я бросился следом за нею, расталкивая и обегая встречный поток людей, но она, раньше чем я добежал, села в троллейбус, на секунду мелькнул ее профиль, и она ускользнула от меня вдаль.

Правда, мне было достаточно и этой мгновенной встречи, потому что я вспомнил, что именно благодаря тете Оле я иду среди этих детей и живу жизнью, которая сделала меня счастливым.

Слово надо беречь, ибо оно свято, оно способно
выражать мысль. Человек, который говорит, - творец.

Поэтому никогда не надо болтать. Болтовня унижает слово.

Самая большая удача - это встреча с хорошим
человеком, который может тебя поразить словом или делом.

Однако жизнь все же прекрасна, и надо идти
вперед...

Из высказываний тети Оли

ЖЕНИТЬБА ДЯДИ ШУРЫ

В тот день, когда началась эта незабываемая история, я увидел ее, эту женщину, еще неизвестную мне, и нечаянно толкнул.

Я бежал, торопился. У меня всегда так: если я принимаю участие в деле, которое мне нравится, то после этого я долго не могу успокоиться и меня подмывает перейти на бег... Это было связано с нашим математиком. Он у нас большой сухарь и педант. Жестокий человек. Никому никогда не поставил пятерки. Сказал, что в нашем классе на пятерку знает только он! Может быть, кто-нибудь заслуживает четверки, а остальные тянут на

трояк. А тут пришел, стал вызывать всех подряд и выставил... девять пятерок! И тогда все, совершенно потрясенные, спросили его, что с ним случилось. Он встал, откашлялся и сказал: "Можете меня поздравить... У меня родился сын..."

А через несколько дней мы пошли всем классом к родильному дому вместе с математиком, и, когда его жена с сыном на руках вышла из дверей приемного покоя, мы закричали:

- Ура-а-а!

Она от этого чуть не упала, так растрогалась, но математик оказался ловким: подскочил и поддержал ее.

Потом девочкам по очереди дали подержать новорожденного. А из ребят я вызвался. Я даже не увидел его лица, оно было прикрыто, но сверток был теплый, и я потом долго чувствовал это живое тепло на своих ладонях.

Естественно, что после этого я был возбужден и наскочил на нее, на эту женщину. И толкнул. Но она меня не обругала, только нахмурилась.

Кстати, эта история чем-то похожа на первую. Может быть, потому, что в ней действуют тоже собаки? Но прежде чем рассказать ее, я должен сообщить вам о некоторых изменениях в моей жизни.

Наш дом на Арбате снесли, и мы перебрались на край московской земли - в Измайлово. Вместе с нами сюда переехали Морозовы, Наташка со своим отцом дядей Шурой. Он наконец вернулся из Африки. Именно благодаря его стараниям им дали квартиру на одной площадке с нами.

Итак, мы стали соседями.

Казалось бы, все прекрасно, но я скучаю по арбатским переулкам и по нашему старому, ветхому дому, которого теперь уже нет на свете, и по школе, и по бывшим первоклассникам.

А что делать, если в жизни так часто приходится расставаться?

Тетя Оля говорит, что надо по-прежнему заниматься своими делами, только часть сердца нужно оставлять тем людям, которых ты любил.

А может быть, я так сильно скучал потому, что никак не мог привыкнуть к новой школе и новым ребятам. Хотя вначале я подружился с одним. Он был такой молчаливый и держался особняком. Я сам к нему подошел. Худенький, небольшого роста, за стеклами очков - круглые глаза. От этого у него было милое птичье лицо.

Он сказал, что его зовут Колькой-графологом.

- Это что, фамилия такая?

- удивился я.

- Не фамилия, чудак, - ответил он.

- Просто я графолог. По почерку отгадываю характер. Вот напиши что-нибудь, а я отгадаю.

Я написал, а он много хорошего про меня наговорил: и что я добрый, и парень не дурак, и смелый, и наблюдательный, и натура у меня тонкая. После этого я здорово перед ним преклонялся некоторое время, но это особый разговор.

И еще скучал из-за улиц. У нас на Арбате толпы спящих людей и жизнь бурлит, а тут прохожих можно пересчитать по пальцам. Взрослым это нравится, а мне нет. Они говорят - это успокаивает.

"Ты закоренелый урбанист, - сказал дядя Шура, - сторонник современной городской жизни".

Действительно, выходило, я урбанист. Ведь другой жизни я не знал, и тишина у меня вызывала скуку.

Итак, в новом доме мы жили по соседству с Наташей и дядей Шурой. Заметьте, это немаловажный факт для нашей истории. Наташку вы знаете, она мало изменилась за год. Только раньше она жила вдвоем с бабушкой, а теперь вдвоем с отцом: бабушка ее уехала к другой внучке.

После возвращения дяди Шуры прошло уже полгода, но Наташка все еще не отходит от него ни на шаг, как будто он только вчера вернулся. Она, пока его ждет с работы, десять раз позвонит по телефону.

А про дядю Шуру я вам сейчас все выложу.

Во-первых, он совсем не похож на человека, которого так уж необходимо было отправлять в Африку. Я даже разочаровался, когда впервые увидел его. Он небольшого роста, моему отцу едва достаёт до плеча, щуплый и кривоногий.

Потом я к нему привык. Он оказался презабавным и странным типом. А мне странные люди всегда нравились, потому что интересно, а чего это они такие странные.

"Ты следи, следи за странными людьми, - говорит мне тетя Оля.

- В них есть какая-то убежденность, тайная сила и знание жизни".

Бывало, сидим целый вечер вместе. Беседуем, потом он провожает меня, как лучшего друга, до дверей. А на другое утро встретимся в лифте, - он почти не узнает меня. Едва кивнет головой и сухо: "Здравствуй!"

И еще у него одна странность: он не любит рассказывать о своей работе. Однажды я попросил его: "Дядя Шура, расскажите о какой-нибудь сложной операции".

- "О сложной операции?"

- Он весь искривился, скорчил немыслимую рожу и ответил: - Что-то не припомню".

А вообще он большой шутник. С ним легко и просто. Например, когда мы были в зоопарке, там произошло с ним сразу три смешных случая.

Первый - когда Наташка каталась на пони. Она погнала своего пони, наскочила на коляску впереди, и образовался затор. К Наташке подбежала возмущенная служащая, схватила ее, закричала: "Чья это девочка?" Я посмотрел на дядю Шуру, он стоял с невозмутимым видом, будто Наташка к нему никакого отношения не имела. А та вырвалась из рук служащей и убежала. Проводив ее взглядом, дядя Шура кивнул мне, и мы ушли.

Второй - когда мы стояли около обезьян. Наташка показала обезьянам язык, и дядя Шура, несмотря на свой почтенный возраст, тоже показал язык. Если кому-нибудь рассказать про это, скажут: ну и глупо, серьезный человек, и вдруг - язык. Но это было не глупо, а весело.

И третий - уже в конце, когда мы вышли на улицу. К дяде Шуре подскочил никому не известный мальчишка-толстячок и поздоровался. Дядя Шура посмотрел на него и не узнал. А следом за мальчишкой подошла женщина, его мать, и вежливо, очень почтительно поклонилась дяде Шуре. Оказалось, дядя Шура оперировал этого мальчишку. Ну, конечно, стал выяснять, как мальчишка себя чувствует, извинился, что не сразу его узнал. А мальчишка, вместо того чтобы ответить на вопросы дяди Шуры, сказал, что умеет шевелить ушами. Его мама заохала: "Как нехорошо, что ты говоришь, лучше поблагодари доктора за операцию!" - "Нет, нет, - перебил ее дядя Шура, - пусть шевелит. Это очень важно". Ну, мальчишка хотел нам показать, как он шевелит ушами, а у него ничего не вышло. И тогда дядя Шура сказал: "Не унывай, тебе просто надо больше тренироваться", - и прекрасно продемонстрировал, как надо шевелить ушами. Они у него ходуном заходили.

Он артист корчить рожи. Умеет еще двигать кончиком носа, тряссти щеками. И все это одновременно.

Наташка сказала, что он специально этому учился у циркового клоуна, чтобы смешить детей перед операцией.

Ну и вот, значит, в лифте он меня почти не узнавал. Но однажды его все-таки проняло, и он вдруг без всякой подготовки сказал:

"Трудно представить, что у меня в руках бывает человеческое сердце. Он вытянул руку, словно у него на ладони действительно лежало чье-то сердце.

- Оно с кулачок и трясется, как овечий хвостик..." Он грустно улыбнулся и, не попрощавшись, ушел, словно снова забыл про меня...

У Наташки появилась собака по кличке Малыш. Она возникла по моему предложению. Я решил, что Наташке надо преодолеть свой вечный страх перед собаками. Дядя Шура со мной согласился и привел Малыша.

Именно из-за него, из-за Малыша, и разгорелся весь этот пожар, который мне с трудом удалось погасить.

Неужели я опять хвастаю, как когда-то? Нет, не думаю. Помните, тетя Оля говорила: "Неистребим дух хвастуна!" Должен вас огорчить: она оказалась неправа. Истребим, истребим дух хвастуна, да еще как! Впрочем, в этом вы вскоре убедитесь сами.

Незадолго до этой истории произошло еще одно событие: я впервые зажил самостоятельной жизнью. Мои родители уехали отдыхать на Черное море на целых два месяца. Собственно, они не собирались оставлять меня одного на время их отпуска: к нам должна была вселиться тетя Оля, но она в последний момент заболела. И меня "взвалили" на плечи дяди Шуры. Нет, пожалуй, это не совсем точно: не меня "взвалили" на его плечи, а его на мои.

Началась эта история незаметно, без всякой подготовки.

Впрочем, некоторая подготовка была, только тогда я ее не заметил, хотя Колька-графолог, изучив мой почерк, назвал меня наблюдательным. Во-первых, когда мы в последний раз были в зоопарке, дядя Шура был очень возбужден, все время кому-то трезвонил по телефону-автомату, потом купил нам с Наташкой мороженое и отправил одних домой. А на следующий день позвонил мне с работы, сказал, что задерживается, что у него срочная операция и чтобы я пошел к Наташке, а то ей одной скучно. В конце разговора он как-то помялся, непривычно кашлянул и произнес: "Да, у меня к тебе еще одно дело... Если мне будут звонить... передай, что у меня все в порядке и завтра я свободен".

Так что нельзя сказать, что эта история началась внезапно. Но никого в этот день не убили и никто, слава богу, не умер. И погода была самая обыкновенная: хорошая осенняя погода семидесятых годов незабываемого телевизионно-космического века.

В этот день, как всегда, возвращаясь из школы, я купил две бутылки молока; одну для себя, другую для Наташки.

Когда я подошел к Наташкиной двери, чтобы отдать ей молоко, то услышал, что у них играет музыка. Я позвонил, а сам стал открывать свою квартиру.

Вот тут-то все и началось!

За моей спиной распахнулась дверь: музыка зазвучала громче, ее захлестнул тонкий щенячий лай, и передо мной предстала Наташка в совершенно необычном виде. На ней было белое нарядное платье и праздничный бант, к тому же она была таинственная, хотя ей это давалось с трудом.

- Малыш, - гневно приказала она собаке, - молчать!

Но Малышу безразличны были ее приказы: ему и море по колено.

- Что случилось?

- спросил я.

- По какому случаю такой "машкерад"?

- А у нас... свадьба!

- с восторгом открыла свою тайну Наташка.

Эти маленькие любят играть в свадьбы. Как будто это самое интересное занятие в мире.

- Кто же твой жених?

- спросил я, перед тем как скрыться за дверью.

- У нас настоящая свадьба, - ответила Наташка.

- Папа женится.

- Женится?!

- переспросил я и замер в ожидании продолжения сногшибательных новостей.

- Теперь у меня тоже будет мама, - не унималась Наташка.

- Я ее уже полюбила. Это она играет на виолончели.

- Слово "виолончель" она выговорила с трудом.

- Значит, она к тому же музыкантша, - с деланным испугом сказал я. Здорово вам повезло. Весело будете жить.

- Идем, я тебе ее покажу.

Она потянула меня за руку, а я притворился, что не хочу идти, но на всякий случай сунул портфель и свое молоко за дверь и прикрыл ее.

Музыка в комнате оборвалась, и на площадку вышел сам жених - дядя Шура. Он радостно-смущенно улыбнулся: растянул рот до ушей. Не каждый может растянуть так рот!

Одет дядя Шура был во все новое: в новый костюм, в новый галстук и даже в новые ботинки. А из кармана пиджака торчал красивый цветной платок!

Настоящая картинка, видно, давно готовился. А молчал.

"Интересно было бы посмотреть на его невесту, - подумал я.

- Позовет или не позовет?"

- Здравствуйте, дядя Шура, - проникновенно произнес я.

- Поздравляю вас!

- Спасибо, - ответил дядя Шура.

Но с места не сдвинулся, стоял на моей дороге, как неприступная крепость.

Неожиданно ко мне пришел на помощь Малыш: он с чувством лизнул новый ботинок дяди Шуры.

- Ты что, - возмутился я, - портишь свадебные ботинки!

- Да... брат... вот так, - растягивая слова, задумчиво произнес дядя Шура.

- Сколько веревочке ни виться, а концу быть. Заходи - гостем будешь.

- С удовольствием, - ответил я.

Первым полетел по коридору Малыш. За ним - Наташка. За нею - не выдержавший моей степенной походки дядя Шура. И последним, подхватив забытую всеми бутылку молока, едва сдерживая любопытство, шагал я.

Было интересно, кого я сейчас увижу! Я даже разволновался. Я всегда волнуюсь перед открытием. А это ведь открытие - увидеть нового человека.

Тетя Оля говаривала, бывало: "Самая большая удача - это встреча с хорошим человеком, который может тебя поразить словом или делом".

У меня, например, был один знакомый мальчишка, который меня поражал и "словом" и "делом". Он каждый день ходил на вокзал. Ему нравилось встречать чужие поезда, а потом он обязательно приставал к кому-нибудь и помогал поднести вещи. Когда ему предлагали за услугу деньги или, например, мороженое, он смеялся и убегал. Некоторые над ним издевались: на кино денег нет, а на вокзале отказывается. А я ему завидовал, этой его страсти. Мне казалось, он знает какую-то тайну, которая делает его всегда счастливым. Я даже ходил на вокзал и тоже помогал таскать вещи, только радости особой мне это не приносило.

И вот я ее увидел!

Представляете, она оказалась той самой женщиной, которую я толкнул на улице.

Я часто помню людей, которых я когда-нибудь, пусть даже случайно, встретил. Я потом такого прохожего могу долго вспоминать и думать про него. И о ней я тоже вспоминал, но сейчас меня поразило не то, что именно она оказалась невестой дяди Шуры, а ее красота. Она была настоящей красавицей! Точнее, сначала я увидел ее спину, потому что она закончила игру и ставила свою виолончель в угол, к стене. Потом она повернулась ко мне, и я просто обалдел!

Она была в синем платье, с двумя гвоздиками, белой и красной, приколотыми к груди. Волосы у нее были черные. И длинные черные глаза: они тянулись от переносицы до виска. Но и это не самое большое открытие, у многих бывают красивые глаза. У нее в глазах, вокруг зрачков, были лепестки цветов. Когда я потом рассказывал об этом маме, она смеялась, но я точно знаю, что так оно и было.

- Здравсьте!

- сказал я.

Она протянула мне руку и крепко сжала. И я заметил эту странную особенность ее глаз. Я стоял спиной к окну, а она лицом, и мне все прекрасно было видно: вокруг зрачков у нее образовались лепестки цветов.

- Здравствуй, - сказала она.

- Меня зовут Надежда Васильевна.

- Поздравляю вас со свадьбой, - сказал я.

- Он мне и Малышу каждый день покупает молоко, - сказала Наташка, желая представить меня в лучшем свете.

- Вот!

- Я показал бутылку, которую до сих пор держал в руке; при этом я так вертел ею, как будто собирался жонглировать.

Надежда Васильевна забрала у меня бутылку и передала Наташке.

- Отнеси на кухню, - попросила она.

Наташка бросилась выполнять поручение Надежды Васильевны, но тут же вернулась и спросила у меня:

- Она тебе нравится?

- Очень, - ответил я.

Не знаю, что там показалось, но они, дядя Шура и его невеста Надежда Васильевна, рассмеялись.

Я давно заметил, что взрослым часто бывает смешно, когда совсем нечего смеяться. Как-то я сказал об этом дяде Шуру. А он мне ответил:

"Говорят, человек меняется каждые семь лет, и то, что в детстве ему кажется смешным, в преклонном возрасте не смешит, и наоборот".

Честно говоря, я бы хотел сохранить свой характер. Он мне определенно нравился. У меня веселый нрав - я весельчак. Зачем же мне менять свой характер, скажите на милость?

В общем, в ответ на мои бескорыстные слова они рассмеялись, но я не обиделся. Раз смеются - значит, счастливы.

Правда, дяде Шуру и этого показалось мало. Он решил продолжить веселье и приложил к моему лбу ладонь.

- Я не болен, - сказал я.

- Здесь совсем другое, - ответил дядя Шура.

- Посмотри мне в глаза.

Я посмотрел: нет, у него в глазах не было никаких лепестков.

- Неизлечимое, - сказал дядя Шура.

- Фантазер и мечтатель. В общем, сочинитель сказок.

- А я, а я?

- потребовала Наташка.

Дядя Шура опустил ладонь на Наташкин лоб, заглянул ей в глаза и задумался.

- Решительная особа, - сказал он наконец.

- И большая любительница мороженого.

- А она, а она?

- Наташка показала на Надежду Васильевну.

Дядя Шура повернулся к Надежде Васильевне и вновь повторил все свои манипуляции.

Тут следует заметить, что смотрел он ей в глаза несколько дольше, чем нам с Наташкой. Конечно, от таких глаз нелегко оторваться.

- Добрейшее существо, - сказал он, - но умеет ловко это скрывать... А теперь начнем пир.

- Начнем! Начнем!

- воинственно завопила Наташка и убежала, чтобы отнести наконец бутылку с молоком.

Следом за нею улетел Малыш.

- Спасибо, - неестественным голосом сказал я.

- Мне уроки надо делать.

Конечно, мои слова были курам на смех: отказываться от свадебного пира из-за уроков, как будто я только и делаю, что хожу по свадьбам, - но было неудобно навязывать себя.

- Смотри, какие у нас торты, салаты, бутерброды, - соблазнял меня дядя Шура.

- Ты что, хочешь нас обидеть?

- Нет, - радостно ответил я и торопливо сел за стол.

- Наташа, - приказал дядя Шура, - прибор Борису!

Вбежала Наташка, у которой в ногах путался обезумевший Малыш. Она принесла мне тарелку, вилку и нож и поставила передо мной замечательный хрустальный бокал. Когда она ставила его на стол, то он зазвенел редким звоном.

Наступила торжественная тишина.

Дядя Шура взял шампанское и открыл его. Оно стало пениться и вырываться из бутылки.

Надежда Васильевна отодвинулась, чтобы спасти платье, и уронила свой бокал. Замечательный хрустальный бокал с редким звоном!

Вот тут-то и началась по-настоящему эта история, вот тут-то и вспыхнул небольшой костер, который потом разгорелся в неистовый пожар, способный уничтожить все, и который мне удалось погасить.

Я знаю, я уже говорил об этом. Но, чтобы у вас в голове хорошенько отпечатались эта история, чтобы вы потом не повторили моих глупостей и не принимали поспешных решений, напоминаю вам об этом. И себе, разумеется, тоже. Век живи, век учись.

Тетя Оля любит говорить: "Если ты хочешь, чтобы тебя поняли, повтори главную свою мысль в начале рассказа, в середине и в конце". По-моему, очень правильные слова.

Значит, хрустальный замечательный бокал стал падать, описывая плавную дугу.

Дядя Шура сделал невероятно судорожное движение, чтобы спасти бокал, но это ему, конечно, не удалось. Он ведь не фокусник и не волшебник, а только хирург, к тому же в одной руке он по-прежнему держал шампанское.

Бокал, естественно, достиг пола и разбился, а следом за ним на полу оказался дядя Шура.

Может быть, он упал нарочно, чтобы посмеить публику? А может быть, просто не удержался на стуле? Во всяком случае, он рассмеялся, а за ним рассмеялся и я. В конце концов, бокал - это только бокал, даже если он замечательный, хрустальный, с редким звоном.

Мы смеялись, надеясь развеселить и увлечь остальных, но увлекли только Малыша. Он начал отчаянно лаять.

- Жалко, - сказала Надежда Васильевна, села на корточки и стала собирать осколки.

- Это мамин бокал, - вдруг тихо, но внятно произнесла Наташка. И сразу оборвала наш смех.

- Что ты выдумала, - неуверенно возразил дядя Шура.

И всем стало понятно, что это на самом деле был бокал Наташкиной мамы.

- Ты сам говорил, - повторила Наташка.

- На нем была царапина.

Надежда Васильевна, подобрав осколки, вышла.

Дядя Шура ничего не ответил Наташке, достал новый бокал и поставил перед Надеждой Васильевной.

Свадьба продолжалась, но это была уже чуть-чуть не та свадьба.

Дядя Шура стал разливать шампанское. При этом он изображал, что ничего особенного не произошло, но по движениям его рук, по суете, по неуверенно-торжественному голосу видно было, что история эта ему неприятна.

Наконец шампанское было разлито, и вновь наступила тишина.

И я услышал "легкий шелест их новой жизни", предчувствие чего-то очень хорошего. "А впереди у вас будет то-то и то-то, то-то и то-то", - сказала бы тетя Оля и наговорила бы впрок много хорошего и заманчивого, чтобы им захотелось всего этого терпеливо ждать. Именно это она и называла "легким шелестом новой жизни". Правда, тетя Оля никогда не предупреждала о том, что в жизни человека может быть и плохое, и трудное. И это была ее ошибка, но такой она была человек.

Дядя Шура молча посмотрел на Надежду Васильевну, и, кроме радости, у него в глазах была затаенная грусть.

Тогда я этого не понимал, как может быть грустно, когда радость. Но теперь-то я знаю, что все в жизни соединяется: радость по настоящему и грусть по прошедшему. Получается какая-то горьковатая радость.

И вдруг дядя Шура повернулся ко мне и спросил:

- А что по этому случаю сказала бы наша знаменитая тетя Оля?

- Это Борина тетя, - объяснила Наташка Надежде Васильевне.

- Она все-все знает.

- Она бы сказала...

- От страха перед этой красавицей у меня из головы все вылетело. Я зачем-то встал и от смущения покраснел.

- Она бы сказала...

- ...что жизнь все-таки прекрасна, - вдруг сказала Надежда Васильевна.

- Точно!

- закричал я и закончил словами тети Оли: - "...и несмотря ни на что, надо идти вперед".

- Ура-а-а тете Оле!

- сказал дядя Шура, поднял бокал и "пошел вперед".

И Надежда Васильевна "пошла вперед": она встала и подняла бокал.

Я тоже поднял бокал.

И Наташка, забыв об обиде, сделала первый шаг навстречу неизвестному.

Неизвестному мне, неизвестному ей, но уже тогда известному, как потом оказалось, необыкновенно умной Надежде Васильевне.

Наташка влезла на стул, чтобы быть вровень со всеми, и мы чокнулись.

- Наташа, - сказала Надежда Васильевна, - извини меня.

Каждый раз, когда я вспоминаю эту свадьбу, у меня в ушах раздается звон наших бокалов и слова Надежды Васильевны, обращенные после Наташки ко мне:

- А ты мне веришь, друг мой?

Вначале я даже не понял, что она разговаривает со мной, а догадавшись, ужасно обрадовался: быть другом такой красавицы всякому приятно.

- Верю, - проникновенно и тихо ответил я, хотя мне хотелось вопить: "Верю, верю, верю!"

Было какое-то величие в ее словах "друг мой", и мне захотелось сделать для нее тут же что-нибудь сверхъестественное, и я сказал:

- А я читал, на свадьбах всегда бьют бокалы. Это к счастью.

- Вот именно!

- закричал дядя Шура, совсем как мальчишка.

- Это к счастью! На свадьбах всегда бьют бокалы!

И дядя Шура выпил свое шампанское, поднял бокал и с силой бросил на пол. И второй бокал разлетелся на куски. Заметьте, еще один замечательный хрустальный бокал с редким звоном!

Представляю, как бы удивились больные дядя Шуры, если бы увидели его сейчас.

И мы, конечно, удивились. У Наташки глаза полезли на лоб, и у меня они тоже бы полезли, но я умею владеть собой. А Надежда Васильевна, я заметил, осуждающе покачала головой.

Тогда дядя Шура затих и виновато, немного грустно сказал:

- На свадьбах всегда бьют бокалы.

Он протянул руку Надежде Васильевне, и она в ответ протянула ему свою.

Они смотрели друг на друга. У дяди Шуры лицо было строгим, хотя галстук сбился на бок и волосы растрепались. А Надежда Васильевна улыбнулась. Эта улыбка сделала ее совсем молодой и еще более красивой.

Еще тогда, на свадьбе, я поймал себя на том, что все время слежу глазами за Надеждой Васильевной и это доставляет мне радость. И с этого дня я искал малейшую возможность, чтобы лишний раз увидеться с нею.

Как-то я заскочил к ним, будто за Наташкой, чтобы вместе идти в школу. А Надежда Васильевна мне ответила, что Наташка еще не готова и она сама ее проводит.

Она улыбнулась, а я, дурак, вместо того чтобы прямо сказать, что я их подожду, нелепо поклонился и ушел.

Она захлопнула дверь, а я вернулся домой и стал дежурить у дверного глазка.

Когда они вышли на лестничную площадку, сопровождаемые отчаянным лаем Малыша, я тоже появился, изображая на лице наивысшее удивление:

- Как, вы только выходите?

- Меня сегодня провожает Надежда Васильевна, - предупредила Наташка.

Не знаю почему, но идти с нею было радостно. Она всего-то лишь успела сказать, что ей здорово повезло, потому что она теперь каждый день на работу ездит на метро, а это интересно. А раньше она жила в центре, рядом с работой, и ходила пешком.

- А где вы жили?

- спросил я.

- На Арбате.

- И я раньше жил на Арбате!

- воскликнул я.

- И я жила на Арбате, - сказала Наташка.

- Как жаль, что мы не знали друг друга, - сказала Надежда Васильевна. Мы бы давно могли стать друзьями.

И мне действительно стало обидно, что я ее не знал.

Я нес ее виолончель. Она была тяжелая и, когда ударялась о мое колено, издавала тонкий гул, и это мне нравилось.

А Надежда Васильевна шла рядом, держа за руку счастливую Наташку.

- Когда я выхожу из метро, - сказала Надежда Васильевна, - то еще на эскалаторе думаю, что сейчас увижу небо, деревья, землю. Каждый раз я открываю для себя что-нибудь новое и неожиданное.

И все, и больше она ничего в этот раз не говорила, но мне понравились ее слова о метро.

На следующий день я снова засел за своей дверью и, когда они вышли, выскочил на площадку.

- А-а-а, любитель случайных встреч!

- сказала Надежда Васильевна.

- С завтрашнего дня мы будем заходить за тобой сами.

- Хорошо, - согласился я, не притворяясь, что встретил их случайно.

Она умела все делать естественно и серьезно, и поэтому не было стыдно своих признаний, которые с другими людьми мне ни за что не удавались.

И открывалась она свободно и легко. Рассказала нам про то, как изобретала для себя игры, когда была маленькой.

То она придумала, что у нее под кроватью живет рыжая лиса, которая выполняет все ее поручения. То, что на подоконнике в ее комнате разместились две деревни. В одной жили крестьяне в красных шапочках с колокольчиками, а во второй - в зеленых шапочках. И эти крестьяне вечно между собой ссорились: "красные шапочки" были недовольны "зелеными шапочками", потому что те без всякой цели рвали полевые цветы, а "зеленые" - "красными", потому что у них слишком громко звенели колокольчики. Сама Надежда Васильевна была верховным судьей, который по справедливости разрешал их споры.

Все-таки она была странная, вроде дяди Шуры. И вещи говорила неожиданные: то про метро, то про свои детские игры, то без всякой подготовки однажды спросила:

- Борис, а какие у тебя родители?

- Обыкновенные, - ответил я.

- Ну, они добрые, любят тебя, ты их любишь. Это так естественно. А какие они? (Я заметил, что краем глаза она неотступно следит за Наташкой.) Душа нараспашку или скрытные? Например, знаешь ли ты, о чем думает твой отец, когда молчит?

Я ей не ответил, потому что действительно не знал, о чем думает отец, когда молчит, и чем живет мать. Я видел их каждый день. Они вставали. Пока мама готовила завтрак, отец делал что-то вроде зарядки: три подскока, два приседания. Завтракали. Мама подавала на стол, отец мыл посуду. Уходили. Приходили. Они были то веселые, то чем-то озабоченные, то печальные. А вот отчего, я не знал.

- Выходит, весь твой мир крутится вокруг тебя... А жаль! Когда лучше узнаешь своих близких, их недостатки и достоинства, то глубже любишь. Мой отец имел привычку часто что-то обещать, а потом не выполнял... И все друзья за это его осуждали, хотя, может быть, он делал во много раз больше хорошего, чем они. Помню, когда я поняла, что он не выполняет обещаний потому, что просто ему не все удастся, то была счастлива, и он мне стал еще дороже.

У нее, у Надежды Васильевны, получалось все красиво и ловко.

Как-то я сидел у Наташки, когда она вернулась с работы. В руках у нее были цветы.

- Отгадайте, почему я купила розовые астры?

- спросила Надежда Васильевна.

- Сейчас увидите!

Она любила колдовать. Делала все молча и таинственно, а мы следили за ней.

Сначала Надежда Васильевна постелила на стол розовую скатерть, потом поставила на нее кувшин с цветами.

- Розовое на розовом, - сказала она.

А я раньше вообще не замечал цветов. Есть они или нет, мне было все равно.

И тут она произнесла слова, как будто прочитала мои мысли:

- Как можно не любить цветов! Это все равно, что не любить землю.

Я вздрогнула от этих ее слов: жил в асфальтовом городском мире и никогда не думал о земле, о цветах, о деревьях, которые на ней росли.

Мне стало от этого не по себе, я испугался, что необыкновенно умная Надежда Васильевна обо всем догадалась. На всякий случай в ответ на ее слова я промямлил:

- Да, да...

Но с тех пор каждый раз, выходя из метро, я останавливался у базара цветов. Постепенно это стало моей привычкой.

Однажды там продавали цветы под названием "перья страуса". Они были белые, а лепестки их скручивались и были похожи на фантастические перья.

"Перья страуса" мне очень понравились и я даже собирался их купить, но потом почему-то не купил и ушел. Всю дорогу до дома я чувствовал себя обиженным и все думал: зря не купил эти необыкновенные цветы. "Если у тебя в течение дня, - говорит тетя Оля, - была счастливая минута, вызванная чем угодно, значит, тебе выпал хороший день. Пускай это будет улыбка незнакомого человека, минутная нежность к матери или отцу, письмо от друга, строчка стихов, которая тебя обрадовала. Только смотри не оброни этой минуты, не потеряй ее". И, вспомнив эти слова, я остро почувствовал, что цветок "перья страуса" мне необходим, что я должен взять его в руки, полюбоваться, а потом поставить в стакан на своем столе, чтобы его видели все.

Я побежал обратно, но опоздал. Цветы расхватали. Вот теперь попробуй не согласишься с тетей Олей: "Только смотри не оброни этой минуты..."

А какой у Надежды Васильевны был вкусный чай, представить невозможно! Мне нравилось, что это у них не наспех. Теперь многие пьют чай и обедают наспех, где-нибудь на кухне, а они всегда устраивались в комнате. И как-то она умела усадить меня сразу, я даже не успевал смутиться, а уже сидел за столом, передо мной был стакан чая, вкусные бутерброды, пирожное, варенье. Но главное было не в еде, а в разговорах. Это был настоящий вечерний чай. Даже дядя Шура, всем известный молчальник, крепкий орешек, и тот открывался. Однажды он рассказал, что разработал такую операцию сердца, которая длится не четыре или пять часов, как раньше, а всего три с половиной - для этого он сконструировал новые инструменты. И дядя Шура начертил нам эти инструменты.

В школу мы теперь ходили каждый день втроем, и я всегда нес виолончель. Мы подходили к школе, я передавал ей виолончель, она вскидывала ее на плечо и уходила.

Весь наш класс просто вываливался из окон. Мальчишки пробовали меня дразнить, называли "оруженосцем", но меня это не смущало. Теперь я жил в другом мире, я узнавал то, что они не знали, я открыл в себе чувства, о которых не подозревал, так что мне их придирки казались наивными и смешными.

Я даже забыл, что совсем недавно мне часто бывало скучно и я мог целыми днями тупо смотреть в потолок, ничего не делая.

Так бы и жить всегда в этом празднике, но он неожиданно пришел к концу.

Утром меня разбудил звонок в дверь. Я открыл: передо мной стоял дядя Шура.

Он был одет по-походному. Я знал этот костюм: полувоенный плащ, крепко перехваченный поясом, за плечом - рюкзак.

В этом костюме он был каким-то другим, более ловким, подвижным, решительным. И невероятно строгим.

Я сразу догадался: он летел на срочную операцию.

- Поручаю тебе своих женщин, - сказал дядя Шура.

Повернулся, хотел вызвать лифт, но, увидев, что кабина занята, махнул рукой и побежал вниз, прыгая через ступени.

В это время на лестничную площадку выбежала Надежда Васильевна. В руке у нее был сверток.

- Шура, - крикнула она, - возьми с собой!

Но дядя Шура не остановился и, может быть, не расслышал ее голоса. Он уже не видел нас, не слышал наших голосов, он был далеко, там, где его ждали.

Недаром он говорил про себя: "Моя жизнь принадлежит людям. И мне это нравится".

- Даже не позавтракал, - сказала Надежда Васильевна.

- На юге, где-то в горах, случился обвал. Вот он и полетел.

Она волновалась за дядю Шуру, и я, чтобы успокоить ее, сказал:

- Куда он только не летал. И на Камчатку, и в Мурманск, и в Ташкент... А однажды его сбросили на парашюте в Тихом океане, прямо на пароход. И ничего... А в Африке он заблудился в джунглях и выбирался из них два дня. И ничего...

Разговаривая, мы вошли в их квартиру. И от наших громких голосов, от лая Малыша проснулась Наташка. Она выбежала к нам в пижаме, еще заспанная, лохматая.

- А где папа?

- спросила она.

- Он уехал, - ответила Надежда Васильевна.

- Куда?

- настойчиво спросила Наташка.

- Иди умойся, - ответила Надежда Васильевна.

Она все еще была возбуждена и не заметила, что Наташка настроена воинственно.

- Нет, сейчас, - требовательно сказала Наташка.

- Куда он уехал?

Надежда Васильевна посмотрела на Наташку, чуть помедлила, словно раздумывала, как поступить, и сказала:

- В горы. Там обвал.

- А где эти горы?

- не отставала Наташка.

- Иди лучше умойся, друг мой, - ответила Надежда Васильевна.

- И тогда я тебе все расскажу.

- А почему вы меня не разбудили?

- спросила Наташка.

- Раньше папа меня всегда будил, даже если уезжал ночью.

- И, не дождавшись ответных слов, выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

Надежда Васильевна сделал вид, что ничего особенного не произошло, но я заметил, как предательски вспыхнули ее глаза.

А у меня тоже испортилось настроение. Это ведь была не первая Наташкина обида на Надежду Васильевну.

Я помню два вечера подряд, когда дядя Шура и Надежда Васильевна так поздно возвратились домой, что мы их не дождались. В первый вечер еще было ничего, мы были вдвоем, а во второй Наташка была одна, и, когда я открывал свою дверь, она, услышав шум лифта, выскочила на лестничную площадку, думая, что вернулись ее родители, а увидела только меня. Она гордая, в этом не созналась, но я сразу догадался.

Мы вошли к ним. В комнате на столе стояли три чашки: Наташка ждала их пить чай.

Чтобы ее развеселить, я стал вспоминать пашу старую жизнь. Мы всегда вспоминали старую жизнь, когда у меня или у нее бывало плохое настроение. А тут я нарочно

вспомнил, как она пришла за меня хлопотать к директору школы и какой она большой герой.

И в этот момент в форточку влетел голос Надежды Васильевны... Представьте себе, она пела!..

Мы с Наташкой подбежали к окну и увидели довольно любопытную картинку: дядя Шура держал Надежду, Васильевну на руках, а она пела знаменитую песенку! "Ямщик, не гони лошадей..."

Я подумал, сейчас Наташка что-нибудь выкинет, и точно: она стремительно бросилась к столу, быстро собрала все чашки, чтобы не оставалось никакого следа от ее ожидания, так же стремительно разделась и притворилась спящей.

А я выскользнул из дверей, молчаливой тенью застыл у своего глазка и еще раз увидел Надежду Васильевну и дядю Шуру. Все-таки ему не удалось донести ее на руках до дверей своей квартиры. Надо посоветовать ему заняться тяжелой атлетикой.

А потом была еще одна обида...

Во время нашей обычной утренней прогулки, в которой принял участие на этот раз и дядя Шура, он выхватил у меня инициативу и нес виолончель Надежды Васильевны. А та, как всегда, шла с Наташкой за руку. И вдруг дядя Шура спросил у Надежды Васильевны, когда она вернется с работы. А Надежда Васильевна ответила, что у нее трудный день: и урок в школе, и репетиция, а вечером концерт.

- Я зайду за тобой, - сказал дядя Шура.

Как только дядя Шура произнес эти слова, Наташка вырвала руку у Надежды Васильевны и, ни на кого не глядя, пошла рядом.

Дядя Шура и Надежда Васильевна переглянулись, но оба промолчали.

А что тут скажешь? Им нравилось заходить друг за другом, поздно возвращаться домой, а Наташку это почему-то не устраивало.

Она шла с гордым, независимым видом, но кончик носа у нее покраснел от обиды. И тут еще, как назло, дядю Шуру остановил знакомый мужчина, и нам пришлось его ждать. А в небольшом пространстве между Надеждой Васильевной и Наташкой сверкали беспрерывные разряды.

- Когда дядя Шура был мальчишкой, мы его звали "ежиком", - начала разговор Надежда Васильевна, - потому что волосы у него всегда стояли дыбом.

- Значит, вы его давно знаете, - обрадовался я.

- Да, - ответила Надежда Васильевна и бросила взгляд на молчаливую Наташку.

А Наташка ей в ответ подсунула бомбу.

- А маму мою ты тоже знала?

- спросила она.

- Нет, - ответила Надежда Васильевна.

- Маму твою я не знала.

- Она нетерпеливо помахала рукой дяде Шуре.

- Чего же он?.. Идемте, а то опоздаем.

Дядя Шура нагнал нас около школы. Он передал Надежде Васильевне виолончель и сказал:

- Чертовски приятно было с вами прогуляться.

Он повернулся ко мне, и тут мы обнаружили, что наши ряды поредели, что среди нас нет Наташки.

Все, как по команде, повернулись в сторону школьного двора и увидели ее маленькую, решительно удаляющуюся фигурку. Она бежала не оглядываясь.

Вспомнив все эти Наташкины обиды на Надежду Васильевну, я почувствовал в себе легкую, едва заметную горечь. Это была первая небольшая потеря. Я знаю, без этого в жизни не бывает. Но лучше бы этих обид не было.

Когда я за ними зашел, чтобы идти в школу, то Наташки в комнате не было, а Надежда Васильевна убирала со стола.

Я сел и стал ждать. И вдруг я услышал, как Наташка быстро прошла по коридору, открыла входную дверь и захлопнула изо всех сил.

Мы сразу догадались, что она убежала. Наши глаза на секунду встретились, и я вскочил, чтобы бежать за Наташкой.

Но Надежда Васильевна остановила меня.

- Не надо, - сказала она и добавила: - Этому нельзя потакать.

А мне хотелось ее догнать и вернуть, и я еле сдержался, чтобы не убежать.

- Она без дяди Шуры всегда скучает. Ей однажды приснился сон, что он еще не вернулся из Африки, так она хотела бежать к нему в больницу, чтобы убедиться, что он на месте.

Надежда Васильевна ничего не ответила, подошла к окну и осторожно глянула вниз, словно боялась того, что должна была там увидеть, может быть, надеялась, что Наташка вернется, но все-таки, конечно, увидела, потому что отпрянула назад, точно ее ударили по лицу. И сказала тогда знаменитую фразу:

- Знаешь, мне иногда бывает грустно, потому что я наперед знаю, как все будет.

- А что вы такое знали?

- спросил я.

- Знала, что Наташа когда-нибудь вот так убежит. Что мне будет трудно и, может быть, придется...

- Она оборвала свою речь, не докончив фразу, внимательно, изучающе посмотрела на меня и неожиданно резко сказала: - А почему я тебе должна это говорить? Я тебя не знаю как человека. Ты вроде добрый и неглупый, но куда повернешь в трудную минуту - направо или налево, - я не знаю. А это главное.

- Я поверну туда, куда надо, - ответил я.

- Куда надо? Ты думаешь, что надо "налево", а я думаю - "направо"...

Тут я неожиданно вспомнил свою прошлогоднюю ошибку, когда нужно было пойти "направо", а я пошел "налево". Тот самый случай, когда на контрольной в первом классе я подсказал решение примеров. И дело не в том, что я им подсказал, а в том, что я первый научил их этому.

- Ты что замолчал?

- спросила Надежда Васильевна.

- Сердишься?

- Да так, - промямлил я.

- Не сердись, я ведь правду сказала.

А я и не рассердился, я в этот момент подумал про нее, про то, что необыкновенно умным людям жить на свете труднее, потому что они все знают наперед и заранее переживают.

Не помню точно, сколько прошло дней, может быть, десять, но только моей дружбе с Надеждой Васильевной пришел конец.

Как же это случилось? Души в ней не чаял, каждому встречному-поперечному расхваливал, до того обалдел, что стал ходить на симфонические концерты, и вдруг...

- Ум у тебя не аналитический, - сказала мне Надежда Васильевна.

- Ты живешь как получится.

- Быстро вы меня изучили, - сказал я.

Честно говоря, мне не очень понравились ее слова.

- Это просто. Я присмотрелась к твоим поступкам, прислушалась к твоим словам и поразмыслила на эту тему. Размышления - как математика. Прикинешь так да этак, смотришь - у тебя перед глазами стройный ряд формул, - сказал она и засмеялась: - Ты достойный ученик своей тети Оли.

- А что, разве это плохо?

- Я не говорю, что плохо, - ответила Надежда Васильевна, - но это может привести тебя к ошибкам, о которых ты потом будешь жалеть.

И представьте, она оказалась права. Но это я узнал и понял потом, а пока, не зная ничего, готовился, подчиняясь своему чувству, совершить все эти "ошибки".

В тот день я встретил Наташку на лестнице. Она сидела на ступеньках и плакала.

- Ты чего реवेशь?

- спросил я.

Наташка не ответила.

- Ну, что случилось?

- не отставал я.

- Малыш потерялся!

- завопила Наташка.

- Я пришла, а она говорит, что Малыш убежал в открытую дверь.

- Кто она?

- не понял я.

- Надежда Васильевна, вот кто!

- ответила Наташка.

- Приедет папа, я ему все-все расскажу!

Это мне не понравилось, и я сказал:

- Жаловаться нехорошо. Она ведь не нарочно.

- Нарочно, нарочно!

- сквозь слезы твердила Наташка.

- Зачем она открыла дверь? Зачем?.. Разве так поступают, когда в доме щенок? И мамин бокал она разбила нарочно! Она и ко мне придирается!

Все это было несправедливо, но я промолчал. Нелепо спорить с Наташкой, пока она плакала.

Как это Надежда Васильевна могла к ней придирается, если она их жизнь сделала прекрасной! Да что там говорить, еще совсем недавно сама Наташка назвала Надежду Васильевну мамой!

Мы шли в школу. Наташка увидела издали свою учительницу, схватила Надежду Васильевну за руку, подвела и сказала: "Инна Петровна, это моя мама!" А я стоял рядом и

хорошо все слышал и видел и помню, как Надежда Васильевна радостно вспыхнула и улыбнулась. Тогда Наташке показалось мало ее первых слов, и она окончательно представила Надежду Васильевну, сказав, что та "музыкантша". Учительница обрадовалась и пригласила Надежду Васильевну разучить с ребятами какую-нибудь песенку. И та сразу согласилась, все еще улыбаясь и счастливо обнимая Наташку.

А вечером, когда я зашел к ним, то встретил в комнате уже не одну виолончелистку, а сразу двух. Напротив Надежды Васильевны, в той же позе, с виолончелью сидела Наташка: шел первый урок.

Потом мы все четверо, и дядя Шура тоже, разучивали песенку, которой Надежда Васильевна собиралась научить ребят из Наташкиного класса... Как видите, она очень быстро и охотно вошла в роль мамы.

Надежда Васильевна пощипывала струны виолончели, а мы сидели тесным кружком в полутемной комнате, и очертания наших лиц были едва видны, потому что вовремя свет не зажгли, а потом нам не хотелось прерывать пение, и мы пели замечательную песенку:

По многим странам я бродил,

И мой сурок со мною...

Вспомнив все это, я улыбнулся.

- Ну что ты на нее наговариваешь!

- сказал я.

- И тебе не стыдно?

- Я не наговариваю, - сказала Наташка.

- Она сразу Малыша невзлюбила. Это я заметила. А ты с ней заодно. Подлиза!

Я ей ничего не успел ответить, потому что из лифта вышла женщина, наша соседка по лестничной площадке. Она подошла к нам и с пристрастием расспросила Наташку, чего она плачет. От этого, естественно, Наташка заревела еще сильнее.

Как будто сочувствие выражается только в расспросах! Это ведь не сочувствие, а любопытство. А любопытство, как известно, не порок, но большое свинство.

Я встал, открыл дверь своей квартиры и увел Наташку к себе. При этом нам в спину раздалась сердобольная реплика:

- Мачеха есть мачеха!

Если бы Наташки не было рядом, я бы попытался ей объяснить. Тогда я думал, что все недоразумения между людьми происходят из-за недоговоренности: кто-то что-то не так сказал, недоговорил, и поэтому вышел скандал.

И тетя Оля, наивная душа, все это во мне поддерживала. Она говорила: "Прежде чем отчаиваться или разочаровываться в ком-то, объясни ему все хорошенько, он и поймет. Обязательно поймет".

А Надежда Васильевна как-то сказала: "Не всем все объяснишь. Есть люди, которые преднамеренно не хотят многое понять".

И она, к сожалению, оказалась права, и я сам пришел в дальнейшем к тому же грустному выводу. Ну что можно объяснить женщине, которая способна сказать при Наташке "мачеха есть мачеха"? Ничего!

В этот вечер лил дождь, и я здорово промок. Поэтому я бежал трусцой, чтобы согреться. Когда я пробегал троллейбусную остановку возле нашего дома, то, к своему большому удивлению, столкнулся с Наташкой. Она явно ждала троллейбуса.

- Ты куда?

- спросил я. От неожиданности я стал в лужу.

- Куда надо, - решительно ответила Наташка.

Она держала под мышкой незастегнутый портфель, набитый доверху. Между прочим, оттуда торчала ее праздничная синяя юбка.

Я сразу сообразил, зная ее характер, что тут дело не шуточное, и стал, несколько не удивляясь этой вечерней встрече, разыгрывать из себя дурачка-бодрячка, которому всегда смешно, даже если идет дождь и маленькая девочка отправляется в какое-то далекое и неизвестное путешествие.

Поплясав около Наташки и рассмотрев ее как следует - лицо у нее сжалось и посинело от холода, мокрые волосы висели сосульками, плечи у пальто были мокрыми, - я понял, что она гуляет под дождем уже не один час. "Пожалуй, собралась бежать в горы к дяде Шуре", - подумал я.

- Может быть, отложишь свое дело до лучшей погоды?

- предложил я все еще радостным голосом.

- Смотри, ты промокла... Бежим домой...

- Не пойду, не пойду!

- ответила Наташка.

- Я уезжаю.

Да, отговорить ее будет нелегко.

- Почему?

- крайне удивился я.

- Потому, и все, - упрямо повторила она.

- Из-за Надежды Васильевны?

- осторожно спросил я.

Наташка не ответила: лицо ее было сосредоточенно и печально.

- А как же дядя Шура?

- не отставал я.

- Ведь он не сегодня завтра вернется, а тебя нет...

- Я ему больше не нужна, - ответила Наташка.

- Они в кино вдвоем ходят. А по вечерам разговаривают и разговаривают. Он ей про операции, а она ему про музыку.

"Так, - подумал я.

- Значит, она бежит в другом направлении. Это уже легче".

- Вот придумала, дурочка!

- возмутился я.

- Ну что мне с тобой делать?

Она обрадовалась моим словам, потому что ей сейчас было одиноко, а тут вроде бы дружеское участие, и спросила:

- А ты за нее или за меня?

- Я?.. За тебя, - не очень уверенно ответил я.

- Известно, старая дружба не ржавеет.

- Тогда я открою тебе свой секрет, - сказала Наташка.

- Я уйду в цирк.

- Она подняла на меня глаза.

- В цирк?

- переспросил я.

- Когда?

- Чего только не придумают эти дети!

- Сейчас, - ответила Наташка.

- Сейчас уже поздно, - ответил я.

- Пошли домой, - и попробовал взять ее за руку.

Она вырвалась и твердо сказала:

- Цирк работает поздно. И туда берут детей.

- Тебя завтра же вернут домой, - сказал я с некоторой злостью: я замерз и основательно промок.

- Я поменяю имя, - ответила Наташка, - и остригу косу.

- Интересно, какое же ты возьмешь имя?

- спросил я.

- Может быть, Золушка, - сказала Наташка.

В это время подъехал троллейбус, и она устремилась к его дверям. А я, не зная, что делать, схватил ее за фалды пальто, чтобы задержать, и выкрикнул:

- На арене выступает знаменитая циркачка Золушка!

Тем временем троллейбус ушел. Она уже повернулась ко мне и сказала просто и серьезно:

- Зря смеешься. Я все равно убегу!

И тут я понял, что она действительно убежит, и мне стало стыдно, что я так паясничал и кривлялся. Я стал прыгать, будто бы желая согреться, а на самом деле дал себе передышку, чтобы принять верное решение.

- Ты хорошо придумала с цирком, - сказал я, потому что увидел огни приближающегося троллейбуса.

- Только к этому надо подготовиться. По-моему, ты второпяххватила не все вещи. И деньги нужны на первое время.

В это время троллейбус подкатил к остановке, и я быстро проговорил:

- Хочешь, завтра я съезжу к тете Оле и все с ней обговорю? Тетя Оля не даст пропасть. Если кому-нибудь нужна ее помощь, она горы своротит.

Теперь я уже начал волноваться по-настоящему, потому что вдруг испугался этой истории и увидел за ее внешней стороной будущие большие неприятности.

- Потом я заработаю, - сказала Наташка, - и верну ей.

- Вернешь, вернешь.

- Я положил руку ей на плечо и почувствовал, что она дрожит.

- Ты чего дрожишь?

- З-за-мерзла, - еле разжимая губы, ответила Наташка.

- А знаешь, что об этом говорит тетя Оля?

- спросил я.

- Не знаю, - дрожа и заикаясь, ответила Наташка.

- Она говорит, что нет плохой погоды, а есть просто плохо одетые люди.

С этими словами я снял пальто, накинул на плечи Наташке и поднял ее на руки. От тяжести меня качнуло в сторону, я едва удержался на ногах. Пришлось опустить ее на землю.

Когда мы вошли во двор, то я увидел около нашего подъезда Надежду Васильевну. У меня сразу наладилось настроение, и я забыл про дождь и про то, что озяб. "Сейчас, - подумал я, - состоится великое примирение и мы пойдем пить чай".

- Ну, вот и хорошо, - сказал я Наташке.

- Видишь, она тебя ждет.

Я хотел окликнуть Надежду Васильевну, но Наташка резко повернулась и выбежала обратно на улицу, уронив мое пальто на мокрый асфальт.

Я посмотрел в сторону Надежды Васильевны. Нет, она не шелохнулась, по-прежнему стояла около подъезда под раскачивающимся фонарем, который то удлинял ее тень, то укорачивал.

Я выскочил за Наташкой, догнал, схватил за плечи. Она отчаянно била меня ногами, дубасила изо всех сил - я никогда не видел ее в таком состоянии - и вырывалась.

- Не хочу!

- кричала она.

- Не хочу! Не пойду!

- Перестань сейчас же!

- тоже закричал я и волоком потащил ее обратно.

И тогда Наташка - она была, вероятно, в отчаянии - укусила меня в руку. От неожиданности я ее выпустил, и она отбежала в сторону.

- Вот сумасшедшая!

- сказал я.

- Ты мне прокусила руку!

Она посмотрела на меня исподлобья. Нет, она ни за что не уступит.

Теперь мы стояли на бульваре. И в этом длинном коридоре между тонкими деревьями с мокрыми стволами Наташка показалась мне совсем маленькой. Я почувствовал, как она мне дорога. За одно мгновение передо мной промелькнула вся наша совместная жизнь.

- Ну и сильная ты стала! Я еле с тобой справился, - сказал я.

- Тебя обязательно возьмут в цирк.

- А можно, я поживу у тебя до цирка?

- вдруг спросила Наташка.

Я уже хотел ей ответить, что можно, потому что действительно это можно. Пусть поживет у меня, пока вернется дядя Шура из командировки и помирит их. И прикусил язык. Заставил себя на минуту задуматься, чтобы выбрать правильную дорогу. Сколько раз я в спешке ошибался. "Нет ничего хуже вралю, который бросает обещания на ветер", - учила меня тетя Оля. Она вдалбливала мне эту истину постоянно и упорно не без основания до тех пор, пока я не почувствовал острую потребность в правде, пока у меня не появилось чувство ответственности за свои поступки.

Вот почему я задумался. Но если идти дальше за тетей Олей - а я шел в своем пути именно за ней, - то надо было обратиться к ее словам: "В борьбе всегда надо принимать сторону слабого, если ты не уверен, кто прав. И это будет наименьшим злом". Я так и поступил и сказал Наташке:

- Конечно, можно. Будешь спать на диване в большой комнате.

Вот тут-то я поклялся быть верным Наташке до конца и отказался от Надежды Васильевны, хотя это было моим заблуждением.

Хуже нет на свете, чем предательство. Это уж точно. Я не хочу оправдываться и не хочу чистеньким выскочить из этой истории.

Я на самом деле так думаю.

Однако жизнь прекрасна, и надо упрямо идти вперед. Надо идти вперед, не задерживаясь на мелочах жизни. Надо уметь быть выше их.

Я пошел дальше своей дорогой, сначала задыхаясь в пыли, то есть путаясь в собственных мыслях и поступках, потом наконец окреп и вернулся к повторному радостному открытию Надежды Васильевны, "замечательного человека неподдельной души". (Последние слова, как видите, взяты в кавычки, ибо они принадлежат тете Оле. Естественно, эти слова высшей похвалы не имели непосредственного отношения к Надежде Васильевне, поскольку тетя Оля в то время ее не знала.)

В этот трудный момент нашей жизни у меня возникла светлая мысль познакомить Надежду Васильевну с тетей Олей.

Я подумал: хоть Надежда Васильевна и необыкновенно умная, а все равно в этой истории с Наташкой тетя Оля сможет ей помочь и словом и делом.

Вот у меня был такой случай в прошлом году. Один из моих первоклашек задумал бросить школу. Он лежал целыми днями в кровати и потерял всякий интерес к жизни. И никто не мог догадаться, в чем дело. Я его потащил к тете Оле, почти волоком тянул: он не хотел идти. Оказалось, он подарил своей соседке по парте будильник, который взял дома без спроса, а его родители взяли будильник у девочки обратно. И он после этого не мог пойти в школу. Стыдился. И никому не говорил это целых три дня! А тете Оле выложил через полчаса после знакомства. Все были удивлены, даже я, который знал, что тетя Оля умеет так заглянуть в душу, что перед нею раскрываются все - и необыкновенно умные, и умные, и даже форменные дураки.

- Пошли?

- предложил я Наташке.

По-моему, она была готова пойти за мной.

- А если она не ушла?

- неуверенно спросила Наташка.

- Положись на меня, - сказал я.

- Мы пройдем через соседний подъезд.

Взял ее за руку - в который раз!

- чтобы вести дальше.

"В путь, в путь! Усталым путникам нужен отдых" - так всегда говорила мне в детстве тетя Оля, когда я уставал и хныкал и не хотел идти дальше. И каждый раз загадочно звучащие слова "усталым путникам", обращенные ко мне, восстанавливали мои силы.

- В путь, в путь!

- крикнул я.

- Усталым путникам нужен отдых!

Мы вошли во двор и нырнули в соседний подъезд.

Я вышел к Надежде Васильевне впервые без всякой радости. Поэтому и на лифте не поехал, а побрел пешком, желая набраться сил для разговора.

Надежда Васильевна стояла на прежнем месте. Она была одета явно не по погоде: в новое прекрасное пальто. Это меня еще больше насторожило, и слова, которые я заранее приготовил, о том, что Наташка ушла из дому и теперь временно будет жить у меня, застряли в горле.

- А-а-а, добрый вечер, - обрадовалась мне Надежда Васильевна.

- Ты куда в такую погоду?

- Я люблю дождь, - ответил я неестественно хриплым голосом.

- А вы такси ждете?

- Нет, - ответила она и смахнула каплю дождя, которая упала на рукав ее прекрасного пальто, - Наташу.

- Наташу?

- переспросил я, продолжая прикидываться, что ничего не знаю, хотя мне было это неприятно.

- Я зашла за ней в школу, как мы условились, но она меня не дождалась... И вот куда-то пропала.

- Это с ней бывало и раньше, - сказал я.

- А я что-то волнуюсь, - ответила Надежда Васильевна.

- Зря волнуетесь. У нее здесь подруг полный дом, и все ее любят, успокоил я.

- Зашла к кому-нибудь и заигралась.

Зачем это я говорил, было совершенно непонятно, но говорил, и все.

- Я всех обегала, - сказала Надежда Васильевна.

- Никто ее не видел.

После этого разговор наш увял. От дождя и волнения меня стал бить озноб. К тому же я всегда чувствую неловкость, когда люди молчат, хотя хорошо знаю, что неловкость от этого не надо испытывать. Молчи столько, сколько тебе самому хочется, а говори, только когда у тебя есть в этом необходимость. Тетя Оля часто мне напоминала: "Слово надо беречь, ибо оно свято, оно способно выражать мысль. Человек, который говорит, - творец. Поэтому никогда не надо просто болтать. Болтовня унижает слово".

Вспомнив эти слова, я легко промолчал еще минут десять и немного окреп для дальнейшего разговора.

- "Прежде чем отчаиваться или разочаровываться в ком-то, объясни ему все хорошенько, он и поймет". Так говорит тетя Оля.

- Вот как, - многозначительно произнесла Надежда Васильевна.

- Тетя Оля давно бы помирилась с Наташкой, - сказал я.

- А кто тебе сказал, что я с ней поссорилась?

- спросила она. Впрочем, это не имеет значения... Продолжай, я тебя слушаю.

От этих ее слов слегка пахнуло ледяным ветром, но отступать было поздно.

- Да, - сказал я, - у нее свой метод.

- Какой же?

- Она всегда все прощает, - сказал я, незаметно поглядывая на Надежду Васильевну.

- С ней легко и просто.

Я опять посмотрел на Надежду Васильевну. По-моему, мои слова произвели на нее благоприятное впечатление, и я отправился в дальнейшее путешествие:

- Хотите, я вас с ней познакомлю?

Я ей давно жужжал про тетю Олю, и она знала все ее привычки, возраст, даже то, как она странно одевается, как она вкусно печет пироги и варит варенье. То, что она по утрам полчаса ни с кем не разговаривает: в эти полчаса она сосредоточивается. О том, как она пьет десять чашек кофе, совсем крохотных, потому что любит его пить, а много ей нельзя.

- Тетя Оля вам понравится. Она веселая, с нею скажешь два слова - и будто давно знаешь, если она только преодолит смущение. Только вы не обращайтесь внимания - она все время прикрывает глаза ладонью. Это от застенчивости. У нас был такой случай. Она заболела, и моя мама вызвала врача. А тетя Оля не хотела: ей казалось, что неудобно, больна она несерьезно. Пришел врач, а она от застенчивости и неловкости по своей привычке все время прикрывала глаза ладонью. Но врач как закричал на нее: "Да оставьте вашу руку в покое!" - так тетя Оля еле сдержалась, чтобы от обиды не заплакать. Я-то ее знаю, у нее губы задрожали. Вы не смотрите, что ей стукнуло шестьдесят пять. Она молодец и всем-всем интересуется. Даже хоккеем по телевизору смотрит. А русский язык и литературу знаете как знает? Ее можно ночью разбудить и спросить: "Как пишется наречие такое-то?" - и она ответит. А стихов сколько она знает на память - не счесть! "Еду ли ночью по улице темной... Друг беззащитный..." Прочтет эти строчки и скажет: "Таких, как эти строки Некрасова, нет во всей русской литературе. Пронзительные стихи". Она сорок лет в школе работала. Это не каждый сможет. Правда, она странно одевается. Тут у нее своя идея. Моде она не подчиняется. Нет, она ее не презирает, но просто сохранила все свои вещи, которые нравились ее мужу, и носит только их. Муж ее давно умер. Понимаете, вдруг вытаскивает из шкафа платье, которое было сшито в одна тысяча девятьсот двадцать пятом, когда она только вышла замуж, и надевает. Конечно, все вокруг обалдевают. Получается, что она какая-то чудачка, но тут ее не свернешь, тут она не стесняется. Идет, знаете, по улице с ужасно гордым видом. А как она вкусно варит варенье! Вы видели, у нас на кухне висит медный таз. Это ее. В него как в зеркало можно смотреться, такой он начищенный. Мой отец перед ним всегда бреется. Раньше тетя Оля сама его чистила, а теперь это моя забота. Она не взяла его с собой, ей хотелось, чтобы какая-нибудь ее любимая вещь осталась у нас. Позавчера она мне звонит и спрашивает: "Ну, как мой таз?" А я ей ответил: "Чистый, только по вас соскучился". Тут, конечно, совсем дело не в тазе. Просто это причина для частых телефонных разговоров. Она теперь к нам редко ездит, трудно ей, в другом конце города живет...

Я оборвал свой рассказ, потому что заметил, что Надежда Васильевна меня не слушает. Ей было не до тети Оли, но я все-таки спросил:

- Надежда Васильевна, а вы любите пенки от варенья?

- Пенки от варенья?

- Она с удивлением посмотрела на меня, как будто только что прилетела с другой планеты.

- А-а-а, - сказал я, - у вас на Марсе давным-давно забыли, как варят варенье.

Она не ответила на мою шутку.

Пожалуй, больше нельзя было тянуть, и я решил: после разговора о тете Оле скажу про Наташку.

- Ну, ничего, - сказал я.

- Вот поправится тетя Оля, я познакомлю вас с ней, тогда и угоститесь пенками...

А Надежда Васильевна, вижу, опять думает о чем-то своем. Напряженно: наверняка размышляла о Наташке, прикидывала так и этак, строила свои математические формулы и выкладки. И действительно, я не ошибся, ибо ее ответ меня здорово поразил.

- Спасибо, - сказала Надежда Васильевна, - только не думаю, что мы пойдем друг друга.

- Почему?!

- Мы разные люди, - ответила Надежда Васильевна.

- Я не люблю добреньких.

- Значит, вам не жалко людей?

- спросил я.

Она безмолвствовала.

Я ждал, ждал - вот-вот она скажет, что просто пошутила, что у нее плохое настроение, что она волнуется, но она молчала.

И в мою душу упало зерно сомнения, маленькое такое зернышко, а затем оно проросло обильным сорняком: а может, она действительно выпустила Малыша нарочно. Тогда это пахивает предательством.

- А куда, интересно, мог подеваться Малыш?

- спросил я с подозрением.

- Если бы не сбежал Малыш, - вместо ответа сказала Надежда Васильевна, - то случилось бы что-нибудь другое...

- Она посмотрела на часы: - Все! Больше я ждать не могу. Пойду звонить в милицию. А ты здесь, пожалуйста, постой... А то, если Наташа придет, ей будет страшно.

Она повернулась, чтобы уйти, и тогда я, расхрабрившись, бросил ей в спину:

- Наташка давно у меня!

Надежда Васильевна не сразу поняла значение моих слов, хотя была находчивой и, как известно, необыкновенно умной. А тут растерялась, замерла на какое-то тяжкое мгновение, стоя ко мне по-прежнему спиной. Оглянулась через плечо и спросила тихо и внешне спокойно:

- У тебя?

- И повернулась лицом, правда, это уже было лицо почти другого человека.

- А как же вы прошли... мимо меня?..

Для нее мой ответ был очень важен. А может быть, ей так повезет, видно, думала она, и Наташка просто давным-давно забралась ко мне, когда ее еще не было дома, и сидит себе. Но я не стал ее обманывать, а ответил то, что было на самом деле:

- Через соседний подъезд.

- Значит, вы видели меня, - почти прошептала она.

"Да, - без слов, одним горьким молчанием ответил я.

- Мы прекрасно все видели и поэтому нырнули в соседний подъезд".

Надежда Васильевна, не произнеся ни слова, с поникшей головой вошла в подъезд, оставив для меня открытую дверь. Затем мы вместе сели в лифт, и она стала нажимать кнопку нашего этажа раньше, чем я закрыл дверь. Ее волнение передалось мне, и я никак не мог плотно прикрыть кабину лифта: один раз прижал полу пальто, а второй раз прищемил руку.

Наконец мы все же доехали и оказались на нашей лестничной площадке. И тогда, доставая ключ от квартиры, я сказал ей самое главное и страшное:

- Наташка будет жить у меня до приезда дяди Шуры.

- Вот как, - сказала она, но не ушла.

А я нарочно копался с ключом, надеясь, что мои слова дойдут до ее сознания и она уйдет. Напрасные надежды, она не шелохнулась.

- Это не я придумал... Наташка попросила, а я не мог ей отказать.

- И зачем-то некстати пошутил: - Старая дружба не ржавеет.

- Открывай!

- приказала Надежда Васильевна.

И, видя, что я нарочно тяну время, выхватила у меня ключ, ловко вставила в замочную скважину и почти вбежала в комнату.

Наташка, раскинув руки, беззаботно спала, устроившись на диване. Она не слышала ни наших шагов, ни моих воплей.

- Вот видите, - шепотом произнес я, - пусть спит... А потом разберемся.

Надежда Васильевна тем временем подошла к Наташке, подсунула руки под нее, чтобы поднять и унести. Тут у меня мелькнула слабая надежда, что она не сможет ее поднять. Но она ее подняла! И понесла. Конечно, подумал я, натренировалась, таская свою виолончель. А я страшно засуетился и побежал рядом.

- Безобразие! Вы меня делаете предателем!

- кричал я.

- Я обещал! Я всегда выполняю свои обещания! Это нечестно!

Я был в отчаянии, я кричал изо всех сил, стараясь хотя бы разбудить Наташку, чтобы она поняла, что я ее не предал, что это все сделано вопреки моему желанию, но она крепко спала.

"Бороться всегда надо до конца, пока у тебя есть силы", - учила меня тетя Оля. И это верно. Но как я должен был бороться, ответьте мне! Не мог же я драться с женщиной! Тут я должен признаться, что и тетя Оля, говоря эти слова, робко признавалась, что у нее самой этого качества нет. И у меня не было. Может быть, я в этом не виноват, просто перешло по наследству от тети Оли, все-таки мы родственники, одна кровь, одни гены.

Так мы дошли до дверей. Надежда Васильевна распахнула их и, стоя в проеме, впервые посмотрела на меня.

А я, заглянув ей в глаза, потерял дар слова: цветы, ее прекрасные цветы, которые делали ее умной, необычной, исчезли, и лицо ее стало похоже на осенний лист.

Дверь перед моим носом захлопнулась.

Я почти заплакал: ведь я ее любил.

В то утро, как всегда, я подошел к окну и увидел дядю Шуру. Значит, он вернулся! Вернее, я увидел его спину и руку, которая держала знакомую мне тросточку и чертила по асфальту. Он привез эту тросточку из Африки, говорил, что она сделана из бивня слона, и очень гордился ею.

Рядом с ним стоял мужчина в высокой косматой папахе. Дядя Шура что-то ему говорил, не подымая головы, а тот его внимательно слушал. Лицо его было напряженным и испуганным.

Я знал людей с таким выражением лица, они часто появлялись в квартире дяди Шуры. Он их привозил из каких-то своих дальних путешествий вместе с детьми, которым собирался делать операции. Детей отдавали в больницу, а родители их жили у дяди Шуры.

Однажды он привез с собой якутского охотника. Этот охотник целыми днями молча сидел у телефона в ожидании известий из больницы, где лежала его дочь. Он сидел как изваяние, не двигаясь. Когда я увидел его в первый раз, то подумал, что он не живой, а вырезанный из дерева. Если же звонил телефон, он неслышным движением снимал трубку и говорил: "Попов слушает". А потом этот охотник уехал вместе с дочерью и вскоре

прислал дяде Шуру в подарок шкуру белого медведя и унты Наташке. Унты Наташке были в самую пору, и непонятно было, как это получилось, - ведь неразговорчивый охотник Попов не спрашивал у Наташки номер ее ноги.

За все время, что он жил у дяди Шуры, он сказал мне только одну фразу: "Надо быть мужчиной. Там все бурлит, - он постучал себя в грудь, - здесь все молчит", - он высунул язык.

Когда же приехал дядя Шура? И почему ко мне не зашел? Что ему стоило протянуть руку и стукнуть в стену, и тут же я оказался бы "у его ног". Ведь после тех печальных событий, когда Надежда Васильевна унесла от меня спящую Наташку, я больше к ним не ходил.

В этот день я встретил Надежду Васильевну у нашего метро. Мы шли навстречу друг другу. Я бы, конечно, поздоровался, я не из тех, кто долго помнит обиды, но она меня не заметила.

Я оглянулся ей вслед и - с ума сойти!

- вместо нее увидел мальчишку, который вел на поводке Малыша!

В первый момент это на меня так подействовало, что я оцепенел. А мальчишка тем временем прошел мимо меня и скрылся во дворе большого дома.

Медленно, будто нехотя, я побрел следом. Торопиться было нельзя. Походка моя приобрела эластичную упругость, сердце билось где-то в горле. Я сдвинул кепку на лоб, чтобы не было видно моих лихорадочно-зорких глаз.

Я еле сдерживал улыбку, представляя фурор, который я произведу, когда появлюсь перед Наташкой с Малышом. Это была большая удача.

Мальчишку я нагнал во дворе и безразличным голосом спросил, кивнув на собаку:

- Кусается?

- Нет, не кусается, - охотно ответил мальчишка.

- Малыш, Малыш!

- позвал я собаку и погладил ее по шерсти.

- Рэда, - сказал мальчишка.

- Рэда?

- переспросил я.

- А по-моему, он откликается на кличку "Малыш".

- Может быть, - ответил мальчишка.

- Глупый.

- А какой у него язык?

- хитро спросил я.
- Обыкновенный, - ответил мальчишка.
- А у нашего синий, - сказал я.
- Значит, у вас такая же собака?
- Была, да пропала. Вот я теперь ее ищу.

Я внимательно посмотрел на мальчишку. Нет, он держался спокойно, даже виду не подавал.

В это время так называемая Рэда широко и сладко зевнула и показала мне синий-синий язык. Теперь мальчишка, пожалуй, смутился. Но тетя Оля говорит: "Не убедившись окончательно, не думай про другого плохо". Поэтому я не закричал на мальчишку и не стал у него вырывать поводок, а пошел дальше по дороге расследования.

- Малыш, Малыш!
 - осторожно позвал я.
 - Это моя собака, - угрюмо сказал мальчишка.
 - Она у меня уже три месяца живет.
 - А если она твоя, то почему ты не знал, что у нее синий язык?
- Мальчишка не ответил.
- Ну ладно, - схитрил я, надо было как-то выяснить, где он живет.
 - Раз собака твоя, то твоя... А в вашем доме у многих собаки?
 - У многих, - ответил мальчишка.
 - В двадцать седьмой - у Карповых, в сорок первой - у Ивановых...
 - Постой, постой, я запишу.
 - Я вытащил ручку и тетрадь и сделал вид, что записываю.
 - У Марковых - в шестьдесят второй, - продолжал мальчишка.
 - А ты сам в какой квартире живешь?
 - спросил я как можно небрежней.
 - Я?.. А зачем?
 - Он тоже был парень не простак.

- Надо, - сказал я.

- По заданию ветеринарной...

И не успел я закончить этой фразы, как мальчишка ловко подхватил Рэду и пустился наутек.

- Стой!

- закричал я.

- Стой!

- и бросился следом за ним, но у меня слетела с головы кепка, и я вынужден был остановиться.

Пока я ее поднимал, мальчишки и след простыл. Но я не расстроился. Дело было начато, теперь я все равно найду Малыша.

Увлечшись этой идеей, я не заметил, как оказался около Наташкиной двери.

При этом я стал так отчаянно звонить, как будто я уже привел Малыша и он вился около моих ног. Я стал повизгивать и лаять и услышал, как Наташка замерла с той стороны. А затем от волнения долго не могла открыть двери.

Но когда она наконец открыла и я увидел ее, то пожалел о своей шутке. Она стояла передо мной в длинной, до полу, ночной рубашке, с лицом, густо усыпанным маленькими зелеными точками, как веснушками. Это ее прижгли зеленкой.

- Что с тобой?

- испуганно спросил я.

Наташка не ответила, она шарила глазами по лестнице, надеясь увидеть Малыша.

- Извини, - сказал я.

- Это я сам лаял... Неудачно пошутил.

- Я заразная, - ответила Наташка.

- У меня ветрянка.

- Ерунда!

- успокоил я ее.

- Она передается по ветру, - предупредила Наташка.

- Во-первых, здесь нет ветра, - сказал я.

- А во-вторых, - и соврал, я уже болел ветрянкой.

- Решительно вошел в коридор и скомандовал: - А ну, живо в постель!

Наташка послушно легла под одеяло, и теперь на белом еще больше выделялись ее нелепые зеленые веснушки.

- Ты на меня не обиделась?

- спросил я.

- За ту историю.

- Нет, - сказала она, - ты же не виноват. Мне все рассказали.

- Я держался, но сама понимаешь, сила на ее стороне. Она почти озверела. И ты тоже хороша, не проснулась. А может быть, вы помирились?

- с надеждой спросил я.

- Посиди около меня, - вместо ответа сказала Наташка.

- И почитан. Ты ведь ее не боишься?

- Я?! С чего это ты взяла?

- спросил я.

- Что тебе почитать?

- "Золушку", - потребовала Наташка.

Я сел около нее и взял "Золушку".

- Боря, - спросила Наташка, - ты еще не ездил к тете Оле?

- Нет, - ответил я, - но обязательно съезжу, не волнуйся.

- Боря, как ты думаешь, кем мне стать в цирке?

- Пойди в акробатки, - сказал я.

- Будешь летать под куполом цирка.

- Под куполом я боюсь, - созналась Наташка.

- Ну, в дрессировщики тигров, - предложил я.

- Интересно.

- Тигров я тоже боюсь.

- Тогда в ученики к фокуснику.

- Вот хорошо, буду фокусником, - решила она.

- Читай...

- "Жил-был один человек, - читал я.

- Умерла у него жена, и остался он вдвоем с дочерью... Вскоре он женился во второй раз на самой гордой и сердитой женщине на свете..."

Вот тут-то и произошла неприятность. Только я подумал, что Наташка не случайно выбрала эту сказку, что она думает, что эта сказка почти про нее, что поэтому она себе и имя для цирка выбрала Золушка, как в дверях комнаты появилась Надежда Васильевна.

Я не слышал, как она вошла. В руках у нее был громадный резиновый крокодил.

Мы поздоровались, оба испытывая неловкость. Я ей сказал, что читаю Наташке сказку, хотя это и так было понятно.

- А ведь Наташа заразная, - сказала Надежда Васильевна и строго добавила, обращаясь к ней: - Хорошо ли это будет, друг мой, если ты заразишь ветрянкой Борю?

Теперь обращение "друг мой" совсем мне не понравилось. Она определенно не умела обращаться с детьми. Ну кто им так говорит: "друг мой"?

Конечно, в ответ на эти слова Наташка вызывающе повернулась к стене и не пожелала объяснить действительное положение дел.

- А я болел ветрянкой, - сказал я.

- Тогда не страшно, - обрадовалась Надежда Васильевна, - тогда все в порядке. Посмотрите, что я принесла.

- Она показала нам крокодила.

Никто не удивлялся, ни я, ни Наташка, хотя Надежда Васильевна явно хотела нас потрясти. В воздухе все еще висели ее слова "друг мой", холодные, как ледяной ветер.

Но Надежда Васильевна не сдалась. Отчаянный человек, она присела на корточки, опустила свое ценное приобретение на пол, и крокодил начал лениво и смешно открывать и закрывать крокодилову пасть.

Смех Надежды Васильевны одиноко и коротко прозвучал в комнате.

- Это самый веселый в мире крокодил, - сказала Надежда Васильевна.

- Он умеет лечить ветрянку.

- Ничего крокодил, - уныло сказал я.

Наступила неловкая пауза, которая затягивалась и затягивалась, и молчание уже было бесконечным. Я сидел скорчившись на стуле, Наташка лежала лицом к стене, показывая нам спину, а Надежда Васильевна так и осталась стоять на корточках около крокодила.

А крокодил по-прежнему нелепо и ненужно открывал и закрывал пасть: у крокодила были зеленые глаза, красный язык и много-много белых пластмассовых зубов.

Наконец Надежда Васильевна встала и безразличным голосом объявила:

- Раз тебе не нравится крокодил, то будем пить чай. Я принесла свежие булочки.

- Не хочу чаю, - капризничала Наташка.

- Хочу, чтобы Боря дочитал про Золушку.

- Хорошо, друг мой, - согласилась Надежда Васильевна.

- Пока Боря тебе дочитает, вскипит чайник и ты как раз захочешь чаю.

Она вышла из комнаты, а Наташка показала ей в спину язык, потом, передразнивая, сказала:

- "Друг мой..."

- "Жил-был один человек..." - начал я читать.

- Читай погромче, - потребовала Наташка.

- "Умерла у него жена, и остался он вдвоем с дочерью. Вскоре он женился во второй раз, на самой гордой и сердитой женщине на свете... С первых же дней мачеха стала обижать девушку. Она плохо кормила ее и заставляла делать самую тяжелую работу..."

В это время в комнату с самым решительным видом вошла Надежда Васильевна.

- Боря, - перебила она меня, - ты читаешь без выражения. Дай-ка мне книгу.

- Она забрала книгу, но, вместо того чтобы дочитать "Золушку", стала листать страницы: - Лучше я тебе почитаю новую сказку. "Золушку" ты уже знаешь на память... Вот. Хорошая сказка.

- И начала читать: - "Жил да был солдат, было у него трое детей, а жены не было. Но солдат не тужил с детьми, он был настоящий солдат: умел стирать и штопать белье, топить печь, рубить дрова, варить щи и кашу. Но тут началась война и солдат собрался в поход. Перед этим он женился на молодой женщине, чтобы не оставлять детей одних. Женщина оказалась на редкость доброй и внимательной к детям. Но только солдат ушел из дому, как она тут же переменилась..." - Вдруг она прекратила чтение, но я, сидя с нею рядом, успел заглянуть в книгу и дочитал строку, которую она не прочла: "...и стала настоящей злой мачехой".

- Вот так надо читать, - сказала она, - четко и выразительно.

- И захлопнула книгу.

- А сейчас я принесу вам все-таки чай.

- Она стремительно вышла из комнаты, ее уход был похож на бегство.

При этом она задела ногой крокодила, и он снова стал "работать" пастью. Я рассмеялся: ну и автомат! Потом посмотрел на Наташку и увидел, что она тихо плачет и по щекам у нее текут зеленые слезы.

- Ты чего?

- возмутился я.

- А я знаю эту сказку, - сказала Наташка.

- Она тоже про злую мачеху.

И ей стало совсем себя жалко, и слезы у нее полились еще сильнее.

- А ну перестань!

- сказал я.

- Если в цирке узнают, что ты плачешь от каждой сказки, хорошо ли это будет, "друг мой"?

Через несколько дней после этого Надежда Васильевна собрала вещи и уехала. Представляете, уехала! Совсем, навсегда, подхватив свою виолончель и чемодан.

Головы наших кумушек торчали в окнах, их взгляды сопровождали ее от дверей подъезда до такси. И откуда они пронюхали все в одну секунду?

Но расскажу по порядку.

Незадолго до ее отъезда у нас произошел тяжелый разговор. Может быть, если бы не было этого разговора, все сложилось бы по-другому.

Мы шли вместе: я - в школу, она - на репетицию. Я знал, что Надежда Васильевна опаздывает, но она не обращала на это внимания. Видно, ей нестерпимо нужно было поговорить со мной. Я, чтобы ускорить дело, сообщил ей сногшибательную новость о том, что Наташка собирается уйти в цирк.

Она сначала смутилась и стала судорожно переключать виолончель из одной руки в другую, будто виолончель потяжелела и нести ее стало неловко. Этим она занималась несколько минут, потом рассмеялась, кстати довольно неуверенно, и сказала:

- Ну, это детские забавы. Кто из нас в трудную минуту не собирался куда-нибудь бежать.

- Может быть, она никуда и не убежит, но она собирается, - произнес я с расстановкой, подчеркивая слово "собирается".

Я не рассчитывал на то, что Надежда Васильевна после этого уедет, просто хотел, чтобы она была внимательнее с Наташкой и хотя бы перестала называть ее "друг мой", раз Наташке это не нравится.

А она уехала.

Правда, впоследствии выяснилось, что она это сделала совсем не из-за моих слов. Здесь было дело посерьезнее. Надежда Васильевна считала, что уступками любовь не завоеешь. Она была человеком сильных страстей. Ей надо было все или ничего.

Но это я уже потом понял, а пока плыл в бурном потоке событий и радовался тому, что к Наташке пришло избавление, раз Надежда Васильевна ушла от них. Наивный человек! Как я мог ничего не понять, как мог решить, что все кончилось благополучно и теперь вновь наступит райская жизнь?

Разве я подумал при этом о дяде Шуре? О Надежде Васильевне? И о том, что, может быть, именно Наташка самый неправый человек в этой истории? Потом, когда я пересказал все это тете Оле, она мне сказала: "Ты действовал, прости меня, глупо... Тебе надо было достучаться до сердца Надежды Васильевны, и она бы тебе открылась".

Да, так вот как это было.

Когда я возвращался из школы, то увидел возле нашего подъезда такси.

- Эй, парень, двадцать седьмая квартира на каком этаже?

- крикнул мне шофер.

- На седьмом, - ответил я.

- Это мои соседи.

- Передай, что прибыл, - попросил шофер.

Я вбежал в подъезд, вскочил в лифт, размышляя, кому понадобилось такси в такое время, когда Надежда Васильевна и дядя Шура на работе.

Дверь открыла Наташка. Она была чем-то сильно взволнована, это сразу было заметно, потому что тут же выпалила:

- Надежда Васильевна уезжает. Совсем.

Вот тут я ахнул. Все-таки этого я не ожидал.

А в комнате был настоящий кавардак: дверцы шкафа распахнуты настежь, на полу валялись стопки нот и несколько пар женских туфель.

На стуле стоял открытый чемодан, и Надежда Васильевна, не разбирая, торопливо бросала туда свои вещи.

Мы поздоровались, и я сказал ей про такси.

- Уже?

- переспросила она и добавила спокойным, ровным голосом: Хорошо, спасибо.

А я боялся встречи с нею, думал: начнет что-нибудь говорить о своем отъезде, о том, какая она несчастная, и еще, чего доброго, расплачется. Но ничего этого не произошло.

Я увидел в комнате почти незнакомую женщину: лицо непривычно худое, с чуть выступающими скулами и полузакрытые глаза, точно ей было лень открыть их совсем, точно это была для нее непосильная и ненужная работа. К тому же она была в новом костюме. Когда я встречаю хорошо знакомого человека в новой, непривычной для меня одежде, я всегда чувствую перед ним робость, как перед незнакомым. Поэтому она мне и показалась совсем чужой, и я перестал волноваться и смотрел на ее поспешные сборы,

напоминающие бегство, равнодушным взглядом. Сам же думал в это время, как дядя Шура с Наташкой заживут старой, привычной жизнью.

Надежда Васильевна закрыла и подняла чемодан. Он оказался для нее тяжелым, и она уронила его на пол.

Чемодан глухо стукнулся об пол и раскрылся. Оттуда стали выпадать какие-то платья, кофты, ноты, а Надежда Васильевна в ужасе опустилась на колени, собрала оброненные вещи, затем быстро запихнула их обратно и закрыла чемодан.

- А где же дядя Шура?

- спросил я.

- На работе, - ответила она.

Значит, я не ошибся, это действительно было настоящее бегство с желанием скрыться до возвращения главного обвинителя. Значит, она все же чувствует себя виноватой во всей этой истории с Малышом, раз так стремительно замечает следы.

Надежда Васильевна выпрямилась, взяла виолончель, повесила через плечо и посмотрела на Наташку, потом на меня. Провела взглядом по стенам комнаты, словно прощаясь... Ее взгляд остановился на открытом шкафе, она подошла и плотно прикрыла его. Потом на букете цветов... Она сняла виолончель, взяла цветы и пошла на кухню. Пока она меняла воду для цветов, Наташка тоже выскочила из комнаты, и они, возвращаясь, столкнулись на пороге.

Наташка несла под мышкой крокодила!

- Вы забыли, - сказала она, протягивая крокодила.

- Это твой, - ответила Надежда Васильевна.

- Я же тебе его подарила. И впервые добавила слова, не имеющие прямого отношения к отъезду: - Ведь это самый веселый крокодил в мире, пусть он живет с тобой.

- Вновь вскинула виолончель на плечо и подняла чемодан.

- Ну, не поминайте лихом...

- И снова замолчала, она явно ждала от нас каких-то слов.

- Давайте я вам помогу, - сказал я и, не дожидаясь ее согласия, подхватил чемодан и выволок на лестничную площадку.

Я решил их оставить вдвоем, - может быть, им надо о чем-нибудь поговорить в последний раз. Вызвал лифт. Стою, жду.

Наконец она вышла.

Ничего у них, видно, не получилось: лицо у нее было по-прежнему строгое, губы крепко сжаты, а глаза совсем почти закрыты, словно ей не мил был белый свет.

- Дальше не провожай, - сказала Надежда Васильевна, - я сама, - и захлопнула дверь лифта.

Я ворвался обратно в пустую комнату и сделал вид, что мне ужасно нравится все то, что сейчас произошло, что случилось нечто веселое. Я стал прыгать, дурачиться, схватил Наташку за руки, кружил ее и кричал.

Потом мы оба с хохотом упали на пол.

- А Малыша все равно не будет, - вдруг сказала Наташка.

- Будет, - уверенно ответил я и таинственно добавил: - Я его найду.

- А как?

- Это секрет.

- Смотри, - сказала Наташка, - я буду ждать.

Она встала, подошла к крокодилу, наступила на него ногой и выпустила воздух. И прекрасный, веселый крокодил превратился просто в кусок резины. После этого его жалкие останки она запихнула под шкаф.

Теперь от Надежды Васильевны в комнате ничего не осталось.

Нет, остались еще цветы. Свежие, вымытые, вновь ожившие, они стояли в большом стеклянном кувшине.

"Как можно не любить цветы! Это все равно, что не любить землю", услышал я глубокий и ровный голос Надежды Васильевны. И готов был оглянуться - мне почудилось, что она стоит в дверях. Но я знал, конечно, что ее там нет. И мне стало горько от того, что я должен был разочароваться в ней. Лучше бы я ее не знал...

И тут вбежал дядя Шура! Он, видимо, невероятно торопился, потому что вошел в комнату в необычном виде: пальто нараспашку и шарф торчит из кармана... Но, как видите, не успел.

Дядя Шура быстро обошел все комнаты, не снимая пальто, словно надеялся еще настигнуть Надежду Васильевну. Даже заглянул в непривычно пустой шкаф. Постоял, помолчал. И пошел к выходу, к двери, на улицу, не взглянув на нас.

Я еще ни разу не видел у него таких испуганных глаз и такого выражения лица.

- А ты не будешь обедать?

- успела крикнуть вдогонку Наташка.

- У нас есть суп и котлеты.

- Спасибо, - ответил дядя Шура.

- Мне не хочется.

- И, заглушая свои слова, хлопнул дверью.

Хлопнула дверь лифта.

Фигура дяди Шуры пересекла двор и скрылась.

Наташка вопросительно уставилась на меня.

- Ничего, - успокоил я ее, - у нас, у взрослых, так бывает.

Именно в тот день, когда я рассказал Кольке-графологу историю дяди Шуры и Надежды Васильевны, мы их встретили около метро.

Мы возвращались после неудачных поисков Малыша. Обошли, можно сказать, всех собаководов дома, в котором должен был жить Малыш со своим новым хозяином, но успеха не добились.

Сначала мы попали в квартиру, которая была не заперта, и легкомысленно вошли в нее, а вышли... только через час. Потому что, когда мы обнаружили, что в ней нет людей и хотели выйти, то нам загородила дорогу овчарка и не давала двинуться целый час. Непонятно, зачем только люди держат в домах таких злых собак!

Мы сидели смиренно, сложив руки на коленях, и Колька излагал мне свой план нашего освобождения. Он предлагал рывком броситься к тахте, сдернуть с нее одеяло и набросить собаке на голову.

Как видите, план был прост, но Колька предлагал, чтобы выполнил его я, а я ответил, что уступаю ему, поскольку это его план. А он процедил, не разжимая губ, чтобы не злить овчарку раньше времени, что не может один человек и придумывать и выполнять, что должно быть разделение умственного и физического труда.

Так мы спорили до тех пор, пока не вернулась хозяйка квартиры.

А потом мы попали к старику. У него были две собачонки, и он держал их на руках. Когда он узнал всю нашу историю и то, что пропал Малыш, и то, что Наташка от переживания заболела ветрянкой, то страшно забеспокоился, что его собаки могут заразиться ветрянкой.

И вот после этого, когда мы с Колькой, усталые и злые, покупали бублики около метро, чтобы немного утешить себя, я увидел дядю Шуру. Я хотел к нему подлететь, но в последний момент узнал его собеседницу и поспешно затормозил. От неожиданности я подавился бубликом и закашлялся: ведь дядя Шура беседовал не с кем-нибудь, а с Надеждой Васильевной!

Колька-графолог, чтобы остановить кашель, ударил меня изо всех сил по спине. После этого я снова обрел дар речи и прошептал:

- Вон стоит дядя Шура.

- И она?

- догадался Колька.

Я кивнул.

- А я-то думал, что дядя Шура успокоился и она навсегда исчезла из нашей жизни!

- Простак, - ответил Колька-графолог.

Они стояли друг против друга, и между ними возвышалась ее виолончель. Они попеременно, а иногда и одновременно поддерживали ее: то Надежда Васильевна, то дядя Шура, то вместе, и тогда их руки сталкивались.

Прохладный ветерок трепал полы ее расстегнутого пальто и так же трепал волосы на непокрытой голове. Но она ничего этого не замечала, внимательно слушала дядю Шуру и показывала всем своим видом необычайную нежность к нему. Он заботливо застегнул ей пальто и поднял воротник. Когда он подымал ей воротник, она успела прижаться щекой к его ладони.

- Ловка!

- Колька-графолог жевал бублик и ехидно поглядывал на меня: А твой хирург расквасился.

Наконец Надежда Васильевна нехотя вскинула виолончель на плечо, и они разошлись.

Дядя Шура прошел мимо меня, не заметив. До меня ли ему: он не видел никого и ничего. Наскочил на какую-то женщину, извинился. Радостная улыбка не сходила у него с лица.

- Ну, - Колька-графолог подтолкнул меня, - надо действовать.

- Хорошо, - послушно согласился я.

- Сейчас я ей все объясню.

- Я угрожающе сунул бублик в карман, как будто это пистолет, и устремился в погоню за Надеждой Васильевной.

Я обогнал ее и преградил дорогу.

Нет, она не изменилась. Она была такая же прекрасная, как раньше, а может быть, даже лучше, потому что похудела и глаза у нее от этого увеличились. Это было самое обидное.

- А, Боря, здравствуй!

- весело сказала она.

- Откуда свалился?

- Из метро вышел и увидел вас, - многозначительно ответил я и стал ждать, как она начнет передо мной оправдываться.

Но нет, она и не думала оправдываться, опустила руку на мое плечо и радостно предложила:

- Проводи меня немного, а то я, как всегда, опаздываю.

И я вдруг чему-то обрадовался и незаметно для себя пошел рядом с нею.

- Понеси виолончель, - попросила она.

И ее виолончель оказалась у меня в руках, и блаженная улыбочка, какая только что озаряла лицо дяди Шуры, поползла по моим губам.

Тут я увидел Кольку-графолога, который почему-то шел к нам навстречу, хотя мы расстались около метро. Он усиленно вращал глазами, но, честно говоря, я узнал его только в тот момент, когда он сильно толкнул меня в бок.

Виолончель испуганно звякнула, и я остановился.

- Ты чего?

- спросила Надежда Васильевна.

"Ну и подлец!

- подумал я про себя.

- Ну и дамский угодник! Из-за каких-то лучистых глаз готов был предать идею! Хорошо, что графолог меня вовремя остановил. Молодец!"

Я отвернулся, чтобы не видеть лица и гипнотических глаз Надежды Васильевны, и процедил:

- И дядю Шуру, между прочим, я тоже видел, - и протянул ей виолончель.

- А-а-а, - неопределенно ответила она, еще не понимая, в чем дело, и взяла виолончель.

Похоже было, что мой выпад никак на нее не подействовал. Ну что ж, пойдем дальше, расхрабрился я, это нам не трудно, наша дорога не дальняя. Я достал из кармана недоеденный бублик, вгрызся в него зубами и спросил:

- Правда, он очень изменился, похудел?

- Жизнь наладится, он и поправится, - ответила она.

- А когда она наладится?

- не отставал я и ехидно, на манер Кольки-графолога, добавил: - Вы ведь знаете все наперед.

- Месяца через два, - сказала Надежда Васильевна.

- Через два?

- переспросил я.

- А по-моему, гораздо раньше, если им никто не будет мешать.

- Вот как, - сказала Надежда Васильевна, точно хотела спросить: "Что с тобой случилось, друг мой?"

Она так грустно и странно посмотрела на меня, словно открыла во мне что-то неприятное.

Я потом часто вспоминал ее взгляд.

Какой-то прохожий толкнул ее, зацепившись за виолончель. Она резко сняла ее, оторвала ремнем пуговицу у пальто, не обратив на это никакого внимания. Ее длинные волосы, торопливо завернутые в пучок - вероятно, она спешила на свидание к дяди Шуре и не успела аккуратно причесаться, - от резких жестов рассыпались и упали ей на лицо. Отбросив их, она, не глядя на меня, покинула поле боя.

Она убегала от меня в который раз, на ходу занимаясь своим любимым делом: перебрасывая виолончель из одной руки в другую.

Тут ко мне подошел Колька-графолог и одобрительно хмыкнул.

- По-моему, я ее победил, - неуверенно сказал я.

- Ну конечно, - поддержал Колька.

- Видел, как она рванула!

- Может, я слишком сурово?

- спросил я.

- Ситуация требовала решительных поступков, - сказал Колька.

- Все же ее жалко, - признался я.

- Ты выполнил свой долг, - сказал Колька.

Его маленькое подвижное лицо приобрело окаменелость: он явно презирал меня за нерешительность.

Необдуманная лихость овладела мной, и я, чтобы не отставать от Кольки-графолога, сказал:

- Мавр сделал свое дело, мавр может уйти!

- Тоже тетя Оля?

- догадался Колька.

- Это надо запомнить.

Я кивнул: она, моя учительница. Правда, тетя Оля всегда произносила эти слова горьким, недовольным голосом и они ей служили присказкой к какому-нибудь высказыванию,

вроде: "Нет ничего горше самовлюбленной юности. Все-то они знают, все-то понимают, во все лезут, все решают и поэтому бьют очень сильно". Я же, как видите, ограничился только первой ее фразой.

- Даже пуговицу не успела поднять, - хихикнул я.

Но тут мне почему-то стало стыдно: собственно, над чем я так усердно хихикал? Я наклонился, поднял пуговицу и опустил в карман.

Наша жизнь потихоньку, не без моего участия, налаживалась. Я старался и, казалось, действовал успешно. Только вчера, например, я отвел дядю Шуру и Наташку в зоопарк. Они ведь не были там с тех пор, как у них в доме появилась Надежда Васильевна. И все это я сделал ловко и тонко, никто из них даже не догадался, что их случайная встреча была мною подготовлена. Я крепко усвоил слова тети Оли: "Если хочешь сделать что-нибудь кому-нибудь приятное, делай это незаметно, без усилий, невзначай".

Тетя Оля сама тоже любила поступать "невзначай". Бывало, придет к нам, а в сумке у нее при этом с десяток пирожных. Или билеты в кино. Она выбрасывала их в последнюю минуту, когда уже уходила.

И я тоже, действуя ее методом, привел Наташку невзначай к больнице дяди Шуры.

- Смотри, куда мы попали, - сказал я.

- Папина больница, - удивилась Наташка.

- Может, зайдём?

- предложил я.

- Сделаем ему приятное.

И мы зашли и дождались его, и все было просто замечательно, потому что мы попали в зоопарк, как когда-то. Правда, в зоопарке нам не очень понравилось: всех зверей из летних вольеров перевели в зимние помещения, и звери были не такие веселые. Конечно, без солнца и неба.

...Как-то я сидел дома, и вдруг до меня долетела откуда-то музыка. Я прижался ухом к стене. Не было никакого сомнения: в квартире у дяди Шуры играла виолончель.

Значит, все же вернулась Надежда Васильевна?! Вернулась, несмотря на мою просьбу. Теперь Наташка наверняка что-нибудь выкинет. Сбежит в цирк или уйдет к цыганам...

Дверь мне открыл сам дядя Шура, и звуки виолончели обрушились на меня.

- А, это ты, мыслитель!

- равнодушно произнес дядя Шура, хотя вид у него был явно возбужденный.

И "мыслителем" он меня почему-то обругал, и в комнату не приглашал. Неужто она наябедничала? Ну что ж, ничего не поделаешь, оказался лишним, хотя почему-то было чертовски обидно. Всегда обидно, когда тебя не понимают.

- Скажите Наташке, пусть зайдет ко мне.

Я человек гордый и никогда никому навязываться не собирался.

- А ты не зайдешь?

- спросил дядя Шура. Он обнял меня за плечи: - Всем мыслителям трудно живется. Они вечно размышляют, размышляют... А по мне, надо жить проще и естественней. Если что-то непонятно, возьми и скажи.

- Он остановился: - Послушай. Как играет!.. А ты думаешь, я не прав?

- Словами всего не выразишь, - сказал я.

- Я вам не помешаю?

- Я боялся встречи с Надеждой Васильевной.

- Не мешаешь, - резко сказал дядя Шура и первый вошел в комнату.

Я остановился на пороге и огляделся.

Никакой Надежды Васильевны в комнате не было, но около дивана стоял магнитофон. Его динамики были включены на полную силу. И более того: я почему-то впервые заметил, что комната дяди Шуры приняла прежний вид, какой она была еще до Надежды Васильевны.

Дядя Шура с размаху плюхнулся на диван.

- Что-то вы мне не нравитесь, - сказал я, стараясь перекрыть магнитофон.

- Я сам себе не нравлюсь, - ответил дядя Шура.

- Что-нибудь случилось?

- спросил я.

- Ничего, - ответил дядя Шура.

- Или, точнее, случилось все, что могло случиться.

В это время появилась из своей комнаты ее светлость Наталья Александровна, наклонилась к магнитофону и убрала звук.

Дядя Шура протянул руку к магнитофону и снова усилил звук. Он устало закрыл глаза.

Наташка обиженно повернулась и ушла.

Да, подумал я, в этом доме явно не хватает тети Оли с ее нежностью и добротой и неожиданными точными словами, против которых нечего возразить. А у меня пока, хотя я и старательный ее ученик, толком ничего не получается.

Я подумал, что, может быть, Наташка и я далеко не во всем правы.

Теперь, когда вся эта история канула в лету, я часто вспоминаю ее, но никак не могу понять, как я мог совершить столько необдуманных, неблагородных поступков. Честно, меня до сих пор это пугает. А вдруг со мной случится снова что-нибудь в этом роде? Или еще похуже.

Ведь назвал я благородного Петьку, хозяина Рэды, вором!

Я его встретил совершенно неожиданно в школьном коридоре. Искал-искал, бегал-бегал, а нашел у себя под носом.

Когда я его увидел, то не сразу понял, что это он. Прошел несколько шагов вперед и оглянулся.

И он оглянулся, и наши глаза встретились. А в следующий момент мы одновременно перешли на стремительный бег по школьным коридорам, лестницам, закоулкам, сбивая на ходу встречных ребят. И когда я его схватил, то некоторое время не мог произнести ни слова, так задохнулся от быстрого бега. Он оказался вертким и сильным.

- Теперь ты, - сказал я, отдышавшись, - от меня не убежишь.

- А я, - сказал он нагло, - и не собираюсь.

- "Не собираюсь"!

- передразнил я его.

- Не собираюсь, - повторил Петька.

- Может быть, скажешь, что ты от меня и не убегал?

- Убегал.

- Почему?

- спросил я, угрожающе сжимая Петькино плечо.

- Потому что ты за мной гонялся, - ответил он.

- Ну вот, а теперь я тебя поймал, - сказал я тоном победителя.

- Когда отдашь собаку?

- Никогда!

- ответил Петька.

- Никогда?!

- возмутился я и сильно потрянул Петьку.

- Это моя собака, - упрямо сказал он.

- А ну, пошли в класс!

- Я почти волоком протащил его по коридору. Там ты у меня попляшешь... на виду у всех.

Так мы пришли в его класс, где и произошел этот ужасный случай, о котором я никак не могу забыть.

Значит, втащил я его в класс и громовым голосом, полным упоенного самодовольства, крикнул:

- Ребята, - и толкнул вперед Петьку, - он украл нашу собаку!

Поднялся, конечно, невообразимый шум, потому что никто из них еще никогда в жизни живого вора не видел!

- Где вор, кто вор?!

- понеслось со всех сторон.

- Петька?!

А Петька, не обращая внимания на все эти шумы и крики, подошел к своей парте, достал из портфеля аккуратно сложенный лист и протянул мне.

Я развернул лист и прочел: "Паспорт собаки по кличке "Рэда". Хозяин П.Я.Смирнов. Породы чау-чау".

Пока я это читал и передо мной вырисовывалась действительная картина событий, нас окружили плотным кольцом Петькины одноклассники, стараясь заглянуть в бумагу.

- А кто же это П.Я.Смирнов?

- спросил я.

- Это я, - ответил Петька.

- Петр Яковлевич Смирнов.

- Точно!

- крикнул кто-то из ребят.

- Это он!

- А может, ты переименовал Малыша в Рэду, - противно не сдавался я, чтобы замести следы.

- Чудак, - без всякой злости сказал Петька.

- Малыш - мальчик, а Рэда ведь девочка!

И тогда все стали почему-то хохотать, а я повернулся, чтобы скрыться.

- А кто будет извиняться за оскорбление?

- настиг меня мальчишеский голос.

- Извини, если можешь, - сказал я и исчез, не оглядываясь.

Народ теперь пошел! Спуска не даст!

Петьку я познакомил с Наташкой, он теперь ее лучший друг. И дядя Шура проникся к нему таким расположением, что научил своим фокусам. А Надежда Васильевна вошла с ним в тайный сговор. Оказывается, они ждут от Рэды потомства, но тщательно это скрывают, чтобы сделать Наташке сюрприз. И тетя Оля сразу распознала в нем благородного человека.

Только Кольке-графологу он не понравился. Тот заставил его написать на бумажке несколько слов, потом выхватил ее, долго изучал, можно сказать проел глазами, повернулся ко мне, будто Петьки здесь не было, и снисходительно поставил диагноз: "Слишком прост и наивен. Не сильная личность".

Зато тетя Оля, когда услышала про графолога, сказала: "Он Наполеон какой-то... Бонапарт. Приведи его ко мне. Я камня на камне не оставлю от этой сильной личности".

Правда, на этот раз у тети Оли ничего не вышло. Во время их единственной беседы она пыталась, как она говорит, проникнуть во внутренний мир Кольки-графолога, чтобы понять, зачем ему необходимо стать сильной личностью. Она в течение двух часов рассказывала нам про свою жизнь, надеясь вызвать Кольку на ответную откровенность, угощала чаем с вареньем, жареной хрустящей картошкой. Она так старалась, что ей стало плохо с сердцем, и она украдкой пила в соседней комнате капли.

Но Колька-графолог остался непроницаем. Он только после этого изменил свою тактику. Вместо молчаливого одиночества он "изобрел" систему завоевания авторитета.

"Людей надо покорять и завоевывать, чтобы стать первым среди них, сказал он как-то мне.

- Скоро весь класс будет у моих ног".

Для этого он научился играть на гитаре и петь, стал усиленно заниматься математикой и физикой. Однажды даже вступил в математический спор с учительницей и победил ее. Его милое птичье лицо неизвестно каким образом приобрело жесткость. Он усох еще больше и вытянулся (у него есть своя система вытягивания роста, но он ее скрывает). Снял очки и сказал, что тренировкой и силой воли вернул себе зрение. Он уже близок к достижению своей цели, потому что успешно покорил полкласса...

Но вернемся вновь к нашей истории, а то я никогда ее не закончу. Учительница литературы предупредила, что у меня нет стройности мысли при изложении, что я люблю отвлекаться по каждому незначительному поводу. И это большой недостаток. А мне нравится отвлекаться.

Благодарный Петька посоветовал мне пойти на Птичий рынок. Он сказал, что там иногда продают случайно найденных собак.

И представьте, на Птичьем рынке я действительно нашел... только не Малыша, а Надежду Васильевну! Это была не простая встреча.

Я присел на корточки около выводка овчарок: их было целых шесть штук, симпатичных щенков. Они ползали по коврику возле своей гордой громадной матери.

- Мне нужен щенок породы чау-чау, - раздался надо мной женский голос. Вы здесь таких не встречали?

В первый момент я ее не узнал, но слово "чау-чау" привлекло мое внимание.

- Чау-чау?

- переспросил хозяин овчарки.

- Не знаю.

- Они такие лохматые, - объяснила Надежда Васильевна.

И вот тут-то я ее узнал по голосу и насторожился.

- А вы возьмите моего щенка, - предложил хозяин овчарки.

- Умная порода.

- Спасибо, - ответила Надежда Васильевна.

- Мне надо именно чау-чау... У моей дочери был такой щенок... и пропал. Вот я и ищу нового.

Я чуть не упал от ее слов, прямо готов был плюхнуться на грязную мостовую.

"У моей дочери", - сказала она. "У моей дочери... у моей дочери", - как дурак, твердил я про себя.

Я здорово обрадовался, когда наконец почувствовал значение ее слов. Выходило, что она любит Наташку, раз называет своей дочерью.

"В конце концов, - как говорит тетя Оля, - все истории когда-нибудь заканчиваются, и, как правило, благополучно".

Я встал и сказал:

- Здравствуйте, Надежда Васильевна.

Улыбнулся и подумал, сейчас она ответит мне прежними словами: "Привет... Видел ли ты сегодня цветные сны?.." Но она ничего такого не ответила, а безразлично, без тени удивления оглядела меня:

- А-а-а, и ты...

Ее слова больно хлестнули меня по лицу. Это было как раз на тему о предательстве. Может быть, она об этом и не подумала, может, это вышло случайно, но у меня в голове эта фраза приобрела сразу свой знаменитый законченный смысл: "И ты, Брут..."

"Ну что ж, - подумал я, - пойдём дальше по этой дороге, поглощаем горькой пыли. Что заслужили, то и получили".

Я посмотрел на нее - неужели она на самом деле так думала обо мне, - но ни о чем не догадался, а только увидел, что лепестки цветов у нее в глазах расцвели невероятно.

- Добрый день, - спокойно произнесла Надежда Васильевна.

- "...любитель случайных встреч", - подхватил я, произнеся фразу, которую мне когда-то сказала она сама.

Надежда Васильевна мгновенно посмотрела на меня. Я снова ей улыбнулся, - по-моему, это была самая жалкая улыбочка за всю мою жизнь, - но успеха не добился. Она не приняла моей протянутой руки даже ценой унижения.

Постояли. Помолчали.

- Вот решил зайти, - выдавил я.

- Может, чего куплю.

Мы поболтали еще несколько минут о разных пустяках, о том, чего только не продают на этом рынке. Она сказала:

- Все, кроме лунной породы.

А я добавил, стараясь ее развеселить:

- И виолончели...

Она не развеселилась.

О Малыше и собаках породы чау-чау мы не сказали ни слова. О дяде Шуре и Наташке тоже ничего.

Но в конце концов я все же не выдержал и спросил:

- Надежда Васильевна, вы на меня сердитесь?

- Да, - сказала она.

- Сержусь.

- Я подумал, - в отчаянии признался я, - может, вы Наташу не любите. Хотел как лучше... для всех.

Все. Точка. Баста. Мы готовы были разойтись навсегда, но она продолжала смотреть на меня изучающе. Что-то, видно, увидела жалостливое, потому что жестко добавила:

- Так ты ничего и не понял. Остался верным учеником своей тети Оли.

Действительно, по моему лицу всегда можно догадаться, что у меня на душе. Это мой большой недостаток, я никак не научусь скрывать свои чувства. Недаром тетя Оля говорит: "Твое лицо как букварь. Его всегда легко и просто прочесть. Впрочем, не расстраивайся, со мной всю жизнь творится то же самое".

Обиднее всего, что я не нашелся, как заступиться за тетю Олю. Надежда Васильевна ведь была несправедлива к ней. Разве тетя Оля просто добренькая?

Так Надежда Васильевна и ушла. Когда она была уже довольно далеко, я все же крикнул ей в спину:

- Вы неправы!

Не знаю, слыхала она мои слова или нет, только не оглянулась. А я почувствовал, что надежная дорога ведет куда-то в другую сторону, а моя петляет среди кочек и болот.

Затем я почувствовал острый голод. У меня всегда появляется ощущение голода, когда я сильно волнуюсь. Мне бы что угодно пожевать, это меня отвлекает. Некоторые люди, как известно, теряют всякий аппетит, когда волнуются, я же наоборот. Я купил в палатке бублик и автоматически, все еще думая о Надежде Васильевне, вонзил в него зубы. И вдруг, вы не поверите, чудесный бублик, пахнувший свежим тестом и маком, показался мне горьким-прегорьким. Я даже в удивлении посмотрел на него. Нет, тесто обыкновенное: белое и мягкое. А дело было в том, что этот бублик напомнил мне тот день, когда я случайно около нашего метро встретил Надежду Васильевну с дядей Шурой и сказал ей про то, что она мешает хорошо и мирно жить дяде Шуре и Наташке.

Я ведь тогда тоже ел бублик; нахально так жевал перед ее носом этот вездесущий проклятый бублик и цедил сквозь зубы жестокие слова.

Вспомнить страшно, что я ей тогда наговорил! "Правда, он (дядя Шура) очень изменился, похудел?"

"Жизнь наладится, он и поправится", - ответила она.

"А когда она наладится?"

- не отставал я и ехидно, на манер Кольки-графолога, добавил: - Вы ведь знаете все наперед".

Вспомнил, как она бежала от меня, как лихорадочно перебрасывала виолончель из одной руки в другую, как ветер растрепал ее торопливо собранную прическу и бросил ей волосы на лицо.

Все это предстало передо мной с такой невероятной точностью, что мне показалось: стоит протянуть руку - и я коснусь морской металлической пуговицы на ее пальто.

От этих воспоминаний мне стало нестерпимо стыдно, и хотя тетя Оля говорит: "Стыдно - это хорошо, это, знаешь ли, благородно, это значит, что ты такого больше не сотворишь", - мне это ничуть не помогло, ибо то, что было сделано, было достаточно гнусным.

Тут я вам должен честно признаться, что тетя Оля, когда я навещал ее, предостерегала меня, что я веду себя неправильно.

"Поверь моему педагогическому чутью, - сказала она.

- Они обязательно помирятся, потому что любят друг друга".

Тогда в ответ ей я только нервно хихикнул и презрел ее педагогическое чутье. А напрасно. Но что теперь об этом говорить, все мы умны задним числом!

Я попробовал снова хихикнуть, на этот раз над собой. Иногда, говорят, смех выручает. Но сейчас он меня не выручил: скулы свело чем-то вроде судороги. А ведь совсем недавно она прислала мне открытку из Ленинграда и называла "друг мой". Помню, как я радовался ее обращению. "Друг мой, писала она.

- Посмотри, какой красивый дворец..." Я перевернул открытку и увидел фотографию двухэтажного каменного дома, мельком взглянул, но так как меня интересовал не этот дворец, а ее письмо, то я снова перевернул открытку и прочел до конца.

"...Посмотри, какой красивый дворец, - писала Надежда Васильевна. Кажется - его строили не люди, а он вырос сам, вернее, родился из земли, на которой стоит. Как деревья и цветы. Ты лучше поймешь меня, если отложишь сейчас открытку в сторону, а потом возьмешь ее словно случайно. И так сделай много раз, и тогда ты станешь думать об этом дворце и к тебе придет удивление перед ним, как ко мне".

И действительно, так оно и получилось.

Первый раз, когда я взглянул на этот дом, то заметил лишь его желтый цвет и автоматически отметил количество этажей. Красота же его осталась для меня не замеченной. Тогда я не знал, что прекрасное понимаешь не сразу, что нужно много времени, чтобы научиться этому... Посмотрев на открытку во второй раз, я увидел, что окна в доме имеют какой-то особенный четкий и легкий рисунок, а арка кажется узкой и такой таинственной, что появлялось непреодолимое желание войти в нее; потому что там, так мне казалось, спрятано какое-то невероятное чудо.

Однажды, возвращаясь домой, я вспомнил про открытку, и мне захотелось немедленно ее увидеть. И от этого мне стало радостно, хотя ведь ничего особенного не произошло. Просто у меня дома на столе лежала открытка с изображением дворца времен царствования Екатерины Второй, и все.

А чего стоили ее слова (как я мог их забыть!): "Знаешь, внутри каждого из нас заложен огромный разнообразный мир. Человек - это целая Вселенная. И ты тоже Вселенная. Только надо научиться открывать себя. Если ты будешь всегда помнить об этом, то твои поступки станут значительными и важными и тебе не захочется заниматься чем-то случайным. Будет жалко и обидно терять свое время".

А теперь она, то есть Надежда Васильевна, все удалялась и удалялась от меня и превращалась из обыкновенного человека в недостижимую горную вершину, которая без

конца манит к себе, но которую тебе никогда не дано покорить. Так я ее снова сильно полюбил, может быть, больше, чем раньше, и понял, что виноват перед нею и безвозвратно ее потерял. И этот мой поступок навечно будет на моей совести, как клеймо на плече древнего раба.

Итак, заклеянный и уничтоженный, я припелся к Наташке. А та занималась каким-то странным, непривычным делом. Она подметала пол. Веник для нее был велик, и она держала его двумя руками. Ей было явно не до меня.

Я сел в любимое кресло дяди Шуры и стал думать.

Жалко, что не заступился за тетю Олю. Крик в удаляющуюся спину Надежды Васильевны: "Вы неправы" - это не защита друга. И я вспомнил еще одну историю.

Это случилось после скандала с Колькой-графологом. Правда, я не хотел про это рассказывать, потому что история с Колькой пока имеет только начало и в ней нет конца, а я, как известно, люблю рассказывать только законченные истории. Тогда в них есть и смысл. Но уж раз пришлось к слову...

Дело дошло до того, что я решил уйти из школы. В последнее время я стал избегать Кольку-графолога. А его это ущемляло: все "у его ног", а я нет. И он повел на меня атаку. Как-то пристал ко мне с расспросами, что нового слышно о Надежде Васильевне. А когда я ему ответил, что ничего, он от меня отвязался, отошел к своим друзьям и громко, чтобы я слышал, начал рассказывать про то, какая Надежда Васильевна роковая женщина, как в нее влюблен "некто", подстерегает ее, носит виолончель и прочее, и прочее, и прочее...

Тогда я ему сказал, что это низко - выдавать чужие секреты, и что он вообще подлец! И добавил, что, если он сейчас не прекратит, я его ударю. Так и сказал. Грубо, конечно. А ведь нельзя еще забывать, что в этом классе я новичок и все, можно сказать, против меня.

"Ну, попробуй", - ответил он и гордо сложил руки на груди.

Мы переругивались через весь класс и, когда он произнес: "Ну, попробуй", - то был, конечно, уверен, что я своей угрозы не выполню. А я прошел к нему, при этом я двигался необыкновенно легкой походкой, как будто шел на приятное свидание, внимательно посмотрел в его бывшее милое птичье лицо, поднял руку для удара и... не ударил! Вместо этого я улыбнулся и похлопал его по плечу. А он не ожидал этого и вздрогнул, как от удара.

Если бы я его ударил, он бы, вероятно, не так разозлился, а тут просто обезумел. Он приказал: "Ребята, хватай его!" - и вместе с друзьями набросился на меня, когда я стоял к ним уже спиной.

Они скрутили мне руки, повалили на пол и сели на ноги. Но этого ему показалось мало, и он крикнул: "Давайте его разденем!" Ему тоже хотелось меня унижить.

Они стянули с меня рубашку, брюки и ботинки. А в это время в класс вошла литераторша. Она чуть не упала от возмущения. Я ее понимаю, я бы сам на ее месте упал. Она же не знала, как все произошло.

"Вон, - закричала она.

- Сейчас же!.."

Я подхватил свои вещички и как был, в трусах, в майке и в одном носке, бросился к дверям.

"Дневник!" - остановила она меня.

Тогда я забился в угол и хотел быстро одеться, прежде чем принести ей дневник, но она не дала мне этого сделать.

"Нет, - сказала она.

- Так и стой перед девочками!.."

Когда я в уборной одевался, то меня колотила дрожь.

После этого я и решил не ходить больше в школу и провалялся около телевизора три дня.

Первые два дня Наташка старалась прорваться ко мне, но я ее не пускал. Но на третий день она, видно, не выдержала и передо мной появился дядя Шура. Он спросил, как мои дела, что это меня не видно и не заболел ли я. Между прочим спросил о школе. Конечно, это была Наташкина работа: видно, принесла из школы на хвосте. Я ему честно ответил, что эта школа мне не по душе. Он, как всегда, был лаконичен, он только сказал: "Обидно" - и больше ничего. А на следующий день мне позвонил Сашка и зазвал меня в старую школу. И я пошел, и все мне были рады. А бывшие первоклашки чуть с ума не сошли от радости. Я обошел все школьные закоулки, наговорился со старыми знакомыми, был совсем счастлив. Но странное дело: я чувствовал, что это уже не мое и возвращаться сюда мне не хотелось, и это привело меня в такое состояние, что на следующее утро я отправился в свою новую школу.

И только совсем недавно я узнал, что звонок Сашки устроил дядя Шура. Вот это друг! Не кричал, не бил себя кулаком в грудь, а помог. Не то что я.

Тут в моей голове вдруг сложилась простейшая формула для действия. Раз Надежда Васильевна любит Наташку, почему бы Наташке не полюбить Надежду Васильевну?

Наташка кончила подметать пол, достала из шкафа старую, забытую скатерть и сказала:

- Боря, помоги мне постелить скатерть.

От этих ее слов, от того, что она достала скатерть, которую так любила Надежда Васильевна, меня просто выбросило из кресла, как из катапульты. "Ого!

- подумал я.

- Кажется, можно действовать!"

Мы расстелили скатерть и теперь стояли с разных сторон стола друг против друга.

Почти одновременно мы подняли головы от розовой поверхности скатерти, и наши глаза столкнулись, и Наташка догадалась, о ком я думаю. Потому что она сама думала о Надежде Васильевне!

- Ты изменилась за последнее время, - сказал я.

- Глаза у тебя усталые.

- Уроков много задают, - ответила Наташка и отвернулась.

- Конечно, - сказал я.

- Это тебе не первый класс.

- И решил: Слушай, я давно хотел с тобой посоветоваться...

- Небрежно так произнес, а у самого все внутри напряглось.

- Вот жили три человека... А потом разъехались. Двум от этого плохо, а одному хорошо... Что в этом случае делать?.. Как поступить?

Я повернулся к ней спиной, чтобы сесть в кресло, а когда обернулся, ее в комнате не было. Скоро она вернулась, неся в руках кувшин с цветами. Поставила его на стол, и в комнате стало совсем как прежде.

- Розовые цветы на розовом, - сказал я, как когда-то говорила Надежда Васильевна.

- Вот придет папа, - сказала Наташка, не обращая внимания на мои слова, - а у меня чистота.

- Наташка, - сказал я, - а почему ты мне ничего не ответила?

Наташка промолчала.

Я тяжело вздохнул.

- "Нет ничего горше самовлюбленной юности, - сказал я словами тети Оли.

- Все-то они знают, все понимают, во все лезут, все решают и поэтому бьют очень сильно".

Наташка ничего не успела ответить, потому что хлопнула входная дверь и раздался голос дяди Шуры:

- На-та-ша!

Наташка, не отзываясь, схватила меня за руку и втащила в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Это была ее любимая игра: она пряталась от дяди Шуры, а тот долго ее искал. Но на этот раз из этого ничего не вышло.

Мы услышали, как дядя Шура вошел в первую комнату, на секунду остановился, а потом стремительно ее пересек, резко открыл дверь, увидел нас... и улыбка сползла с его лица.

- Здравсьте, дядя Шура, - сказал я.

Он был так чем-то раздосадован, что даже не ответил мне.

- Ты одна... все убрала?

- спросил он у Наташки.

- Да, - ответила Наташка.

И тогда я догадался, что ему пришло в голову, когда он увидел убранную комнату.

- Папа, правда, красивые цветы?

- спросила Наташка.

- Очень, - ответил дядя Шура и снова, конечно, подумал о Надежде Васильевне.

Все здесь напоминало о ней: скатерть, цветы, Наташкина виолончель, заброшенная на шкаф. А у меня в голове совершенно некстати зазвучала песенка, которую мы вчетвером распевали, и я еле сдержался, чтобы ее не запеть.

- Мне кто-нибудь звонил?

- спросил дядя Шура, снял трубку телефона и нетерпеливо постучал по рычагу: - Телефон, что ли, испортился?

И тут я решил, что неплохо было бы побеседовать с дядей Шурой без свидетелей и кое-что ему сообщить, чтобы поднять настроение.

- Сейчас я вам позвоню, чтобы проверить, - сказал я.

Выскочил из комнаты, вбежал в свою квартиру, набрал номер телефона и, когда услышал голос дяди Шуры, сказал:

- Дядя Шура, вам привет...

- От кого?

- автоматически спросил он.

- От Надежды Васильевны, - выпалил я.

- Я ее встретил на Птичьем рынке. А знаете, что она там делала?

- Я сделал длинную паузу, чтобы - окончательно поразить дядю Шуру: - Она искала собаку... породы чау-чау для своей дочери!

Тут я замолчал и молчал долго-долго, но все-таки перемолчать дядю Шуру не смог. Известно, у него редкая выдержка.

- Алло, дядя Шура!

- крикнул я.

- Вы слышите меня?

- Да, да, - ответил дядя Шура.

- По-моему, Надежде Васильевне пора возвращаться, - сказал я.

- Ты думаешь?

- очень серьезно спросил дядя Шура.

- Конечно, - ответил я воодушевленно.

- И это я беру на себя.

- Спасибо, - сказал дядя Шура и повесил трубку.

Когда же я вернулся к ним, они сидели на кухне и пили чай. Я услышал их разговор и замедлил шаг.

- А мы пойдем гулять?

- спросила Наташка.

- Пойдем, - раздался в ответ голос дяди Шуры.

- А когда?

- не отставала Наташка.

- Когда мне позвонят.

- А если тебе никогда не позвонят?

- сказала Наташка.

В этот момент я появился в дверях, и дядя Шура, не ответив Наташке, пригласил меня к чаю. А я весь был в напряжении, у меня так бывает. В такие минуты мне все удается и на ум приходят самые правильные решения.

Я бросился в комнату, достал из-под шкафа давно забытого резинового крокодила и, надувая его на ходу, помчался на кухню. Я появился перед ними с крокодилом, как когда-то Надежда Васильевна. Они оба почти одновременно поперхнулись чаем, несмотря на их хваленую фамильную выдержку. Я чуть не упал от смеха.

- Зачем ты его достал?

- недружелюбно спросила Наташка.

- Это же самый веселый крокодил в мире, - находчиво ответил я, продолжая надувать крокодила.

Я весь по-прежнему дрожал от возбуждения, потому что дядя Шура мог бы и не принять вмешательства в их внутренние дела. Он мог резко бросить: "Отнеси его на место!"

Но он промолчал, налил мне чаю и, как всегда, положил передо мной на тарелку несколько бутербродов. Он знал, что я "бутербродная душа", хотя он меня иногда заставлял есть и суп, который сам готовил Наташке два раза в неделю.

- Садись, - сказал дядя Шура и незаметно подмигнул мне.

Значит, он мои действия одобрил и безоговорочно принял в союзники!

А я завел крокодила и пустил его гулять по полу, и он стал открывать и закрывать свою крокодиловую пасть.

Дурацкая игрушка, а почему-то когда смотришь на нее, то смешно. Я первый не выдержал и засмеялся, потом засмеялся дядя Шура. И вдруг Наташка, сама неумолимая Наташка, тоже улыбнулась, но тут же, чтобы скрыть это, наклонилась к чашке.

- Если он тебе не нравится, - сказал дядя Шура, - пусть Борис его кому-нибудь подарит.

Наташка не ответила: она увлеченно пила чай.

- Так я возьму его, - сказал я.

- Дареного не дарят, - вдруг тихо произнесла Наташка.

Это была уже какая-то победа. Теперь можно было двинуться дальше.

- Подумаешь, крокодил, - небрежно сказал я.

- Это ведь не собака.

Дядя Шура посмотрел на меня осуждающе. Но я не отказался от своих слов, ибо у меня в голове созрел моментально новый план действий. Я решил отвести Наташку к Петьке. Тот отдаст ей свою Рэду. Дядя Шура сообщит об этом Надежде Васильевне, и та вернется. Они помирятся с Наташкой. А тогда я все расскажу Наташке, и она вернет этому разнесчастному влюбленному собаководу обратно Рэду.

- Если бы была собака...

- вздохнула Наташка.

И тут я бросил им главный, победный козырь.

- А она есть, - сказал я.

- Я ее нашел.

- Нет, правда?

- закричала Наташка.

Дядю Шуру словно подбросило. Он подбежал ко мне, зачем-то хлопнул сильно по плечу. Признаться, я еле удержался на ногах. Затем он стал радостно кружить Наташку.

Он был счастлив и весел. Он прыгал, как мальчишка, как бывший счастливый дядя Шура.

- Ну, расскажи, расскажи, как это произошло?

- спросил дядя Шура, когда немного успокоился.

- Как?.. "Кто ищет, тот всегда найдет", - ответил я.

- Вот я и нашел. Только у Малыша теперь другое имя. Его зовут Рэд. И он привык к этому имени.

- Я нарочно переделал женское имя "Рэда" в мужское "Рэд".

- А они его отдадут?

- испуганно спросила Наташка.

- Конечно, - сказал дядя Шура.

- Обязательно отдадут. Пойдемте за ним немедленно.

Я испугался: ведь надо было обо всем этом еще предупредить Петьку.

- Сегодня нельзя, - сказал я.

- Их нет дома. Мы пойдем завтра, я договорился.

- А завтра я не могу, - сказал дядя Шура.

- У меня срочная работа.

- Ничего, - успокоил я его, - мы ходим с Наташкой. Можете на меня положиться.

Но тут зазвонил телефон, дядя Шура стремительно схватил трубку и начал восторженно кричать:

- Здесь такие события!.. Нам надо немедленно встретиться!

- Повесил трубку, выскочил в коридор и вернулся в пальто.

- Я скоро... Через полчаса!

Как он торопился! Едва попал в рукава пальто.

Он был так рад моему сообщению, он был так рад этому звонку! Если бы на самом деле было так, как я рассказал. Мне захотелось побыстрее убежать от Наташки.

- И я с вами, - сказал я.

- Мне надо в город.

- Пошли, - сказал дядя Шура.

Он уже был на ходу, он готов был сбежать, чтобы "кому-то" (известно, кому!) сообщить сверхрадостную новость о том, что нашелся Малыш.

Но Наташка остановила его на этом пути.

- И я тоже с тобой, - сказала она.

- Как... со мной?

- Дядя Шура смутился.

- Я же вернусь через полчаса. Несмотря на свою выдержку, он часто смущался.

- Ты обещал, - упрямо сказала Наташка.

А я, вдохновленный своим озарением, чувствуя, что именно надо делать, находчиво вставил:

- Пойдем все вместе.

- Ну что ж, - решительно произнес дядя Шура, - в самом деле, почему бы нам не пойти вместе?.. Одевайся!

- А сам вышел на лестничную площадку и вызвал лифт.

И я вышел следом за ним, и мы стояли у лифта и ждали Наташку.

Один раз он в нетерпении открыл дверь и попросил Наташку поторопиться. А она уже была в пальто и натягивала ботики.

Пришел лифт, и дядя Шура крикнул:

- Наташа, быстрее!.. Что ты копаешься...

Он не успел закончить фразу, потому что на лестничную площадку вышла Наташка... без пальто и без ботинок.

- Чего же ты?

- удивился дядя Шура.

- Я не пойду, - сказала Наташка.

- Я передумала. Я буду ждать тебя дома, - и закрыла дверь квартиры.

Я чуть не заревел в голос. Мой план был так близок к осуществлению! И снова рухнул.

Сначала Петька ни за что не соглашался отдать Рэду. Я ему и про Надежду Васильевну все рассказал, и про дядю Шуру, и про Наташку, и про их семейную жизнь, и про то, что счастье этих троих в его руках.

А он мне на эту откровенность ответил:

- А если они будут не так ее кормить?.. Погубят собаку.

Тут я возмутился, даже хотел треснуть его по башке и уйти. Я снова сказал, что он не знает дяди Шуры, что тот известный детский хирург. Сердце оперирует. А он со своей жалкой собачонкой совсем потерял голову.

- Дети - это дети, - не сдавался Петька.

- А собака - это собака.

Я бы давно ушел, плюнул на него и ушел, но положение было безвыходное. От волнения у меня закружилась голова, это у меня часто бывало и раньше. Дядя Шура сказал, что в медицине этот факт широко изучен и не представляет никакой опасности.

- Конечно, собака - это друг человека, - примирительно сказал я, - но ты в этом не знаешь меры.

- Может, ей что-нибудь другое отдать?

- предложил Петька.

- Железную дорогу. Ценная вещь. Ее можно разбирать и собирать.

- Послушай, - закричал я, - неужели ты не понимаешь - нам нужна собака!

И я снова стал ему выкладывать подробности нашей истории.

Так мы беседовали битых два часа. Он и плакал, и стонал, и жаловался, что Рэда пропадет без него, а он без Рэды... Потом повел меня к себе домой, чтобы познакомить поближе с Рэдой, показывал, где она спит, из какой миски ест. Я совершенно осатанел от него.

В довершение он пожелал, чтобы я дождался его родителей, а когда они пришли, то он, представляя меня, сказал, что я тот самый "типус", который обозвал его вором. При этом он стал хохотать. И его родители не ругались, а тоже поддержали его в этом хохоте. Только в конце, провожая меня к двери, он еле слышно выдавил:

- Согласен, - и быстро добавил: - Если, конечно, Рэда не откажется.

Наташка вооружилась полностью: в руке у нее были поводок и ошейник.

Мы были молчаливы и сосредоточенны. Наташка волновалась перед встречей с Малышом. А я дрожал от сложности собственного плана. Что, если Петька передумал, если он куда-нибудь скрылся? И прочее, и прочее, и прочее.

- Как ты думаешь, он меня не забыл?

- спросила Наташка.

Она имела в виду, конечно, Малыша. "Ох, уж эти разнесчастные собаколюбители, Петька да Наташка!

- подумал я.

- Здесь голова лопается в поисках правильного выхода, а им бы только увидеть свою собаку!"

- Забыл!

- ответил я с некоторой злостью.

- Забыл, забыл.

Она была поражена, видно, моим резким тоном и некоторое время шла молча. Затем все же сказала:

- Нет, не забыл. Собаки никогда не забывают. А ты не знаешь.

- А люди?

- спросил я.

- И люди тоже, - ответила Наташка.

- Замечательно!

- закричал я.

- Значит, люди такие же умные, как собаки.

И вдруг я остановился как вкопанный. Даже не я сам, а что-то во мне остановилось. Я замер и прислушался к себе: все внутри у меня затрепетало.

- Ты что?

- с подозрением спросила Наташка.

- Подожди, - сказал я. Права была тетя Оля, когда мне, дураку, вдалбливала: "Обдумай все возможные пути к цели, но выбирай всегда самый бесхитростный. В закоулках легко заблудиться".

- Мы, кажется, ошиблись дорогой.

- Я ударил себя по лбу: - Он же просил нас зайти за ним в музыкальную школу. Он музыкант, - соврал я.

- Играет на этой... на флейте.

И вот тут-то произошло самое неожиданное: это было открытие, которое привело эту историю к доброму концу, и в этом открытии весь мой предыдущий план, вся моя хорошо выстроенная математическая формула полетела в тартарары.

Ибо, вместо того чтобы идти к Петьке добывать несуществующего Малыша, я повел Наташку совсем в другом направлении. Этот путь был простой и привел в музыкальный класс Надежды Васильевны.

Не раздумывая, я постучался в двери класса, из-за которой, конечно, доносилась игра на виолончели.

Музыка тут же оборвалась, и я услышал ее торопливые шаги. Дверь открылась...

Я увидел ее лицо: в первый момент оно было строгим. Потом стало испуганным. Наконец губы ее, которые за секунду до этого были крепко сжаты, опомнились первыми и улыбнулись.

Я в ответ тоже улыбнулся ей и даже легкомысленно, неизвестно почему, видно от волнения, подмигнул, но она этого не заметила. Это было видно по ее глазам. Они меня не видели, они смотрели мимо. И только тут я вспомнил, что пришел к Надежде Васильевне не один, что рядом со мной Наташка.

Робко я оглянулся на нее. Она стояла, низко опустив голову, сжав в руке собачий ошейник и поводок.

Но вот она посмотрела на меня - зрачки ее глаз буравчиками сверлили меня, - перевела взгляд на Надежду Васильевну и попятилась.

- Зачем вы обманули меня?

- спросила Наташка.

Только тут я понял: Наташка решила, что мы с Надеждой Васильевной в сговоре.

- Это я один, - сказал я.

- Ты потом поймешь.

Я не сделал за Наташкой ни полшага, как стоял, так и остался стоять: решил, что если она вздумает убежать, то все равно ее не уговоришь.

Наташка болталась где-то за моей спиной и вот-вот должна была броситься в бегство по длинному школьному коридору. Это я понял по глазам Надежды Васильевны, которые не отрываясь следили за Наташкой.

Вот это были глаза!

Я никогда в жизни не видел таких говорящих, зовущих глаз. Даже не знал, что могут быть глаза, когда не надо слов, просьб, когда и так все понятно. Веки у Надежды Васильевны чуть-чуть дрожали.

Может быть, я не имел права так поступать. Может быть, я не должен был приводить сюда Наташку и тем самым распоряжаться ее судьбой. Ведь никто никому не давал права распоряжаться чужой судьбой, это я знал, знал, а все равно распорядился! Вот тебе и прямой и короткий путь, без закоулков.

Но мне хотелось им помочь!

И вдруг лицо Надежды Васильевны радостно изменилось, и в следующий момент произошло то, что должно было произойти. Мимо меня стремительно пролетела Наташка и упала на руки своей мачехи.

А? Каково? Выходит, не такой уж я хвастун! Нет, скажите честно, я потушил этот пожар или не я? Если бы со мной была рядом тетя Оля, она бы по справедливости ответила на мой вопрос.

Но мне, между прочим, пора было уходить, ибо на меня никто не обращал внимания. Неблагодарные люди? Нет, нет, так я не думал. Чего во мне нет, так нет: благодарности я не выношу. Меня тошнит, когда благодарят.

В этот момент Надежда Васильевна посмотрела на меня и покачала головой, так медленно, понимающе и всепрощающе покачала головой. И это была самая высшая похвала, которая была мне нужна. Но ей этого, видно, показалось мало, и она произнесла первые слова за всю нашу встречу, и они оказались необыкновенными, хотя внешне были самые обычные.

- Боря, - сказала она, - а ты вырос.

Я улыбнулся ее сообразительности. Как я сам не догадался! Вот, оказалось, почему и она, и дядя Шура стали в последнее время меньше ростом. Это я вытянулся! Значит, я сделал еще шаг вперед, значит, вскарабкался по этой трудной, но чистой лесенке еще на одну ступень.

А Наташка не оглянулась. Она как уткнулась в Надежду Васильевну лицом, так и стояла не шелохнувшись. Может быть, складывала сказку, в которой мачеха была не злой, а доброй. Красивой, доброй и необыкновенно умной, как Надежда Васильевна.

Я опустил руку в карман, захватил там одну вещицу, надежно спрятал ее в кулак, протянул Надежде Васильевне и разжал пальцы. На моей ладони лежала, тускло поблескивая, та самая морская золоченая пуговица, которую Надежда Васильевна оторвала от своего пальто во время нашего разговора у метро.

Она взяла ее, снова улыбнулась, и уголки ее губ поднялись чуть выше, и улыбка приобрела таинственно-счастливое выражение.

- Ну ладно, друг мой, - сказала она Наташке.

- Давай успокоимся. А то у меня урок.

- А можно, я посижу у тебя на уроке?

- спросила Наташка.

- Конечно, - ответила Надежда Васильевна.

Да, действительно, мне здесь больше делать было нечего. Но мне все равно было весело, я был рад, потому что снова отвоевал себе право быть другом Надежды Васильевны.

А что может быть лучше в жизни, чем хороший, необыкновенно умный друг?

Я медленно, не торопясь, спускался по широкой школьной лестнице под звуки разных музыкальных инструментов, которые возникали и исчезали, как голоса в лесу.

Так я достиг первого этажа, остановился около телефона-автомата, позвонил дяде Шуру на работу и сказал, вспоминая неразговорчивого охотника Попова:

- Збандуто говорит. Все в порядке.

- Что в порядке?

- не понял дядя Шура.

- Привели Малыша?

- Нет. Я отвел Наташку к Надежде Васильевне, - и замолчал.

- Алло, алло!

- закричал дядя Шура.

- Борис, ты куда пропал?

- Я здесь, - ответил я.

Пожалуй, это была моя первая и последняя победа над выдержкой дяди Шуры, но он тут же взял себя в руки, и наш разговор закончился внешне спокойно. Если бы я не был "Поповым", то я бы произнес еще сто слов о том, как вел Наташку к Надежде Васильевне, как умирал от страха и как они бросились друг другу в объятия. Но я был сдержанным, молчаливым охотником Поповым.

- Передай моим, что я немного задержусь, - сказал дядя Шура.

Я повесил трубку, открыл парадную дверь и вышел на крыльцо.

Весь мир предстал передо мной в новом, совершенном виде, ибо он совершенен для человека только в тот момент, сказала бы тетя Оля, когда он сам приближается к совершенности. Но тетя Оля этого не говорила, это придумал я, ее не самый удачный ученик.

И вдруг меня понесло. Помимо собственной воли, я побежал... Словно у меня было какое-то новое спешное дело. Я бежал, бежал, минуя дома, пересекаясь со встречными машинами, пока не увидел прохожего.

- Здравствуйте, - сказал я ему, поискал рукой на голове кепочку и приподнял ее в знак высочайшего уважения к незнакомцу. И, успокоенный, пошел дальше своей дорогой.

Какая-то она будет?

"В ухабах, в ухабах, - как говорит моя дорогая тетя Оля, всемирно известная прорицательница, не лишенная педагогического чутья.

- В ухабах, но жизнь все-таки прекрасна, надо идти вперед".